ODICAL
RAL LIBRARY
NY OF MICH.
Krasnyj Archiv
SEP 15 1932

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ XLVII—XLVIII

47-48

СОДЕРЖАНИЕ:

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг.— Проект захвата Босфора в 1896 г.— Заграничное путешествие М. Н. Муравьева. — Польша и южно-русская контрреволюция.— Кадеты в 1905—1906 гг.— Записки Н. М. Романова.— Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны.

ЦЕНТРАРХИВ
1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД НА ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

АРХИВНОЕ ДЕЛО

В 1932 ГОДУ ВЫЙДЕТ 4 ВЫПУСКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год — 4 р. 50 к., на полгода — 2 р. 50 к.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО ВЫПУСКА — 1 р. 50 к.

Журнал ставит своей задачей научную разработку, на основе марксистско-ленинской методологии, основных проблем архивной теории и практики и освещение опыта советского архивного строительства.

Журнал необходим в качестве руководящего пособия всем работникам центральных и местных органов ЦАУ СССР и РСФСР, а также работникам государственных, профессиональных и кооперативных учреждений и организаций.

Журнал ставит своей целью привлечение передовых архивистов-ударников и актива архивной молодежи к глубокому изучению архивного дела, к наиболее полному овладению техникой архивных процессов, к преодолению нашей технической отсталости. Журнал должен стать для архивистов научно-технической энциклопедией, восполняющей недочеты их архивно-технической учебы и практики. В программу журнала, помимо научной проработки актуальных проблем текущего архивного строительства, входит всестороннее освещение положения архивного дела в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях, методическая разработка вопросов архивной техники и рационализации производственных процессов, освещение деятельности Центрархивов союзных республик и состояние архивного дела за границей, вопросов архивного образования и общественно-профессиональной жизни архивных работников. В журнале широко поставлен отдел о работе местных органов ЦАУ, а также отдел библиографии (обзор новых документальных публикаций, отзывы о книгах по архивоведению).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ РЕД.-ИЗД. ОТДЕЛОМ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР.

Москва, центр, ул. 25 Октября (б. Никольская), д. 15.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

chetvert'ii piatyi

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ—ПЯТЫЙ
СОРОК СЕДЬМОЙ—СОРОК ВОСЬМОЙ

47 48

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

★

Уполномоченный Главл. Б-16832.
С-Э/п № 178.
Заказ 2492. Тираж 2500 12 п. л.
Сдано в набор 2/XII. Подписано
к печ. 27/XII 1931 г.

Николай I и европейская реакция 1848—49 гг.

Публикуемые ниже документы освещают слабо изученный порыв русской внешней политики — 1848 и 1849 гг. — и различные фазы той борьбы, которая, в конечном счете, привела к агрессивному выступлению царской России — к интервенции в Венгрии в 1849 г.

Эти документы представляют собой небольшую часть обширной дипломатической переписки, хранящейся в архиве б. министерства иностранных дел [1]). Это — донесения русских послов в Вене и Лондоне министру иностранных дел графу Нессельроде. Однако эта небольшая группа документов все же довольно ярко рисует основные моменты дипломатической борьбы, а также основные мотивы, которыми руководствовалось царское правительство, посылая свои войска в Венгрию.

В основе интервенции 1849 г. лежали крупные факторы международного значения. Феодально-помещичья Россия была реакционной силой и стала в авангарде крестового похода против революционной Европы. Этот поход произошел в 1849 г. и сделался важнейшим фактором европейской реакции. Россия боролась также против объединения Германии. Подавление независимой Венгрии и присоединение ее к Австрии делали невозможным осуществление объединения Германии. Присоединение Венгрии к Австрии делало невозможным образование не только «Великой Германии», которая предполагала самостоятельное существование не немецких областей Австрии, но также и Малой Германии, которая должна была находиться под протекторатом Пруссии.

Победа Австрии с помощью России означала победу феодального партикуляризма над объединительными тенденциями, которые несла буржуазная революция. Тот факт, что русский штык пронзил венгерскую революцию, бывшую заключительной фазой всей европейской революции 1848 года, имел огромнейшее значение, дав несомненный перевес силам контрреволюции.

Энгельс по этому поводу писал: «Ход развития контрреволюции в 1849—1851 году поставил весь континент, за исключением Франции, в такое же отношение к России, в каком находился Рейнский союз и Италия к Наполеону. Это — форменная вассальная зависимость, Николай — вернее, Паскевич — неизбежный диктатор Священного союза

---

[1]) Архив Революции и Внешней Политики.

en cas de guerre [в случае войны], точно так же как Нессельроде является им уже en temps de paix [в мирное время]» [1]).

Венгерский поход тесно связан с польской проблемой, чрезвычайно обострившейся под влиянием революции 1848 года. Революция непосредственно задевала интересы царской России: она несла на своем знамени освобождение Польши.

Здесь задевались хозяйственные и стратегические интересы России; всякое революционное движение в Познани или Галиции угрожало тем, что искры пожара залетят на территорию русских владений, в русскую Польшу, снова поднимется бунт, Россия может стать перед угрозой нового восстания у себя дома, в собственной стране. Боязнь за Польшу имела реальные основания — дома у себя, в Царстве Польском, было далеко неблагополучно. В 1846 г. было обнаружено пять заговоров, в 1847 г. — один и в 1848 г. — три заговора. Из них два составились, по выражению рапорта наместника Царства Польского, «в духе коммунизма, вследствие распространения гнусных правил на Западе».

Недаром, когда английский министр иностранных дел лорд Пальмерстон сделал только намек на польские дела, русский посол решительно приостановил разговор об этом деле, «в котором император является единственным судьей». Недаром также русский посол в Англии Бруннов так живо интересовался отношением английского правительства к польской эмиграции. Для русского правительства было чрезвычайно важно, чтобы Англия не касалась этой старой раны России — Польши (донесение бар. Бруннова от 20 (8) апреля 1848 г.).

Таким образом острие русской контрреволюции было направлено против европейской буржуазной революции в целом и особенно против польского революционного движения.

Однако это не было единственной причиной русской интервенции 1849 г. в Венгрии. Она определялась также стремлением России захватить Константинополь. Революция 1848 г. и эпоха, следовавшая непосредственно за революцией, была благоприятным моментом для новых завоеваний и приобретений в Турции. Воспользовавшись возможностью подавить революционное движение в Молдавии, Николай I под шумок оккупировал дунайские княжества, затем направил свои усилия на подавление независимой Венгрии.

Крепостник-помещик, нуждаясь в путях сбыта хлеба, стремился захватить торговые магистрали, а следовательно, Константинополь и проливы. Независимая Венгрия могла служить государственной преградой продвижению России к Константинополю и проливам: ее подавление было первым шагом России к Константинополю.

С начала мартовской революции императорская Россия находится в полной боевой готовности, но тем не менее громко заявляет перед лицом всей Европы о невмешательстве во внутренние дела европейских стран. Последнее было необходимо, ибо положение было в высшей степени неустойчивым. Нападения можно было ждать как со стороны революционной Австрии, так в особенности и со стороны Пруссии, где немалую угрозу

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, Гиз, 1930, стр. 453.

представлял польский плацдарм—Пруссия и Познань. «В настоящий момент, — сообщает Бруннов, — в наших интересах следить за тем, чтобы они, каждая в отдельности (т. е. Австрия и Пруссия) держались отчетливой линии поведения в отношении нас для того чтобы помешать им соединиться с целью совместных действий против нас. Я полагаю, что берлинский двор сам облегчил нам задачу—помешать сближению Австрии и Пруссии. Последняя совершила большую политическую ошибку, взяв на себя роль протектора Германии без согласия других союзных государств. Это возбудило зависть Австрии. Со своей стороны Бавария не признает главенства Пруссии. Это положение на юге Германии дискредитирует принципы, провозглашенные в Берлине, и нейтрализует усилия Пруссии стать во главе движения к единству.

При таком положении вещей в наших интересах громко заявить о нашем уважении к независимости германкого союза, к свободе его решений относительно внутренних дел, к безопасности его границ, к поддержанию его нейтралитета». (Разрядка моя. — *Р. А.*). Таким путем можно было рассеять тревожные слухи относительно русского вторжения в Германский Союз, «успокоить государства Южной Германии, чтобы изолировать Пруссию» (донесение Бруннова от 4 апреля (23 марта) 1848 г.). Громко заявляя о своем невмешательстве, Россия становится в «оборонительное» положение, с одной стороны, усиливая репрессии внутри страны, «дабы все попытки дома укрощать в самом начале»[1]), с другой—ограждая свои границы от революционной опасности, которая шла и из Познани и из Галиции. Познань очень скоро была подавлена усилиями прусского правительства, с Галицией пришлось воевать подольше.

Галиция в 1848 г. оказалась в центре революционного пожарища. В первый момент революционное движение здесь возглавлялось исключительно поляками. Огромную революционную роль сыграла сплоченная группа польской эмиграции, которая после Февральской революции потянулась в главные города Галиции для того, чтобы использовать удобный момент в своих целях, в смысле борьбы за восстановление Польши.

Совершенно естественно, что все, что делается в Галиции и в Кракове, интересует русское правительство, и галицийскими делами занята наша дипломатия в Вене.

С самого первого дня революции русский посол в Вене получает инструкцию за инструкцией, основное содержание которых следующее: необходимо, чтобы австрийское правительство приложило все усилия, чтобы Галиция не заняла позиции враждебной как для австрийского, так и для русского правительства.

Однако попытки австрийского буржуазного правительства задавить революционное движение в Галиции имели чрезвычайно слабый успех: волна революционного движения в Галиции поднималась все выше. Польские революционеры захватили в свои руки власть, создали свое правительство, свою национальную гвардию.

Из одного письма Николая к Паскевичу совершенно ясно видно, какие серьезные опасения внушал ему рост революционного движения в Галиции: «подробности бывшего

[1]) Щербатов, Ген.-фельдм. кн. Паскевич, т. VI. Письмо Николая I Паскевичу от 22 марта.

в Праге, происшедшего в Венгрии и делающегося в Вене столь же любопытны, как и крайне горьки,— пишет он.— Что из всего этого выйдет, можно предвидеть, т. е. падение Австрии, но последствия падения могут быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно положительно нам важно — это то, чтобы не возродилось, с согласия или без согласия императора, отдельное, самостоятельное, новое царство в Галиции под именем Польского или Славянского. Ежели будет так, то я непременно вступлю в Галицию и присоединю древнее сие достояние. Ибо край сей может быть только или австрийский или русский. Иного не могу допустить никогда во что бы то ни стало» [1]). (Разрядка моя. — *Р. А.*).

Это письмо проливает свет на значение дальнейших событий, приведших к русской интервенции в Венгрию. Основной пружиной, двигавшей русскую дипломатию в данный момент, являлось стремление уничтожить опасность, которую представляло революционное движение в смысле его влияния на русскую Польшу, иначе говоря, боязнь образования польского или славянского государства вместо австрийской Галиции. Вместе с тем николаевское правительство было весьма непрочь вернуть себе «древнее сие достояние», присвоить себе Галицию. Как австрийское, так и русское правительство пытались подавить галицийскую революцию, но методы двух правительств были различны. Буржуазное министерство Австрии боролось путем разжигания классовой и национальной розни, натравливания русинских крестьян на польское дворянство. Оно делает уступки крестьянам и уничтожает барщину. Русское правительство действует методами решительного подавления революционного движения, выкорчевывая галицийскую «крамолу». Русское правительство требует со стороны австрийского выдачи польских эмигрантов, выполнения давнишнего условия с Австрией о выдаче политических преступников, выполнения так называемого «картеля». Вопрос о «картеле» был острым вопросом, сделавшимся яблоком раздора между Россией и австрийским правительством. Австрийское буржуазное министерство Шварценберга готово было итти навстречу требованиям русского правительства, но встретило противодействие радикальной части Учредительного собрания, заседавшего в Вене. Одно из донесений повествует об этом так: «на вчерашнем заседании Учредительного собрания один из депутатов Галиции Сераковский сделал министру внутренних дел запрос, почему продолжается выдача дезертиров и какие меры принимает министерство для прекращения этих бесчеловечных действий. (Одобрение левой и свистки противоположной стороны). Доббльгоф ответил, что его удивляет продолжение этих выдач после данных по этому поводу повторных указаний». Дело в том, что на одном из предыдущих заседаний тот же Доббльгоф, занимавший пост министра торговли и в данный момент замещавший Вессенберга, на запрос о выдаче эмигрантов ответил, что принцип гостеприимства в применении ко всем тем, кто ищет убежища на австрийской территории, является священным, и министерство заставит последовать этому принципу власть Галиции [2]).

---

[1]) Щербатов, Ген.-фельдм. кн. Паскевич, т. VI. Письмо Николая I от 10 июня 1848 г.

[2]) Донесение Медема 10 июля 1848 г.

В заседании, о котором говорит публикуемый ниже документ, Доббльгоф сослался на данное уже им по этому поводу распоряжение. На депеше имеется суровая помета Николая: «Надо заявить, что если правительство даст ход невероятному заявлению Доббльгофа, я прикажу графу Медему покинуть Вену со всей миссией».

Однако Медем не покинул Австрии. Это был обычный для николаевского правительства прием для того, чтобы принудить к выполнению своих требований. Разрыва не произошло потому, что уже осенью 1848 г. в Австрии стал обнаруживаться совершенно явственно рост реакционных сил, в конце концов, приведших к полному торжеству реакции.

Как известно, Ольмюц, куда бежал император из Вены, сделался центром кампании против революции. «Славянские» энтузиасты стекались сюда со всех сторон. «Виндишгрец, пишет Энгельс, — покоритель Праги, командовавший армией, сосредоточенной вокруг Вены, разом сделался героем славянства» [1]). К концу октября была организована армия в 60 000 человек, которая приступила к блокаде Вены. В этот момент вопрос об интервенции был для Николая решенным делом, более того — в высшей степени желательным делом. Вопрос шел только о сроке и о поводе к вмешательству. Николаю важно было, чтобы к нему обратились за помощью в момент тяжких поражений, тогда можно было бы использовать безвыходное положение Австрии и организовать интервенцию с меньшими затратами.

Восстание в Вене было подавлено. «Теперь в Вене и в Берлине,— писал Николай Паскевичу, — предстоит не менее трудное дело — уничтожить имя анархии. Будут ли уметь?» [2]) С момента подавления октябрьского восстания между русским правительством и австрийским министерством происходит тесное сближение.

Отметим еще один решающий пункт борьбы — дунайские княжества — пункт чрезвычайной важности, где сосредоточивался, как в фокусе, ряд существенных интересов России. Оккупация княжеств означала захват торговой дороги, дунайских портов, весьма важных для расширения русского хлебного рынка. Захват дунайских княжеств означал также реванш постановлениям лондонской конвенции о проливах (13 июля 1841 г.), как известно, аннулировавшимУнкиар-Скелесский договор и вместе с тем привилегированное положение России в отношении Турции. Оккупируя Молдавию и Валахию Россия, организовала плацдарм постоянного влияния на Турцию. Это было новой попыткой к продвижению в Константинополь.

Захват Молдавии и Валахии имел огромное стратегическое значение — дунайские княжества могли стать форпостом наступления на Трансильванию, а отсюда на Венгрию, наступление же на Венгрию означало прямую угрозу Турции. Дунайские княжества были важным стратегическим пунктом, захват которого означал возможность держать в своих руках Австрию, постоянно угрожать ей. Поэтому-то Россия, воспользовавшись революционным движением в Молдавии, немедленно направила туда 4 000 человек русских войск.

Для успеха действий России необходим был нейтралитет Англии. Публикуемые ниже документы говорят о том, что царская дипломатия потратила немало усилий, чтобы

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VII, стр. 71. Гиз. 1919.

[2]) Щербатов, Ген.-фельдм. кн. Паскевич, т. VI, письмо Николая I от 4 ноября 1848 г.

обеспечить себе этот нейтралитет. Нейтралитет Англии в этом вопросе был, в известной степени, вынужденным. Отсутствие сухопутных сил обрекало Англию на бездействие, пока русские войска были на территории княжеств. Она могла сказать свое слово, только воздействовав в определенном направлении на Турцию.

Согласованные действия русского правительства с турецким в Молдавии и Валахии были оговорены английским кабинетом как непременное условие, обеспечивающее нейтралитет. Русская дипломатия изо всех сил старалась доказать, что она действует с полного согласия Порты, и ей верили, пока не хотели создавать из этого дела casus belli, а последнего не хотели создавать из соображений «внутренней политики».

Начало русских военных действий в дунайских княжествах совпало с подъемом пролетарского движения внутри Англии — с подъемом чартизма, с обострением борьбы с революционной Ирландией и т. д. Бруннов с удовлетворением мог писать из Лондона, что все переговоры, подготовлявшие нейтралитет, привели к благоприятному результату, вызвавшему ответное благоприятное отношение России к Англии. «В заключение позиция, которую мы займем по отношению к Англии, совершенно ясна и благоприятна, если только Порта не осложнит положение дел своей ошибкой [т. е., если Порта не обратится к Англии за поддержкой — *Р. А.*]. Я не сомневаюсь, что усилия нашего министра в Константинополе могут предотвратить это зло. Что касается меня, то мои старания будут непрерывно направлены к тому, чтобы удалить из наших непосредственных отношений с Англией все поводы для неудовольствий и разногласий» (донесение Брунова от 28 (16) июля 1848 г.).

Был, правда, один момент, когда занятие Молдавии и Валахии русскими войсками чуть было не привело к войне России с Турцией. Дело в том, что Турция никак не хотела принять тот политический строй в усмиренных княжествах, который навязывала ей Россия. Порта не хотела подставлять шеи под Кавдинское ярмо и примкнуть к Балто-лиманской конвенции, обрекавшей княжества на полное подчинение России.

Балто-лиманская конвенция навязывала княжествам господарство по назначению на 7 лет, создавала должность двух комиссаров, предполагала пересмотр органического законодательства, установленного Адрианопольским договором.

Подписывая этот договор, Порта шла на свое тяжкое поражение, ибо она отлично сознавала, каково будет назначение господарства при господстве России, какой вид примет органическое законодательство (Règlement organique) и какое место будет занимать турецкий комиссар подле своего русского товарища. Порта решила сопротивляться и отдала приказ о вооружении.

«В обществе и торговых кругах Англии несколько дней тому назад распространились слухи о возможном разрыве между Оттоманской портой и Россией» (донесение из Лондона от 17 (5) марта 1849 г.). Положение становилось серьезным. Русское правительство предприняло ряд мер. В Константинополь был направлен генерал Граббе для «целей мира, отнюдь не для войны». Однако в инструкции русский кабинет не делал никаких уступок и настаивал попрежнему на своих требованиях. Русский посол в Лондоне Бруннов изо всех сил старался уладить конфликт.

В итоге царская Россия одержала победу во всех пунктах, сделав только несколько небольших уступок. В октябре 1848 г. вопрос об интервенции был решен. Ярким свидетельством близких отношений Николая с венскими реакционными кругами является публикуемое ниже донесение русского посла в Вене об его переговорах с Виндишгрецом.

Этот документ, известный до сих пор лишь в кратких извлечениях[1]), печатается нами ниже полностью. На замечание Виндишгреца, что австрийское правительство собирается прибегнуть к помощи Николая в случае нужды, Николай совершенно недвусмысленно отвечает пометой: «И я отзовусь». Энергичные пометы Николая говорят о том, что для Николая был решен вопрос о необходимости вмешаться в австрийские дела.

Однако, организуя интервенцию и спасая Австрию, Николай оставляет за собой полную самостоятельность в смысле расположения и действий своих войск.

В высшей степени интересен тот факт, что спасаемая Австрия с большой опаской оглядывалась на своего спасителя, а последний совершенно не считался с ее интересами. В самом деле, на вступление русских войск в пределы Австрии правительство последней шло очень неохотно. Австрия, безусловно, боялась помощи России. Обратим внимание на красноречивую депешу Медема, который сообщает, что австрийское министерство считает необходимым вхождение русских войск в Трансильванию, однако оно полагает, что это вхождение нужно ограничить пространственно и во времени. Требуется «не расширять русской оккупации за пределы округов, пограничных с Кронштадтом и Германштадтом, и не продолжать ее дольше совершенно необходимого времени» (донесение Медема от 16 (4) февраля 1849 г.).

Кстати отметим, что отряд Скарятина, направленный русским правительством в Трансильванию, как и австрийские войска, возглавляемые Пухнером, были наголову разбиты Бемом и должны были отступить в Валахию. Ряд поражений заставил австрийцев переменить свои позиции в отношении к России. Только тогда, когда Бем занял Трансильванию, а победившие венгры подступили к Вене, только повторяем, ввиду безнадежного положения австрийского правительства, оно обратилось к русской помощи.

Одно секретное сообщение Медема особенно ярко. Переговоры Медема со Шварценбергом выясняют детали положения. Трансильвания сделалась очагом революционного движения, руководимого поляками, к которым присоединились итальянцы, французы, немцы и даже англичане. Необходима была помощь в 25 или 30 000 человек (донесение Медема от 4 апреля (23 марта) 1849 г.).

Николай должен был, казалось бы, немедленно откликнуться на призыв, однако у него был свой план. На депеше имеется следующая его помета: «Мы займем Буковину и Галицию, или я не тронусь с места».

Письмо Николая Паскевичу проливает свет на эти факты. «Австрийцы, не сладив сами, хотят теперь чужими руками жар загребать: оно легко и приятно, но я того не хочу. Занять Галицию согласен. Если мятежники ворвутся, тогда их уничтожить там или в Буковине будет наше дело, как и наше дело—совместно с турками защищать княжества». Итак Николай направляет свои войска в те территории и области, в которых он сам за-

[1]) Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. IV, часть I, стр. 583.

интересован. Галиция, Буковина, дунайские княжества, все это для России — лакомые куски, а занятие бунтующей Трансильвании было делом трудным и не очень привлекательным.

Только известия о новой революции на юге Германии и о новых поражениях Австрии заставили Николая «вступиться в это дело». Однако выставляемые им условия в высшей степени красноречивы. В одной депеше, направленной министром иностран. дел Медему, мы читаем, что «корпуса, призванные переступить границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу [разрядка моя. — *Р.А.*] и что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам, которые с этого момента освободятся и смогут послужить для усиления армии князя Виндишгреца» (проект депеши графу Медему от 25 марта 1849 г.).

В одном из своих писем Паскевичу Николай бросает такую фразу: «Ежели нам вступать в дело это, то не иначе, как крайне осторожно, не теряя из виду прямых интересов России». «Прямые интересы» России заключались для Николая не только в подавлении революционного движения, интервенция была тесно связана с «прямыми интересами» России на Востоке. Из всех прочих государств Австро-Венгрия была единственной страной, которая могла служить территориальной преградой для господства России над Дунаем и Черным морем.

Подавление Венгрии уничтожило препятствия для продвижения царской России к Турции, делало последнюю уступчивее и в вопросе о дунайских княжествах. Недаром Турция пыталась сказать свое слово в разрешении венгерской проблемы, принимая участие и оказывая деятельную поддержку Венгрии в ее борьбе против русской интервенции. Последнее подчеркивает Нессельроде в своем письме Фонтону, указывая на «подозрительное поведение наших друзей турок в венгерской инсуррекции» [1]).

Венгерская интервенция это — первый шаг к Константинополю, как вполне правильно определил значение венгерского похода Стрэдфорд Кеннинг, английский посол в Турции. Оставалось использовать официальное приглашение Австрии для того, чтобы продвинуться к Константинополю, в Турцию, и вместе с тем сделаться решающей силой в Центральной Европе. Помогая Австрии, Николай стремился также подчинить себе Австрию и противопоставить вассальную Австрию Пруссии.

Этот план мог бы показаться несколько фантастическим, однако очень многое из этой фантазии оказалось впоследствии реальностью.

Для проведения этих планов, как мы указывали, необходим был нейтралитет европейских государств, — главным образом Англии. В публикуемых нами документах отношение Англии к интервенции выявлено очень полно. Эта эпоха представляет большой интерес со стороны выяснения взаимоотношений Англии и России. Конец сороковых годов — эпоха прочных торговых отношений: в 1849 г. был перезаключен навигационный акт 1841 г. с очень большими уступками со стороны Англии: Англия предоставила русским кораблям право беспрепятственного вхождения во все англий-

[1]) Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, t. IX, p. 271.

ские порты, чего не было при прежнем законодательстве. Вместе с тем, при заключении навигационных законов, Англия получила со стороны русского правительства существенные обещания по линии снижения пошлин на те товары, которые направлялись из Англии в Россию: хлопчато-бумажные изделия, хлопчато-бумажную пряжу, металлические изделия.

Был еще один пункт, объединявший тогда соперников — Россию Николая I и Англию Пальмерстона, это — отношение к революции.

В самой Англии тогда классовые противоречия развились, как было уже вскользь отмечено, в наиболее ясной и бесстыдной форме (К. Маркс). Перед правящими кругами Англии стояла задача окончательного подавления собственного революционно-классового движения, именно — чартизма. Многих усилий стоило держать в повиновении революционную Ирландию. «Она (т. е. Англия) должна щадить свои силы, чтобы удержать глухо волнующуюся Ирландию»,—отмечает Бруннов в одной из донесений. Победа революции на континенте угрожала новым подъемом революционного движения в Англии. Разгром революции был залогом торжества реакции в самой Великобритании. Чувство солидарности в борьбе за «священные основы порядка», боязнь помешать России подавить революцию, ибо революция стучалась в двери Англии, сыграли немаловажную роль в «нейтральной» позиции британского правительства по отношению к замыслам России.

Документы дают любопытнейшие формулировки основ объединения Англии и России как двух реакционных сил. Лорд Пальмерстон по поводу роли России и Англии говорит следующее: «Англия и Россия являются единственными кораблями, не потерпевшими крушения. Посмотрим, не рискнем ли мы, когда успокоится буря, спустить наши шлюпки в море, чтобы спасти от кораблекрушения кое-кого из тех, которые еще находятся на поверхности» (донесение Бруннова от 20 (8) апреля 1848 г.).

Однако реакционный курс английских правящих кругов не был единственным обстоятельством, которое определяло нейтралитет Англии в русско-венгерской войне. Здесь была попытка перестраховать себя на предмет будущих осложнений на Востоке. В 1847 г. между Николаем и английскими министрами Эбердином и Пилем происходили переговоры относительно установления общей политики в Восточном вопросе: было решено, что в случае распадения Турции Англия и Россия действуют сообща, дабы не нарушить европейского равновесия. Это соглашение было зафиксировано в меморандуме русского министра, однако оно не привело к формальному договору. Оно имело, как утверждало английское правительство, лишь моральное значение.

Однако это соглашение все же знаменательно как нарушение франко-английского союза в Восточном вопросе. Союз Англии и России мог действительно иметь значение для Англии и поддерживать европейское равновесие при существовании Австрии, старинной союзницы Англии в Восточном вопросе. Осторожность Англии в отношении интервенции и ее нейтралитет определялись тем, что Англия боялась помешать тому, что, в конечном счете, должно было привести к возрождению Австрии.

Англию в данный момент мало беспокоили те планы, которые Николай преследовал на Востоке. В противоположность Николаю, который помощью, оказанной Австрии,

рассчитывал приобрести себе ближайшего союзника на Востоке, английский кабинет считал, что в политике благодарность является чрезвычайно слабым двигателем. И действительно, Австрия, в дальнейшем, как мы знаем, не оказалась склонной жертвовать своими интересами для того, чтобы защищать царя.

К тем руссофильским настроениям, которые рисуют документы, необходимо отнестись критически. Россия добивалась у Англии займа. Англия дала заем только тогда, когда венгерская война уже окончилась и Англии ничто не угрожало. Тем не менее послы из Венгрии, направленные в Англию, чтобы добиться признания венгерской республики, и надеявшиеся на то, что Англия будет протестовать против русской интервенции, уехали обратно ни с чем. На все просьбы венгров английское правительство ответило отказом. Англия решила не вступаться в русско-венгерскую войну и не мешать России делать свое дело.

Не только представители реакционной группы тори, но даже такие представители вигов, какими были Россель и Пальмерстон, высказывались в том же смысле.

Русское министерство справедливо указывало, что «министерство вигов, не выступая ясно и откровенно в защиту обязанностей, которые стоят сейчас перед консервативным правительством, тем не менее решилось или, по крайней мере, признало желательным не бросать своего влияния на противоположную чашку весов» (проект депеши бар. Бруннову от 20 июля 1849 г.).

Подведем итоги. Несмотря на фантастичность планов русского правительства, все же помещичья Россия, подавляя революционное движение, добивается значительных успехов в достижении своих целей. Разгром Венгрии означал разгром заключительной фазы революции, начавшейся в феврале 1848 г.

Разгром венгерской революции означал торжество феодально-монархической военной реакции, в объятия которой бросилась буржуазия, в страхе перед грозной тенью пролетариата. Разгром Венгрии означал также и то, что русский царь сделался решающей силой в судьбах Германии. Венгерский поход Николая дал ему возможность одержать победу и над Пруссией, которая привела к восстановлению Союзного сейма, к полному подчинению Пруссии Австрии и к торжеству феодальных отношений в Германии.

Р. Авербух.

Депеша посла в Лондоне бар. Бруннова министру иностр. дел гр. Нессельроде.

Лондон. 16(28) марта 1848 г.

Господин канцлер.

Согласно приказанию императора, я выразил герцогу Веллингтону то большое удовлетворение, с которым его величество соблаговолил принять отчет о моих последних переговорах с знаменитым маршалом. Я воспользовался этим случаем, чтобы довести до его сведения решения, которые следуют из депеши вашего сиятельства от 29 февраля (12 марта).

Благородный герцог, прочтя ее с живейшим интересом, сказал мне: «Нет ничего на свете более умеренного, более достойного, более мудрого, чем политическая система, проводимая императором. В наше время каждый должен стремиться быть хозяином у себя дома. Вы видите, что происходит в Пруссии и Австрии. Одним ударом опрокинуты две монархии. Это — ужасное несчастие. Я не считал его возможным. В настоящее время, если бы мне пришлось давать совет его величеству, я бы сказал, что нужно твердо отстаивать свое право, свою территорию и защищаться изо всех сил.

Очень много значит, что закон на вашей стороне. Право за вас, держитесь крепче за него. Собирайте ваши силы, но берегите их, так как, вы видите, мы еще только у начала событий.

Франция во время революции хватила через край. Теперь, правда, она истощена. Ее финансы падают; ее кредиты тоже; ей грозит упадок, крайняя слабость, но Франция — страна самолюбивая, умная, воинственная. Я убежден, что, в конце концов, она выставит армию, и Европе придется сражаться с этой армией. Я не знаю, как Европа справится с этим делом. Австрия погибла; Германия дезорганизована; в Пруссии восстание. Кто же остается еще в Европе? Англия и Россия.

Передайте его величеству, что я целиком разделяю его убеждения. Я с своей стороны сделаю все, чтобы предотвратить зло».

Я сказал, что точно передам императору все его слова; что его величеству благоугодно рассчитывать на него. Я прибавил, что, с своей стороны, позволяю себе просить его не терять из виду польских дел, так как я предвижу, что борьба разыграется на этом месте; что революционные симпатии всего мира концентрируются в этом пункте; что я не сомневаюсь, что эта борьба отразится и на Англии, и что в случае необходимости я обращусь лично к нему, чтобы засвидетельствовать императору, что он имеет в нем верного друга.

Благородный герцог понял всю серьезность моего призыва к его чувствам по отношению к нашему августейшему монарху. Я хотел бы, господин канцлер, чтобы силы знаменитого маршала не изменили ему среди кризиса, в который мы вступаем.

Бруннов.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 23 марта (4 апреля) 1848 г.

Господин канцлер.

Мощное потрясение повернуло политический мир вокруг его оси. Монархическая Европа, защищаясь на Рейне, имела своим опорным

пунктом Россию; Европа демократическая оказывает сопротивление на Висле, рассчитывая на поддержку Франции.

Этот поворот, совершившийся в течение месяца, является чем-то таким неслыханным, что мы должны зорким глазом оценить размеры той опасности, с которой нам предстоит бороться для того, чтобы, сообразовав с ней наши силы, отразить нападение, которому мы подверглись. Я смею надеяться, что император соблаговолит оценить почтительную откровенность, с которой я намерен высказать его кабинету соображения, возникшие у меня перед лицом этих серьезных обстоятельств, у меня, имеющего возможность все наблюдать.

Наступающие события заставляют нас вспомнить события эпохи 1812 года. В то время главная забота императорского кабинета заключалась в том, чтобы закончить войну с Турцией, для обеспечения левого фланга империи, и войти в соглашение со Швецией, чтобы прикрыть наш правый фланг.

В настоящее время нейтралитет этих двух держав представляется мне главным условием нашего плана защиты.

Дарданелльский трактат представляет для нас гарантию безопасности со стороны Турции до тех пор, пока Турция остается в мирном положении.

Со стороны Швеции необходимо укрепить стокгольмский кабинет в нейтральной позиции, соответствующей и его и нашим интересам. Укрепив таким образом позицию как с юга, так и с севера, мы должны выяснить намерения Австрии и Пруссии.

И та и другая приведены сейчас в состояние морального бессилия, которое очень напоминает их состояние в 1812 году. У них нет больше воли. Они подвергаются напору злых сил, потому что у них нехватает смелости действовать в интересах добра.

При таком жалком положении наших старых союзников в наших интересах—следить за тем, чтобы они, каждый в отдельности, держались отчетливой линии поведения в отношении нас для того, чтобы помешать им соединиться с целью совместных действий против нас.

Я полагаю, что берлинский двор сам облегчил нам задачу—помешать сближению Австрии и Пруссии. Последняя совершила большую политическую ошибку, взяв на себя роль протектора Германии без согласия других союзных государств. Это возбудило зависть Австрии. С своей стороны Бавария не признает главенства Пруссии. Это положение на юге Германии дискредитирует принципы, провозглашенные в Берлине, и нейтрализует усилия Пруссии стать во главе движения к единству.

При таком положении вещей в наших интересах громко заявить о нашем уважении к независимости Германского союза, к свободе его

решений относительно внутренних дел, к безопасности его границ, к поддержанию его нейтралитета. Словом, благоразумная политика диктует нам необходимость успокоить немцев относительно наших намерений и опровергнуть утверждения наших противников, которые приписывают нам намерение вмешаться во внутренние дела Союза; выяснить наши намерения, чтобы рассеять ложную тревогу, возбуждаемую против нас, успокоить государства южной Германии, чтобы изолировать Пруссию — таковы, по моему, те задачи, которые мы должны иметь в виду, чтобы парализовать национальное движение, которое пытаются организовать против России.

Если нам удастся таким образом разделить с самого начала элементы, из которых хотят составить коалицию против нас; если нам удастся достичь — я не говорю — содействия, но хотя бы нейтралитета Австрии, мы этим значительно уменьшим возможность действия со стороны Пруссии. Ее географическое положение таково, что ей трудно сосредоточить свои силы. Она не может в одно и то же время защищать границы на Рейне и на Висле. Ее политические комбинации, если таковые у нее имеются, превосходят, вероятно, ее силы.

Правда, я слышу много разговоров о всеобщем крестовом походе, который намерены направить против России с целью установить независимость Польши. Я не могу скрыть от себя, что в этой идее есть что-то, что возбуждает умы. Однако, не преуменьшая тех трудностей, с которыми нам предстоит бороться, я стараюсь дать представление о реальности событий, не преувеличивая их серьезности.

Для того, чтобы двинуть массы, необходим гений. Несомненно, что Пруссия им не обладает. Она охвачена в настоящее время мятежным духом. Под его влиянием она может причинить много бедствий, но она не может организовать ничего крупного, она может причинить только мелкое зло. Из военной монархии, какой она была, она спускается до уровня вольных союзов. Говорят, что мы имеем по соседству не Пруссию, а демократическую Швейцарию. В этом колоссальном социальном разложении, когда принцип монархии расшатан, я усматриваю порабощение королевской власти, совершенно так же, как это было в 1812 году, когда Наполеон заставил Пруссию с оружием пойти против нас. Я позволяю себе вызвать эти воспоминания, потому что я чувствую в глубине своей души, как велика будет скорбь нашего августейшего монарха по поводу событий, совершающихся в Берлине. Блаженной памяти император Александр перенес такие же испытания. Божественное провидение послало ему в утешение возможность восстановить королевский дом в Пруссии после того, как он победил его силой своего оружия. Сохраним это воспоминание в тот мо-

мент, когда наши отношения с Пруссией осложнятся настолько, что будут угрожать миру.

Эта перспектива кажется мне с каждым днем все более вероятной. Если она будет осуществлена, в наших интересах будет доказать всему миру, что вина за провоцирование подобного несчастья падает на Пруссию. Наши обиды должны быть показаны всем. Мы должны громко заявить перед лицом Европы о необходимости взяться за оружие для нашей защиты. Это будет величественная и скорбная демонстрация, так как каждый знает, как дорого будет стоить великодушному сердцу нашего августейшего монарха такое серьезное решение.

Если дело зайдет так далеко, я не сомневаюсь, что Пруссия примет все меры, чтобы привлечь Англию на свою сторону.

Было бы очень важно нейтрализовать эти усилия. Ничто так не способствовало бы этой цели, как непосредственное и откровенное объяснение с британским кабинетом. Необходимо с полной ясностью установить три обстоятельства: 1) что мы не имеем никакого намерения вмешиваться во внутренние дела прусской монархии, 2) что вызов с ее стороны произошел в такой форме, что не оставлял нам другого выбора, как прибегнуть к оружию, исключительно для нашей собственной защиты, и 3) что никакая мысль об экспансии не входит в намерения нашего кабинета, и наши действия имеют своей целью сохранение территориальных границ, установленных нашими договорами.

При наличии таких заявлений английскому кабинету будет трудно выступать против нас. Я отлично знаю, какие симпатии попытаются пробудить в Англии, чтобы поднять ее против нас. Но я могу также оценить и те мотивы, которые побуждают ее держаться в стороне. Кроме того, она должна щадить свои силы, чтобы удержать глухо волнующуюся Ирландию. Сверх того, она должна охранять многочисленные интересы на Средиземном море, на Леванте, в колониях, и, наконец, она имеет по соседству республиканскую Францию, которая не может гарантировать спокойствия.

Все эти соображения будут тщательно взвешены, прежде чем Англия решится действовать. Для того, чтобы парламент поддержал войну, она должна защищать интересы, способные вызвать симпатии и поддержку нации.

Однако, когда мы имеем дело с правительством, которое не всегда свободно в своих собственных желаниях, а находится в зависимости от общественного мнения, было бы рискованно предсказывать заранее, в каком направлении выскажется это мнение. Мы уже имели случай видеть, как кабинет тори, в тысячу раз более сильный, чем настоящее

министерство, был вовлечен против своей воли г. Вильберфорсом в дело освобождения негров, потребовавшее от нации огромных жертв, и все это только в интересах гуманности, результаты которой очень проблематичны. Плохо понятая филантропия имеет у общественного мнения Англии странный престиж. Это свойство постоянно эксплоатировалось в интересах так называемого польского вопроса. Так случится, вероятно, и снова; это нужно иметь в виду. Что меня удивляет, так это молчание, которое хранят по этому поводу английские газеты. Они ограничиваются перепечаткой заявлений германской прессы, однако без всяких комментариев. Говорят, что они лежат в дрейфе, чтобы посмотреть, откуда будет ветер.

Наше спокойное поведение посреди грозы, которая грохочет вокруг нас, производит колоссальный эффект. В неподвижности нашей империи есть что-то величественное, составляющее контраст с волнением всего остального мира.

Внимание министерства и английского общества в недоумении останавливается перед этим грандиозным зрелищем. Мое мнение по поводу всего этого может быть резюмировано в двух словах: «Император хочет мира. Если на него нападут и нарушат его права, он сумеет их защитить. Его надежда на бога довершит остальное».

Я утвердился в принятой мною позиции и не допускаю преждевременных споров по поводу дела, которое касается непосредственно нас и в которое никто не имеет права вмешиваться.

Принимая во внимание мою отдаленность и трудности сообщения, которые еще увеличивают расстояние, я полагаю, господин канцлер, что занятая мною позиция, которую я только что обрисовал, вполне соответствует защите интересов нашего августейшего монарха в этой стране.

Чтоб закончить картину, которую я только что нарисовал, мне остается еще прибавить последнее соображение относительно Франции. Она не делает политики. Она ограничивается пропагандой. Ее система основана прежде всего на желании освободиться от банды эмигрантов всех наций, присутствие которых усиливает затруднения временного правительства; во-вторых, на желании поджечь Италию, Германию и Польшу, чтобы отвлечь внимание всех правительств и истощить их силы, с целью помешать им соединиться против республиканской Франции.

Эта позорная система, активно проводимая временным правительством, — хотя оно это и отрицает, — отметит Францию навсегда клеймом позора и навлечет на нее проклятие всей Европы.

Божественное провидение в справедливости своей не допустит, чтобы это преступление против покоя всего мира не осталось без возмездия.

Нужно, чтобы Германия была поражена роковой слепотой, чтобы не видеть, что, направляя свои силы на Вислу, она ослабляет возможность защищаться на Рейне.

Но день возмездия настанет тогда, когда из Франции выступит армия. Она постарается заставить немцев раскаяться в том приеме, который они оказывают сейчас вооруженным бандам, несущим беспорядок и смятение в Польшу.

Мы входим, господин канцлер, в эпоху национальной борьбы. Она будет продолжительной и трудной. Но среди наследства военной славы императора Александра я не нахожу более великого воспоминания, чем 1812 г. Да благословит господь усилия нашего государя, так же, как он покровительствовал трудам его блаженной памяти августейшего брата!

Бруннов.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 8(20) апреля 1848 г.

Согласно приказаниям вашего сиятельства, я сообщил лорду Пальмерстону депешу от 17 (29) марта, уточняющую политическую систему, принятую императором в результате событий в Вене и Берлине. Я постарался оставить эту депешу в руках министра для того, чтобы довести о ней до сведения британского кабинета.

Через несколько дней при моем посещении министерства иностранных дел я убедился в благоприятном впечатлении, которое произвело это сообщение на английское министерство.

Лорд Пальмерстон мне сказал: «Ничто не могло быть благоразумнее той линии поведения, которую принял его величество император. Не вмешиваться во внутренние дела государства, не проявлять агрессивности, но защищаться, если на нас нападают, вот сильная и спокойная политика, которую нельзя не оценить. Позиция, занимаемая вашим кабинетом, похожа на нашу. Мы держимся таких же взглядов. Как вы, мы стремимся поддержать мир у нас; если на нас нападают, мы готовы защищаться; мы не забегаем вперед, мы выжидаем события, стоя твердо на своих ногах.

В отношении Европы ваше поведение превосходно». «Конечно, — прибавил он, — императору следовало бы, может быть, сделать кое-что для Польши...»

На этом месте я просто прервал лорда Пальмерстона и, приложив палец ко рту, сказал: «Об этом мы говорить не будем».

Он ответил мне добродушно: «Вы правы, это касается императора, это не наше дело».

Его величество соблаговолит, я надеюсь, признать, что я таким образом одним ударом прекратил дискуссию по вопросу, в котором император является единственным судьей. Принимая во внимание кризис, в котором в данный момент находится Европа, я полагал, что должен был занять по отношению к английскому министру твердую позицию, для того чтобы исключить из наших с ним отношений предмет, по поводу которого оба кабинета держатся различных взглядов, вследствие чего в их интересах взаимно исключить его из своих переговоров.

После того, как я устранил бесплодные споры по этому вопросу, наша беседа сосредоточилась на депеше от 17 (29) марта, которая обращает внимание английского правительства на преступное поведение польских эмигрантов, поселившихся в Англии. Ваше сиятельство, вероятно, предчувствовали, что премьер-министр в ответ на это сошлется на отсутствие достаточного контроля над иностранными эмигрантами до тех пор, пока их поведение не содержит действий, наказуемых английским законодательством. Действительно, лорд Пальмерстон не преминул повторить еще раз при этом случае, насколько недостаточны те меры надзора, которыми английское правительство легально располагает в таких случаях.

Однако, как доказательство дружеского внимания британского кабинета по отношению к нам, он рассказал мне следующее. Несколько недель тому назад большое количество польских эмигрантов, занесенных в списки и получающих вспомоществование в течение их пребывания в Англии, обратилось в английское казначейство с заявлением о своем намерении отправиться в Берлин, а также с просьбой об ассигновании им 6-месячного пособия, которое правительство выдает эмигрантам, когда они навсегда покидают страну. Канцлер казначейства представил эту просьбу на решение министра иностранных дел. Премьер-министр ответил, что он не может дать своего согласия, так как отъезд польских эмигрантов, без всякого сомнения, связан с враждебными планами против России. Английское правительство полагает, что оно пренебрегло бы вниманием, которым оно обязано дружественной державе, если бы поощрило чем-нибудь эмигрантов, связанных с подобным предприятием.

Лорд Пальмерстон прибавил, что он принял это решение по собственному побуждению и не предупреждая меня, для того, чтобы иметь возможность указать на самостоятельность этого действия, если ему придется оправдывать его в случае парламентской интерпелляции.

Наша беседа закончилась несколькими общими соображениями по поводу депеши от 17 (29) марта, указывающими на будущее согла-

шение между Россией и Англией, как на единственную возможность, способную предоставить Европе надежду на спасительную перемену.

Эта мысль о будущем, господин канцлер, действительно, занимает умы благомыслящих людей как в Англии, так и у нас. Я встретил ее у герцога Веллингтона, лорда Абердина, лорда Лайендхерста, сэра Пиля. Я должен упомянуть еще имя лорда Hesterbury, который поручил мне повергнуть к стопам его величества чувства уважения и пожелание всего лучшего.

В недрах теперешнего кабинета перспектива, о которой я здесь говорю, представляется также в виде возможной, но очень отдаленной комбинации. Необходимо, чтобы в игру были втянуты крупные английские интересы для того, чтобы побудить правительство вигов отказаться от изолированности, которую оно положило в основу своей внешней политики. Впрочем, события оказывают мощное давление на умы. Две державы, господствующие на границах Европы, среди разрушенной континентальной системы, представляют собой грандиозное зрелище.

Лорд Пальмерстон выразил эту мысль в следующих выражениях: Англия и Россия являются двумя единственными кораблями, не потерпевшими крушения. Посмотрим, не рискнем ли мы, когда успокоится буря, спустить наши шлюпки в море, чтобы спасти от кораблекрушения кое-кого из тех, которые еще находятся на поверхности.

Брунов.

Депеша бар Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 16(28) июля 1848 г.

Господин канцлер.

В моем предшествующем донесении о делах Валахии, посланном по почте, я должен был ограничиться сжатым изложением фактов, не сопровождая его никакими соображениями, которые я считал нужным отложить до отсылки с курьером.

Я начну, господин канцлер, с того, что предложу вашему вниманию шифрованное донесение, пересланное мне из Вены Фонтоном.

Из этого сообщения я узнал, что временное правительство, назначенное в Бухаресте, уже пыталось войти в непосредственные сношения с английским кабинетом, чтобы протестовать против возможной интервенции со стороны России.

Я считал настоятельно необходимым разбить и рассеять на месте впечатление, произведенное подобным выступлением на английское министерство.

Мне казалось это тем более необходимым, что я был осведомлен о неправильном представлении, имеющемся у лорда Пальмерстона, относительно наших договоров, касающихся внутренних дел дунайских провинций.

И, действительно, со времени событий, имевших место в Сербии в 1843 г., я имел случай убедиться, что, по мнению премьер-министра, наши договоры хотя и дают нам право наблюдать за тем, чтобы иммунитет, дарованный дунайским провинциям, не был нарушен каким-нибудь захватом со стороны Порты, все же не уполномочивают нас вмешиваться во внутренние дела этих областей, пользующихся по тем же самым договорам правом иметь независимое, национальное управление.

Я считаю излишним указывать здесь на то, что в этой интерпретации является неправильным и неприемлемым. Мне было достаточно знать, что она укоренилась в уме лорда Пальмерстона, чтобы почувствовать при настоящей конъюнктуре, что нельзя терять ни минуты и итти навстречу тем серьезным затруднениям, которые императорский кабинет мог бы испытать, если бы английский кабинет, войдя в непосредственные сношения с временным правительством Валахии, был увлечен на ложный путь, противный точному смыслу наших договоров.

Вследствие этого я не замедлил отправить лорду Пальмерстону конфиденциальное письмо, копия которого была приложена мной к моему донесению от 9 (21) июля за № 159.

Составляя это письмо, я имел в виду не только констатировать перед премьер-министром законность и объем наших прав, основанных на формальных договорах, но также поставить премьер-министра, мало знакомого с нашими актами относительно турецких дел, в необходимость с этим познакомиться.

Я не думаю, господин канцлер, что когда-либо в другое время мы могли побудить английский кабинет к более полно удовлетворяющим нас заявлениям, чем заявление по поводу оккупации княжеств русскими войсками.

В тот момент, когда я получил декларацию премьер-министра, венские газеты уже извещали о переходе через Прут, как о совершившемся факте. Если это событие действительно произошло, то объяснения, которыми лорд Пальмерстон и я письменно обменялись, должно заранее устранить все разногласия между двумя кабинетами.

Из писем вашего сиятельства от 30 июня (12 июля) я узнал, что императорский кабинет, раньше чем выступить активно в Валахии, предлагает обратиться к Порте и рекомендовать ей самой навести порядок в княжествах.

Это решение настолько говорит в пользу политики нашего августейшего монарха, что я считал своим долгом обратить внимание английского кабинета на великодушное отношение его величества к Порте.

Я выполнил эту обязанность в конфиденциальной беседе, которую я имел с лордом Пальмерстоном в воскресенье 11 (23) июня. Я резюмирую кратко ее содержание.

Я начал с того, что с точностью изложил истинные факты.

«В Бухаресте вспыхнуло повстанческое движение. Подчиняясь силе, господарь отрекся. Была провозглашена конституция, которая отменяла органический порядок, установленный Адрианопольским трактатом. Незаконно было назначено временное правительство, без признания Порты, без согласия России. Все эти акты нарушают наши договоры.

Если бы при этих обстоятельствах император считал нужным вмешаться, чтобы восстановить нарушенный порядок в стране, отданной по договорам под его покровительство, его величество не совершил бы ничего такого, на что он не имел бы полного права, и никакая третья держава не могла бы иметь мотивов для осуждения.

Вот точка зрения, которую я старался установить для того, чтобы устранить все разногласия между лондонским и петербургским кабинетами. Моим долгом было констатировать, что император был вправе произвести интервенцию. Вести из Вены подтверждают, что император уже воспользовался своим правом. В этом нет пока ничего плохого. Напротив, император предпочел бы, чтобы Порта, восстановив порядок в Валахии, избавила его от необходимости использовать с этой целью те средства, которые находятся в распоряжении России. Однако возможно, что усилия Порты не увенчались бы успехом. Таким образом то, что еще не случилось, может быть осуществлено.

Если представится случай, император может признать необходимым воспользоваться своим правом в интересах мира и порядка. Если это случится, я полагаю, что Англия будет рассматривать действия России, — если обстоятельства вызовут в них необходимость, — как основанные на формальных обязательствах, законность которых неоспорима. Вот что я стремился установить заранее.

Британский кабинет с этим согласился. Со своей стороны он констатировал, что, если предположение уже осуществилось или осуществится в будущем, вступление русских отрядов в дунайские провинции будет носить временный характер, соответствующий как правам султана, так и соглашениям, вытекающим из наших трактатов.

Таким образом, и с той и с другой стороны, вопрос представляется совершенно ясным; что бы ни случилось, все, что должно было

быть сказанным — было сказано. События решат вопрос окончательно. Однако они не станут для обоих кабинетов ни причиной недоверия, ни поводом для разногласий. Объяснения, которыми я обменялся с британским министерством, устранили возможность того и другого. Это и было целью моих стараний. Я ее достиг. Мне остается дать только отчет императору, в надежде, что его величество соблаговолит принять с благосклонностью те положительные заверения со стороны Англии, которые я ему представлю».

Лорд Пальмерстон выслушал этот доклад серьезно и внимательно. Он к нему вполне присоединился. Он признал, что император, отсрочив свое выступление и дав время Порте заявить о восстановлении ею самой порядка, дал новое доказательство умеренности своих взглядов. Ценя заслугу этого решения, он хотел бы, чтобы оно сопровождалось успехом и чтобы Порта достигла путем соглашений восстановления спокойствия в Валахии.

До настоящего времени разразившиеся беспорядки не были полностью известны правительству ее величества. Депеши английского консула сообщают о тех обстоятельствах, которые предшествовали отречению господаря и последовали за ним, но не заключают в себе ни подробного сообщения о положении вещей, ни шансов на успех временного правительства, установленного в настоящее время в Бухаресте.

На этом месте я спросил министра о характере обращения к нему временного правительства, обращения, о котором мне впервые сообщил Фонтон.

Лорд Пальмерстон, подтвердил правильность этой информации. Он сказал мне, что, действительно, получил письмо, в котором временное правительство прибегает к посредничеству Англии, но что английский кабинет счел своим долгом отклонить эту просьбу, так как считает Валахию находящейся под владычеством Порты.

На мое желание ознакомиться с этой перепиской премьер-министр предложил мне обратиться по этому поводу в министерство иностранных дел.

Ваше сиятельство найдете в приложении к этому письму резюме этих документов. Я полагаю, что достаточно хорошо запомнил их содержание и могу передать его со всей точностью.

Я позволю себе высказать только одно соображение. По словам лорда Пальмерстона, он решительно отклонил английское посредничество, выдвинутое временным правительством; поясняя этот отказ, он мотивировал его тем, что правительство ее величества не считало себя вправе предложить посредничество, поскольку Порта его не просила.

Это выражение имело своей целью дать понять Дивану, что, если бы он домогался услуг Англии, она готова была бы их ему оказать.

Не найдете ли, ваше сиятельство, нужным обратить на это обстоятельство внимание нашего посла в Константинополе для того, чтобы он мог предупредить те ошибки, которые Порта может совершить в противовес своим интересам. К несчастью, опыт показывает нам, что затруднения, в которые попадает Порта, всегда происходили от ее слабости, от ее недоверия к нам, словом, от ее просчетов и ее ошибок.

В данное время, несмотря на то, что Порта находится в согласии с нами, я не сомневаюсь, что она не выйдет из настоящего кризиса, не рискуя серьезными осложнениями. Но, если она прибегнет к увертkам, если она понадеется на поддержку Англии больше, чем на поддержку нашего августейшего государя, то она очень просчитается и создаст нам много затруднений.

Я прошу ваше сиятельство извинить меня, если я в моем служебном усердии позволяю себе высказывать императорскому кабинету предположения о событиях, может быть, еще отдаленных, но в наши дни события развиваются с такой скоростью, что нужно проявлять крайнюю бдительность и предосторожность.

Я полагаю, что, с своей стороны, я преданно выполнил свой долг, доведя свои переговоры с английским кабинетом как можно дальше. Не предугадывая заранее решения нашего августейшего государя, я не говорил лорду Пальмерстону о том, что должно случиться, но я самым положительным образом констатировал то, что может случиться. Император сохраняет полную свободу своих действий. Что бы он ни предпринял, Англия сочтет, что это совершилось по мотивам умеренности, и оценит эту заслугу. Если император решит, что время действовать уже настало, британский кабинет сочтет, что его величество использует только свое право, полученное им на основании договоров, и она будет с уважением относиться к тому, как наш августейший государь воспользуется своим правом в интересах порядка и мира.

В заключение необходимо сказать, что позиция, которую мы займем по отношению к Англии, совершенно ясна и благоприятна, если только Порта не осложнит положение дел своей ошибкой. Я не сомневаюсь, что усилия нашего посла в Константинополе могут предотвратить это зло. Что касается меня, то мои старания будут непрерывно направлены к тому, чтобы удалить из наших непосредственных отношений с Англией все поводы для неудовольствий и разногласий.

Бруннов.

Депеша посла в Вене гр. Медема гр. Нессельроде [1]).

Вена. 25 августа (5 сентября) 1848 г.

Господин канцлер.

На вчерашнем заседании Учредительного собрания один из депутатов Галиции Сераковский сделал министру внутренних дел запрос, почему продолжается выдача наших дезертиров и какие меры принимает министерство для прекращения этих бесчеловечных действий (одобрения левой и свистки противоположной стороны).

Г. Доббльгоф ответил, что его удивляет продолжение этих выдач после данных по этому поводу повторных указаний.

Как только я узнал об этом ответе, я отправился к барону Вессенбергу, чтобы спросить у него, как должно расценивать заявление его коллеги. Оно является противоположным тому, которое мы в праве были ожидать от члена правительства, только что снова взявшего на себя формальное обязательство тщательно соблюдать все существовавшие издавна договоры о картеле между обоими нашими странами. Я только что представил вашему сиятельству и князю Варшавскому отчет о вполне определенных заверениях, данных мне по этому поводу господином председателем, и мне, следовательно, важно было знать, в какой мере было решено дать им ход. С готовностью, которую я считаю своим долгом отметить, г. Вессенберг обещал не оставить никаких сомнений о твердом намерении правительства соблюдать обязательства, принятые относительно нас в договорах о взаимной выдаче дезертиров. При первой возможности он объяснится об этом с собранием. Что же касается г. Доббльгофа, то он старался выдвинуть в его извинение неуменье его отвечать на запросы, к которым он не подготовился.

Я узнал, что этот министр, не выказавший ни разу ни уменья, ни решимости, просит об отставке вместе с министром общественных работ Шварцером, прежним главным редактором «Газеты Австрии», листка с революционным направлением; г. Доббльгоф взял Шварцера к себе в помощники после ухода в отставку барона Пиллерсдорфа. Преемники этих двух уходящих в отставку министров неизвестны.

Медем.

---

[1]) На подлиннике помета Николая I: «Надо заявить, что если правительство даст ход невероятному заявлению Доббльгофа, я прикажу графу Медему покинуть Вену со всей миссией».

Депеша Фонтона гр. Нессельроде.

Гитцинг. 14 (26) октября 1848 г.

Господин канцлер.

С тех пор, как я узнал о прибытии князя Виндишгрец в Гетцендорф, я, находясь вблизи от его главной квартиры, в Гитцинге, счел своим долгом представиться главнокомандующему, как единственной законной власти, которую может признать русское посольство. Я этого не хотел сделать позавчера, считаясь с тем, что князь был занят другими более важными делами, — вчера я решил отправиться в Гетцендорф.

Фельдмаршал был занят приемом депутации от Национального собрания. Он мне сказал, что он хотел меня видеть и назначил мне аудиенцию.

Я был очень доволен этой возможностью. Мне предстояло увидеть и услышать того единственного человека, от которого зависело спасение монархии, и я счел своим долгом известить вас о впечатлениях, вынесенных от этого свидания.

Князь принял меня с необычайной приветливостью; вид его был чрезвычайно серьезен. Он не пытался даже скрыть ту глубокую печаль, которая омрачала его лицо, печаль вследствие тяжелых несчастий гражданской войны, раздирающей монархию.

Очень часто в течение нашего разговора он с трудом сдерживал слезы, но эта чувствительность частного человека только возвышала ясность и необычайное спокойствие, с которыми он выполняет свои обязанности должностного лица.

С необычайной твердостью борясь с происходящими событиями, он не скрывал размеров опасности и ее серьезности. «У меня, — говорил он, — задачи необычайной трудности, необходимо подавить анархию не только физически, но и морально. Не было еще в истории примера, когда страна в столь непродолжительный срок до того была бы деморализована, как наша. Революционный дух охватил и увлек массы подобно глыбе снега. Если не желать итти к полному разрушению, то необходимо оказать противодействие. Для этого нет недостатка в средствах».

Князь воодушевлен твердой, несокрушимой решимостью. Глубоко убежденный в необходимости не отступать, он взвесил все шансы на победу и глубоко убежден в успехе своих усилий. Из каждого его слова чувствуется, что события не застают его врасплох и что их приход был предвиден. Он заранее рассчитал то направление, по которому он должен итти и куда он должен направить свои усилия;

как только придет решительный момент, он, вдохновленный своей решимостью, предпримет ряд действий, в результате которых, я надеюсь, монархия обретет свое спасение.

Задолго предвидя, что анархия в Вене должна кончиться катастрофой, князь Виндишгрец посоветовал двору, в случае надобности, покинуть Вену, но — не спасаясь бегством, а находясь во главе войск. В то время как, следуя сему мудрому совету, двор постепенно достиг того места, откуда он мог управлять, князь Виндишгрец получал уведомления от принца Феликса Шварценберга обо всем том, что происходило в Вене, и был инициатором энергичных действий, в результате которых были мобилизованы те значительные силы, которые в настоящий момент осаждают Вену. Он привел в движение не только те войска, которые находились под его началом согласно первоначальному плану, но также призвал на помощь войска тех главнокомандующих, которые находились по соседству.

Вследствие последних распоряжений ему удалось сосредоточить значительные силы у Вены, не уменьшая защиты соседних провинций. Как только князь Виндишгрец высказал мне все свои предположения, я поспешил его заверить, насколько счастлив его величество наблюдать, как все силы этой прекрасной и могущественной монархии будут приведены в действие по энергичным приказаниям Виндишгреца, будут бороться с теми беспорядками, жертвой которых сделалась его страна; я присовокупил к этому, что пожелание его императорского величества, высказанное при победах австрийской армии в Италии, направляется также на выполнение предпринятой им великой задачи обновления страны.

«Я, во всяком случае, не сомневаюсь»,—ответил мне князь,—в сочувствии императора делу, которое я защищаю. Его величество оказывает мне милость, выражая это сочувствие мне лично, и я беру на себя смелость откровенно и честно высказать ему мои взгляды. Когда вы будете писать графу Нессельроде, то будьте добры попросить его повергнуть мои чувства к стопам его величества и сказать ему, что предсказанное мною случилось, что вы меня видели, что я нахожусь здесь, имея в своем распоряжении силы, которых, я надеюсь, окажется достаточным, чтобы положить предел анархии, но что если, не приведи господь, мои предположения меня обманут, если успех не увенчает наши усилия, то мы, не колеблясь, будем взывать к благородному сердцу его величества императора Николая» [1]).

Я ответил князю, что не премину точно передать его слова. Затем он осведомился о графе Медеме, и я ему ответил, что мой начальник

[1]) Помета Николая I: «И я отзовусь. Николай».

намеревается направиться к его величеству императору, и изъяснил ему причины, мешавшие ему это сделать до сих пор. Князь Виндишгрец ответил на это, что он уверен в теплом приеме императорского посла в Ольмюце, и предложил мне написать от его имени графу Медему. Он добавил, что утром он посоветовал то же лорду Понсонби, и последний принял этот совет с полной готовностью.

Когда я собирался покинуть его светлость, он попросил меня успокоить наш кабинет относительно состояния монархии. «У нас царит очень большая анархия, но в нашем распоряжении есть еще могущественные средства, чтобы выйти из этого состояния; тем более, и момент благоприятен; покончив с венским делом, — а это самое главное, — мы позаботимся о Венгрии; я твердо надеюсь, что дело примет хороший оборот, но в противном случае мы рассчитываем на благородное сердце императора»[1]).

Не могу скрыть от вашего превосходительства, какое удовольствие я испытывал, когда после того, как я так долго был невольным свидетелем всей разнузданности слов и действий, разыгрывавшихся в Вене, — я встретился лицом к лицу с человеком уравновешенным, и полные достоинства речи коего так хорошо выражают ясность и спокойствие суждений, и решительный и энергический характер которого не исключает известной доброжелательности, приветливости и гуманности, не изменяющих ему даже в отношении тех, с кем он призван бороться. Если кто-нибудь способен возродить монархию физически и нравственно, как это он говорит, так это он сам, ибо, победив оружием, он сможет привлечь побежденных благодаря доверию, которое внушают достоинства его прекрасной души. С ним настоящее потрясение приведет к законной реакции, спокойной, исключающей ненависть и мщение. Да увенчаются успехом его усилия; да сохранит его также провидение для монархии, ибо единственно он соединяет в себе совокупность необходимых в настоящем потрясении качеств![2])

Фонтон.

Депеша гр. Медема гр. Нессельроде.

Ольмюц. 4 (16) февраля 1849 г.

Господин канцлер.

Мы только что получили известие, что, по просьбе австрийских военных властей, русские войска вступили в Трансильванию в соответствии с инструкциями, которыми генерал-лейтенант Людерс

[1]) Помета Николая I: «И они не ошибутся. Николай».

[2]) Помета Николая: «Аминь. Николай».

был снабжен на случай, если потребуется его помощь. До этого момента надеялись, что такой необходимости не наступит; для этого потребовалось вступление превосходных сил повстанца Бема, поддерживаемого польскими легионами, которому удалось поднять население щеклеров в Трансильвании.

Признавая должным образом содействие, оказываемое нами умиротворению этих местностей, кн. Шварценберг желает его как можно более ограничить, вследствие чего главному начальнику этой провинции дано распоряжение не расширять русской оккупации за пределы округов, пограничных с Кронштадтом и Германштадтом, и не продолжать ее дольше совершенно необходимого времени.

По просьбе Шварценберга, об этом предупреждается генерал-лейтенант Людерс через офицера, который сегодня будет отправлен в Трансильванию.

Медем.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 5 (17) марта 1849 г.

Господин канцлер.

В обществе и торговых кругах Англии несколько дней тому назад распространились слухи о возможном разрыве между Оттоманской Портой и Россией.

Этот страх усилился сперва вследствие неточных версий, как я надеюсь, о последних объяснениях, которыми обменялись по поводу валахских дел наш посол в Константинополе и турецкое правительство, затем вследствие известия о морских и военных вооружениях Порты, — наконец, вследствие вербовки в Париже польских офицеров, поступивших, по уверению французских газет, на службу Турции.

Эти обстоятельства, взятые вместе, произвели здесь очень тягостное впечатление в том смысле, что они уменьшили лелеянную всеми надежду на сохранение мира.

Несмотря на то, что я не получил непосредственно из Константинополя никакой информации, которая давала бы мне право полагать, что в ближайшем будущем произойдут изменения в наших мирных отношениях с Турцией, я, тем не менее счел своей обязанностью сделать все возможное для расследования, насколько распространенное в обществе недовольство разделяется правительством ее величества.

Вчера утром я имел по этому конфиденциальный разговор с премьер-министром.

Я воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ему полностью соображения, заключавшиеся в письме вашего превосходительства от 9 (21) февраля о трудностях, которые чинили до сих пор британские агенты при заключении окончательного соглашения между Портой и нами в том, что касается внутреннего устройства дел княжеств. Я указал, насколько достойны сожаления подобные помехи, ибо они безосновательно задерживают восстановление порядка в дунайских провинциях и вследствие этого оттягивают эвакуацию их нашими войсками. Я констатировал, что этими трудностями, столь некстати порожденными, британские агенты не только противодействуют намерениям нашего кабинета, но и мешают также намерениям их собственного правительства, в том смысле, что, вызывая отсрочку возвращения законного порядка вещей в Валахии, они содействуют усилению и ожесточению спора, который может закончиться серьезным столкновением между Россией и Портой.

Чтобы резюмировать совокупность этих рассуждений, я счел наилучшим, господин канцлер, представить лорду Росселю письмо вашего сиятельства, заключающее в себе следующее место: «Я не думаю, чтобы подобное разрешение молдаво-валахского вопроса могло входить в виды английского кабинета».

Премьер-министр оценил эту истину, как она того заслуживала. Он в самых определенных выражениях заверил меня в высоком значении, придаваемом правительством ее величества сохранению мира и доброго согласия между Россией и Оттоманской империей. Он высказал полное доверие, питаемое им к доброжелательным намерениям императора в отношении к Турции. Он выразил надежду, что Турция воздержится дать его величеству справедливые поводы к неудовольствию. Он признал, что она совершила бы важную ошибку, если бы приняла к себе на службу польских офицеров, как о том распускают слухи французские газеты, ибо их присутствие и их зловредная деятельность, пользующаяся такой печальной известностью во всех странах, где они нашли убежище, явилась бы для императора знаком враждебной мысли; он выразил надежду, что это сообщение окажется неточным; он также усомнился в действительности военных приготовлений, совершаемых, будто бы, в Константинополе: он, казалось, рассчитывал на бдительность, с которой сэр Стрэдфорд Каннинг будет следить за тем, чтобы Турция продолжала держаться в отношении нас разумной мирной политики; он высказал свою уверенность, что наступившие в настоящее время разногласия в Валахии будут улажены удовлетворительным для обеих сторон соглашением между императорским правительством и Портой и не вызовут никакого изменения в их дружественных отношениях, в ненарушимом сохранении которых

заинтересована прежде всего Англия. — Он прибавил, что, судя по последним полученным из Константинополя известиям, турецкое правительство предложило, будто бы, нашему посланнику обмен нот для урегулирования дел княжеств, вместо предлагаемого договора, для вынесения решения по этому вопросу.

Премьер-министр, сообщая мне замечания, сущность коих я вам только что изложил, разумно воздержался от обсуждения подробностей, не касающихся собственно говоря Англии. Лорд Россель совершенно не интересуется изменениями, подлежащими внесению в органическое законодательство. На его взгляд, обязанность, относящаяся к области большой политики, сводится к единственной цели: поддержать мир между Россией и Турцией, чтобы отдалить возможность нового осложнения на Востоке.

Лорд Россель, как мне показалось, здраво судит о важности этой великой выгоды. Я удовольствовался тем, что он вынес такое впечатление и ограничился просьбой отнестись к этому вопросу с особой внимательностью.

Я закончил наше свидание следующим замечанием: «Мне известно, — сказал я ему, — твердое желание императора жить в мире с Турцией,— именно потому, что мне известна в этом отношении воля императора, я и пришел говорить с вами сегодня. Если бы я относился равнодушно к возможности разрыва и несчастиям, которые он мог бы навлечь на Оттоманскую империю, я бы не пришел. Я бы предоставил событиям следовать их естественному течению. Я бы позволил дурным советам принести свой плод. Одним словом, если бы я полагал, что мой кабинет хочет войны, я бы молчал. Я с вами говорил, так как мне известно, что император хочет мира. Вам надлежит следить за тем, чтобы Порта смогла сохранить его счастливые последствия, не компрометируя их несправедливым недоверием или актами, которые могли бы быть расценены императором как знак враждебности».

Я обязательно дам лорду Пальмерстону отчет об объяснениях, которыми я обменялся с премьер-министром.

Вследствие моих личных отношений с герцогом Веллингтоном я счел своим долгом поставить его в известность о предмете моего свидания с лордом Росселем. Знаменитый маршал целиком одобрил и побудительную причину и смысл моих речей. Он обещал мне свое содействие, когда в кабинете ее величества придется поддерживать представленные ему мною соображения о необходимости следить за тем, чтобы оттоманское правительство не вступило по отношению к нам на путь, который рано или поздно привел бы к фатальным для сохранения мира последствиям

Бруннов.

Депеша гр. Медема гр. Нессельроде [1]).

Вена. 23 марта (4 апреля) 1849 г.

Господин канцлер.

Сегодня утром, по прибытии кн. Шварценберга в Ольмюц, я имел с ним беседу, во время которой он очень подробно говорил со мной о положении в Трансильвании, ставшей очагом революционного движения, руководимого поляками, к которым присоединились итальянцы, французы, немцы и даже несколько англичан. Они добились того, что стали хозяевами страны и готовятся теперь направить свои преступные происки против соседних областей, особенно против княжеств, где они развивают большую деятельность с целью привлечь к себе сторонников и распространить оттуда дальше свои разветвления. Князь говорил мне в то же время о необходимости прекратить как можно скорее это положение вещей, столь губительное для дела порядка и тех общих интересов, которые обе соседние державы должны защищать. Для того, чтобы быстро этого достичь, необходимо вступление достаточного количества русских войск, в числе от 25 до 30 тысяч человек. Австрийские военные силы будут пока что применены для подавления восстания в Венгрии; 14 новых батальонов двинулись на усиление этой армии, которая через несколько дней достигнет достаточной численности для того, чтобы начать наступление против бунтовщиков со всеми шансами на успех. Последний не может быть полным, если, с другой стороны, очаг мятежа, т. е. Трансильвания, не будет занят русской армией, наступление которой облегчается длиной границы, в то время как Австрия не имеет возможности провести это наступление сама.

В доказательство того развития, которое приняли в последнее время революционные происки в Трансильвании, кн. Шварценберг ознакомил меня, помимо других документов, с перехваченными письмами Бема и с донесением одного австрийского консула, которые устанавливают, что этот мятежник поддерживал, по своем прибытии в Германштадт, сношения с одним английским консульским агентом, посланным английским консулом в Бухаресте.

Когда премьер-министр попросил меня сообщить вашему сиятельству о срочной необходимости нашего вступления в Трансильванию в интересах того общего дела, которое нам надлежит защищать от революционных злоумышлений, то я не счел себя в праве обязаться выполнить это поручение иначе, как при условии, что он со своей стороны на-

[1]) Помета Николая I: «Мы займем Буковину и Галицию, или я не тронусь с места».

пишет графу Буолю, причем изложит ему эту просьбу о вмешательстве по пунктам, признав таким путем оффициально свои действия. Это является единственным способом предупредить ложное истолкование сущности нашего сотрудничества в столь важных обстоятельствах.

Премьер-министр обязался это сделать. Он напишет об этом австрийскому представителю при нашем дворе, изложив самым подробным образом причины, побуждающие правительство сделать этот шаг, обусловленный серьезностью обстоятельств.

Медем.

Проект депеши гр. Медема в Ольмюц [1]).

25 марта (6 апреля) 1849 г.

Я поспешил представить императору депешу, в которой вы нам передаете пожелание австрийского кабинета относительно усиления наших войск в наиболее угрожаемых пунктах галицийской границы. Кн. Шварценберг прибавляет просьбу, чтобы наши военные корпуса были уполномочены вступить, в случае надобности и по просьбе его правительства, в эту провинцию и действовать заодно с австрийскими войсками для того, чтобы быстро подавить всякую попытку к мятежу, которая могла бы возникнуть и была бы поддержана Бемом или другими вождями венгерского восстания.

Первую из этих просьб мы уже удовлетворили заранее благодаря сосредоточению на австрийской границе многочисленных, размещенных вдоль нее, военных корпусов.

Что касается второй просьбы, то император уполномочивает ваше сиятельство ответить кн. Шварценбергу следующее:

Несчастные события в Трансильвании доказали его величеству, насколько частичная помощь компрометировала бы, с одной стороны, его войска, а с другой стороны, оказалась бы недостаточной для того дела, которое Австрия защищает с такой энергией. Император мог бы исполнить пожелание австрийского правительства лишь при следующих условиях:

1. Что корпуса, призванные переступить границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу.

2. Что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам, которые с этого момента освободятся и смогут послужить для усиления армии князя Виндишгреца. Помимо преимущества, извлекаемого Австрией, этим способом можно будет избежать столкновений, кото-

[1]) Помета Николая I: «Быть по сему».

рые так легко возникают, когда войска двух различных армий смешиваются и ставятся под командование генералов, не принадлежащих к одной империи.

Император считает, что успех военных операций, ради которого привлекается наша помощь, может быть обеспечен единственно лишь этим способом.

Только на этих условиях он сумеет оказать ее Австрии. Она усмотрит в этом, как я надеюсь, новое доказательство его неизменного желания помочь Австрии в борьбе, которую она ведет за торжество дела, являющегося также и его делом; необходимо, чтобы она предоставила его высокой проницательности определение способов и военных деталей этого сотрудничества.

Благоволите, г. граф, сообщить кн. Шварценбергу решения нашего августейшего государя, дав ему прочесть депешу и предоставив ее копию.

Депеша гр. Медема гр. Нессельроде.

Вена. 1 (13) апреля 1849 г.

Господин канцлер.

Я только что получил и сообщил кн. Шварценбергу депешу от 25 марта, касающуюся его просьбы о концентрации наших значительных сил в наиболее угрожаемых пунктах галицийской границы и о разрешении этим войскам вступить на австрийскую территорию и содействовать быстрому подавлению мятежа.

Мне было поручено вашим сиятельством сообщить премьер-министру, что желаемая им концентрация уже произведена; что же касается последней просьбы, то я был уполномочен ответить от имени нашего августейшего государя, «что несчастные события в Трансильвании доказали лишний раз его величеству, насколько частичная помощь компрометировала бы его войска и оказалась бы недостаточной для дела, защищаемого с такой энергией Австрией. Император мог бы исполнить пожелание австрийского правительства лишь при следующих условиях.

1. Что корпуса, призванные переступить границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу.

2. Что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам, которые освободятся и смогут послужить для усиления армии кн. Виндишгреца. Помимо преимущества, извлекаемого из этого Австрией, удастся избежать столкновений между войсками различных армий,

поставленных под командование генералов, не принадлежащих к одной империи.

Император считает, что это единственный способ обеспечить успех военных операций, ради которого привлекается наша помощь, вследствие чего это — единственные условия, на которых он может ее оказать Австрии».

Признавая с живейшим удовлетворением неизменное желание нашего августейшего государя помочь австрийскому правительству в борьбе, которую ему приходится вести, кн. Шварценберг мне сообщил, что он оценивает должным образом оба условия, поставленные императором, и с готовностью принимает их от имени своего правительства.

Премьер-министр предполагает объясниться по этому поводу непосредственно, с помощью гр. Буоля. Представляя полностью на усмотрение императорского правительства определение способов и военных деталей его сотрудничества, кн. Шварценберг, ссылаясь на проект плана операций, который я имел честь сообщить в моем донесении № 57, высказал лишь пожелание, чтобы один корпус с достаточным количеством императорских войск был предназначен для действия в Буковине и для похода на Тшуцу, на Быстрице и на Марос-Васаргели с тем, чтобы затем объединить его действия с операциями частей, которые наше правительство сочтет уместным ввести в Трансильванию через Кронштадт.

Что касается численности войск, то министр-президент считает, что состав, примерно в 40 тысяч человек, соответствовал бы местным условиям и был бы достаточен для достижения намеченной цели.

Впрочем, как в этом отношении, так и во всех других, австрийский кабинет вполне согласен с тем, чтобы предоставить императорскому правительству полную свободу и независимость в действиях. Офицеры, посланные на места, для прикомандирования к разным русским начальникам, предназначаются лишь для сообщения нужных сведений о местностях, которые придется проходить, и для обеспечения снабжения в более или менее разоренной стране.

Кроме того кн. Шварценберг говорил со мной о необходимости сосредоточить достаточные военные силы в окрестностях Кракова для того, чтобы иметь возможность противодействовать движению мятежников к этой части Галиции, так как предполагается, что у них имеется такое намерение.

Это донесение было послано кн. Варшавскому в незапечатанном виде, причем последнюю просьбу я не сделал предметом специального сообщения его сиятельству.

Я считаю нужным прибавить, что кн. Шварценберг желает, чтобы вы по возможности ускорили выполнение тех решений, которые будут приняты.

Медем.

Депеша гр. Нессельроде гр. Медему [1]).

Для ускорения заключения окончательного соглашения с австрийским правительством относительно военной позиции, которую мы должны будем занять в результате последних событий в Трансильвании, император решил отправить в Ольмюц своего генерал-адъютанта Берга. Он будет иметь честь передать вам эту депешу. Я прошу ваше превосходительство дать ему возможность вступить в сношения с австрийским министерством и с теми военными властями, которым будет поручено обсудить этот вопрос, и совместно установить подробности операций, которые будут сочтены необходимыми для достижения поставленной цели. Генерал Берг отправится сначала в Варшаву для получения распоряжения кн. Паскевича, которому его величество поручил верховное руководство над всеми теми операциями, которые могут быть выполнены лишь корпусами, входящими в состав армии, находящейся под его командованием. Он, следовательно, приедет в Ольмюц, снабженный всеми сведениями и инструкциями, которые фельдмаршал сочтет нужным ему дать. Император не видит никакого неудобства в том, чтобы при возвращении генерала Берга в Варшаву его сопровождал заслуженный и пользующийся доверием австрийский офицер, который, как это предложил кн. Шварценберг вашему превосходительству, был бы уполномочен остаться при фельдмаршале и установить с ним все подробности нашего сотрудничества.

Депеша гр. Медема гр. Нессельроде.

Вена. 15 (27) апреля 1849 г.

Господин канцлер.

В ответ на сообщения, которые я счел своим долгом послать генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому по поводу просьбы австрийского правительства о немедленной присылке одного армейского корпуса через Краков и Галицию в Венгрию для поддержки австрийских частей, которые были вынуждены отступать перед превосходными

---

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором пометы: «$\frac{246}{189}$ 10 апреля 1849 г. — Проект депеши графу Медем (Ольмюц). — Подписано канцлером в СПБ. 10 апреля 1849 г. — Отправлено в тот же день с генерал-адъютантом Бергом».

силами повстанцев, его светлость поручил мне сообщить князю Шварценбергу, что он не может исполнить этой просьбы раньше, чем он получит распоряжения императора. Депеша от 25 марта, на которую министр-президент ссылается в своей официальной ноте от 21 апреля, касается только вступления наших частей в Буковину и Галицию для подавления восстания, а вовсе не посылки войск в Венгрию. Сообщая мне о том, что он испросит приказания его величества, князь указывает на необходимость договориться с австрийским правительством о мероприятиях для обеспечения наших частей как продовольствием, так и военным снаряжением на тот случай, если они будут призваны для военных действий в какой-либо австрийской области. Его светлость предлагает мне сговориться на всякий случай о командировании в Варшаву доверенного лица, которое было бы уполномочено точно установить все детали этих мероприятий.

Князь Шварценберг вполне признал, что его светлости необходимо дождаться распоряжений императора, поскольку он сам не обладает необходимой властью для принятия решения. Он передал мне свою официальную ноту от 21 апреля с просьбой о немедленной помощи, предполагая, что генерал-фельдмаршал уполномочен ввести также и в Венгрию военную помощь, о которой просила Австрия. Министр-президент не признал необходимым послать в Варшаву доверенного офицера, уполномоченного установить вместе с нами мероприятия для продовольственного и военного снабжения наших войск. Эту миссию поручено выполнить полковнику Шнобельну. Сегодня вечером он отправляется в путь через Краков, чтобы получить здесь точные сведения о мерах к снабжению наших войск, уже принятых согласно распоряжениям, отданным военным и гражданским властям в Галиции. Полковник Шнобельн будет в состоянии войти в сношения с нашим военным командованием в Варшаве, будучи вполне осведомленным о предмете переговоров. Князь Шварценберг только что получил из Ясс сообщение, что значительные русские силы расположились в Бессарабии и предназначены, вероятно, для вступления в Молдавию, немедленно вслед за прибытием курьера, посланного императором к генералу Людерсу. Командующий нашими частями в Подолии вступил в сношение с полковником Урбаном, командующим частью австрийских войск в Буковине. Князь Шварценберг заключил из этого, что наши войска уже получили приказ вступить в Трансильванию с двух указанных сторон.

Выражая мне свою благодарность и живейшее удовлетворение по поводу готовности прийти на помощь Австрии, князь Шварценберг высказал с своей стороны уверенность, что борьба с революционными элементами, сосредоточившими свои действия в восставшей части

Венгрии, продолжится не больше трех недель, считая с того дня, когда прибытие наших войск позволит общими силами перейти в различных пунктах в наступление. Услуга, которую мы окажем при этих обстоятельствах Австрии и делу порядка вообще, — сказал мне министр-президент, — будет высоко оценена правительством его апостолического величества императора и короля, как знак сердечного и тесного союза двух империй, согласных во всех политических вопросах и защищающих одни и те же интересы. Австрийский кабинет не предполагает это держать втайне, что произведет благоприятное впечатление на другие кабинеты, заинтересованные в поддержании порядка. В последнем донесении г. Гюбнер сообщает о переговорах с гр. Моле, влияние которого в консервативной партии очень значительно. Он настойчиво советовал ему предложить князю Шварценбергу добиваться помощи России для подавления восстания в Венгрии; от этого зависит спокойствие Европы, будущее всех стран, начиная с Франции. Очаг революции в Венгрии должен быть разрушен как можно скорее.

Медем.

Депеша бар. Брунова гр. Нессельроде.

Лондон. 23 апреля (5 мая) 1849 г.

Господин канцлер.

Положение дел в Венгрии приобретает со дня на день все большее значение в глазах английского правительства и общества. Укрепляется мнение, что наступил тот момент, когда Австрия, не будучи в состоянии восстановить порядок в этой части империи, окажется вынужденной прибегнуть к материальному содействию России.

Если эта возможность осуществится, то она, конечно, не из тех, которые могут быть встречены британским правительством с удовлетворением. По его мнению, это вызовет усиление русского влияния, что создаст неблагоприятный контраст с той неудачей, которую английская политика недавно потерпела как на севере, так и в центре и на юге Италии.

Эти соображения вызывают у правительства ее величества беспокойство в отношении перспективы интервенции России в Венгрии.

Лорд Пальмерстон избегал до сих пор касаться этого вопроса. Его молчание избавило меня от всяких преждевременных объяснений до получения приказаний императора, которые укажут мне, в каком духе я должен высказываться для осуществления его воли.

Тем не менее до меня доходит с разных сторон, что правительство ее величества может в соответствующем случае счесть себя вы-

нужденным быть сдержанным или заявить протест — изолированно или же совместно с Францией.

Эти слухи распространились среди лиц дипломатического корпуса. Некоторые из моих коллег мне о нем говорили. Я выслушал эти сообщения, не придавая им ни малейшего значения. Я ограничил свой ответ указанием, что если император будет призван оказать поддержку союзному двору для того, чтобы помочь ему восстановить порядок в его государстве, смежном с Российской империей, то наш августейший государь будет несомненно свободен в своих решениях, и его величество полностью и целиком воспользуется этой свободой, не считаясь с мнениями по поводу нашей интервенции.

Только такая речь соответствовала обстоятельствам. Я не встретил никого, кто бы сомневался в праве императора оказывать свое содействие Австрии тогда и в такой форме, в какой он захочет.

Я хотел бы здесь отметить, что из всех говоривших со мной о венгерских делах, герцог Веллингтон высказал о них наиболее правильное мнение. Он высказался по этому поводу в ясных и кратких выражениях, обычных для этого великого полководца.

«Настало время для Австрии, — сказал он мне, — покончить с Венгрией. Если у нее нет для этого средств, то она должна просить их у императора. Но эти средства должны быть достаточно велики. Было ошибкой, большой ошибкой, просить 4 000 человек, когда требовалось 40 000 человек».

Я повторил эти слова Меттерниху. Его поразила их справедливость. Он ответил мне остроумными словами, которые я не могу отказать себе в удовольствии передать вашему сиятельству.

«Замечание герцога, — сказал мне князь Меттерних, — напоминает мне то, что произошло во время испанских дел, после осады Трокадеро. Мадридский кабинет обратился тогда к г. Уврару с просьбою о займе в 20 миллионов франков. На это г. Уврар ответил: «Я не знаю ни одного банкира в Европе, который был бы склонен ссудить Испании 20 миллионов. Но если она попросит у меня 200 миллионов, то я доставлю их ей завтра».

Князь Меттерних правильно применяет эти слова к теперешнему положению вещей в Венгрии. Австрия, домогаясь недостаточной помощи, просит о невозможном. Количество вспомогательных войск, которые следует использовать, должно соответствовать размеру трудностей, которые нужно будет преодолеть. По мере того, как помощь будет откладываться, она должна будет становиться все значительнее, так как восстание имело время распространиться по стране и организовать свои силы, чего не случилось бы, если бы венский кабинет с самого начала принял решение прибегнуть к содействию России.

Кн. Меттерних не упрекает в этом министерство Шварценберга. Он понимает, что Австрия предпочла бы усмирить восстание в Венгрии своими собственными силами, без иностранного содействия. Но диверсия, вызванная войной в Италии, рассеивая силы, которыми располагает австрийская монархия, очень ослабила ее способность к действию. Это положение следовало бы серьезно принять во внимание и соответственно этому действовать. Поступая иначе, имели неосторожность совершить большую ошибку. Превратности, испытанные в Венгрии, представляют результат этого недостаточного расчета. Таково мнение кн. Меттерниха.

Граф Коллоредо находится в полном неведении о решениях своего двора относительно венгерских дел.

Последние новости относятся к 29 апреля. Кн. Шварценберг сообщает ему о вступлении австрийских войск в Тоскану и в Легацию с целью содействовать восстановлению легитимной власти во Флоренции и в Риме. Он добавляет, что венский двор предпочел бы, чтобы французская экспедиция в Чивитта-Веккиа явилась результатом соглашения, установленного в Гаете между Австрией, Неаполем, Испанией и Францией, и чтобы последняя, взяв на себя инициативу операций, в некотором роде предвосхитила решения конференции в Гаете, но, хотя эта демонстрация как будто произведена Францией без предварительного соглашения с тремя другими дворами, она окажет тем не менее благоприятное влияние в том отношении, что будет способствовать ускорению восстановления папы в его государстве.

Другая депеша, также датированная 29 апреля, сообщает о том, что венский двор решил облегчить заключение мира с Сардинией, уполномочив г. Брука сократить сумму военных возмещений, но настаивая на частичной оккупации Александрии и сохраняя принцип непосредственных переговоров с туринским двором, с исключением всякого постороннего посредничества.

Граф Коллоредо пожелал прочесть мне обе эти депеши до их сообщения лорду Пальмерстону.

Бруннов.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 29 апреля (11 мая) 1849 г.

Господин канцлер.

Я встретил лорда Пальмерстона третьего дня вечером на придворном концерте. Я воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ему, как обыкновенную информацию, известие, которое граф Медем мне

любезно передал, о прибытии в Вену генерала Берга и о сущности его миссии.

Я сделал ему это сообщение с определенным намерением отметить, что наше соглашение с Австрией относительно военных мер, которые необходимо принять совместно для подавления восстания в Венгрии, уже осуществляется, так что его следует уже рассматривать как совершившийся факт, о котором излишне говорить.

Статс-секретарь прекрасно понял это намерение. Не вступая со мной ни в малейший спор по этому вопросу, он ограничился словами: «Кончайте с этим поскорее».

Я считаю своим долгом, господин канцлер, осведомить вас об этом без промедления. Вам, без сомнения, важно знать как можно раньше о впечатлении, произведенном на английский кабинет известием о нашей военной помощи Австрии. Иностранные газеты уже передавали представления, сделанные будто бы нам правительством ее величества с целью отклонить нас от выполнения этого большого предприятия. Дипломатический корпус в Лондоне, как я сообщал вашему сиятельству в одном из моих предшествующих донесений, уже считался с возможностью английского протеста. Все эти предложения, повидимому, опровергаются словами лорда Пальмерстона: «Кончайте поскорее с этим».

Я рассматриваю эти слова, как выражение настоящего мнения английского кабинета. Если наше энергичное и быстрое действие будет сопровождаться решительным и скорым результатом, то Англия примет факты такими, как они есть, если не без сожаления, то, по крайней мере, без спора.

Если борьба с переменным успехом продолжится, то британский кабинет будет иметь время на размышление. Без Франции он не предпримет ничего. Совместно с Францией он может попытаться создать нам затруднения, если общественное мнение в Англии энергично выскажется в пользу Венгрии.

В настоящее время наше военное содействие Австрии является еще слишком новым событием, чтобы общественное мнение могло иметь время выявиться.

Первой реакцией общества было крайнее изумление. Действительно, для Англии это — внушительный спектакль, господин канцлер, видеть, как русская армия приходит в движение после столь длительного и столь глубокого бездействия. Возникает вопрос, далеко ли она сможет зайти в своем движении.

Вторая реакция выразилась в прямом упреке правительству вигов в том, что оно покинуло Австрию, свою старую союзницу, и поставило эту монархию в необходимость прибегнуть к содействию России, уси-

ливая влияние последней в такой степени, что оно привлекает внимание Англии, даже если оно ее еще не беспокоит.

Третьей реакцией, на которую я должен здесь указать, так как я ее уже замечаю, является сознание неравенства в борьбе между Венгрией и соединенными силами Австрии и России, неравенство, против которого восстает английский инстинкт, дорожащий удовольствием, доставляемым зрелищем борьбы, происходящей с равными шансами.

К этому чувству присоединяется врожденная симпатия, питаемая англичанами к делу конституции, всюду, где оно ставится под вопрос. При таком состоянии умов, которое безусловно приняло характер навязчивой идеи, английская публика издавна увлечена мнимой древней свободой Венгрии. Эта страна, наполовину варварская, наполовину рыцарская, обладает в воображении англичан каким-то обаянием, к которому прибавляются смутные идеи о цивилизации, о торговом и политическом распространении по Дунаю.

Я отмечаю существование этих идей, потому что надо ожидать, что они будут использованы для возбуждения симпатий общества в пользу Венгрии, борющейся с Австрией и Россией.

Надо надеяться, что совместные действия этих двух держав дадут достаточно скорые результаты, чтобы положить конец анархии в Венгрии, прежде чем она успеет принять видимость законно установленного правления.

Герцог Веллингтон говорил со мной в этом духе третьего дня вечером, когда я его встретил при дворе. Он снова благодарил меня за мнение, высказанное мной накануне о миссии генерала Берга в Венгрии.

«Постарайтесь, — сказал он мне, — действовать большими массами, с достаточными силами, для того чтобы подавить анархию сразу. Ведите большую войну — с большими средствами. Вы ими обладаете».

Эти слова знаменитого маршала выразили военным стилем в точности ту же самую истину, которую лорд Пальмерстон установил в политике: «Кончайте с этим поскорее».

Я не преминул сообщить тотчас же эти подробности графу Коллоредо для того, чтобы он известил об этом свой двор. Он сделал это вчера.

Я хотел прежде всего рассеять беспокойство Австрии по поводу возможного английского противодействия плану нашего совместного выступления. В настоящее время не существует даже мысли о таком противодействии. Но для того, чтобы она не родилась, надо действовать мужественно, быстро и при полном согласии между Австрией и Россией.

Это убеждение я хотел укрепить в мыслях венского кабинета путем конфиденциальных сообщений, которые я сделал его представителю в Лондоне.

Мы сговорились между собой действовать совместно в этом серьезном положении со всей энергией, возбуждаемой в нас значением доверенных нам интересов.

Бруннов.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 2 (14) мая 1849 г.

Позиция Пальмерстона продолжает оставаться пассивной. Сообщая мне вчера, что Мажени оценивает нашу вспомогательную армию в 90 тысяч человек, он мне сказал: «Венгры не смогут сопротивляться такой силе». Он высказал это мнение, как факт, не делая никаких замечаний о нашем сотрудничестве. До сих пор он не сказал мне ни одного слова, которое бы указывало, что у него есть возражения. Герцог повторяет каждый раз, как он меня видит: «Действуйте большими массами!» Вчера он добавил: «Важно, чтобы не было неудачи».

Бруннов.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Лондон. 7 (19) мая 1849 г.

Господин канцлер.

Бумаги, которые ваше сиятельство оказали мне честь послать 27 апреля (9 мая), были мною получены вчера утром. Я поспешил немедленно передать лорду Пальмерстону: 1) циркуляр по поводу военной помощи, оказанной императором Австрии по просьбе этой державы, для подавления мятежа в Венгрии, 2) депешу относительно датских дел, — решив при первой нашей встрече с Пальмерстоном побеседовать с ним на эту тему.

Сегодня на приеме у ее величества королевы, устроенном по случаю торжественного дня ее рождения, я встретился с лордом Пальмерстоном. Он выразил мне свое удовлетворение по поводу циркуляра вашего сиятельства от 27 апреля. Сегодня, покинув двор, он отправится представить этот документ совету министров.

Я озаботился сделать лорду Дж. Росселю краткое изложение депеши от 27 апреля, чтобы он смог оценить умеренность взглядов, коими она была продиктована. Я особенно подчеркнул премьер-министру определенное намерение императора оставаться верным духу его прежних заявлений, признавая за всеми государствами право по собст-

венному усмотрению принимать решение относительно их политического устройства и тщательно воздерживаясь от вмешательства в изменения как их формы правления, так и их внутренней организации. Положив это правило поведения в основу своей политики, наш августейший властелин всегда старался сохранить за собою полную свободу действий на тот случай, если соседние революции косвенным путем угрожали бы его собственной безопасности, или если бы установленное на его границах территориальное равновесие было нарушено в ущерб ему.

И так как происходящие и готовящиеся в Венгрии события указывают на осуществление подобной возможности, то император решил, что наступило время, когда во имя как собственной безопасности, так и общих выгод сохранения европейского равновесия, он должен оказать Австрии, его другу и союзнику, материальную помощь, необходимость которой она признала и оказания которой она формально потребовала. Премьер-министр отлично понял законность и важность этих побудительных причин. Он сказал мне, что во время опасности, угрожающей общественному порядку в Европе, все имеющие законное устройство государства обязаны оказывать друг другу помощь и поддержку, насколько им это позволяет их положение, чтобы обеспечить цивилизованным странам блага мира, уважение к законам и безопасность собственности.

Ничто не могло быть более удовлетворительным, нежели ответ лорда Дж. Росселя на мои замечания. Он прибавил, что речь, произнесенная накануне лордом Пальмерстоном в палате общин, должна была убедить меня, что правительство ее величества и не помышляло протестовать против нашей интервенции в Венгрии.

Я возразил, что у меня не было ни малейшего сомнения относительно разумной позиции, занимаемой при этом случае британским кабинетом, но что я с удовольствием нашел в словах лорда Пальмерстона подтверждение доверия, которое я питаю к намерениям правительства ее величества.

Конфиденциальные объяснения, которые я только что имел с премьер-министром и с Пальмерстоном, окончательно убеждают меня в том, что заключенное нами с Австрией соглашение относительно совместных действий в Венгрии не встретит здесь никаких препятствий, если только за этими скорыми и успешными действиями последуют решительные результаты.

Считаю своим долгом добавить еще здесь, что наблюдавшееся в английском обществе сочувствие делу Венгрии, о котором я упоминал в одном из моих предыдущих донесений, если можно так выразиться, остыло благодаря тому, что к венгерскому движению присоединил-

ся революционный польский, итальянский и французский сброд. Принятый также этой борьбой противообщественный характер охлаждает пыл даже самых ярых сторонников венгерской свободы.

Это обстоятельство надо почитать счастливым в том смысле, что оно предоставляет больше свободы правительству и освобождает его от влияния, которое могло бы оказать на него общественное мнение, если бы оно достаточно резко высказалось. При своей слабости кабинет мог бы быть увлечен на какое-нибудь неосторожное заявление. При указанных мною благоприятных обстоятельствах он будет считать себя свободным следовать более правильному пути и отныне у него хватит благоразумия держаться в стороне. — Это все, что мы можем у него требовать как в наших интересах, так и в интересах Австрии, нашей союзницы.

Б р у н н о в.

Депеша бар. Бруннова гр. Нессельроде.

Л о н д о н. 25 м а я (6 и ю н я) 1849 г.

Господин канцлер.

Фельдъегерь Петров передал мне своевременно утром экспедицию, которой ваше сиятельство почтили меня 22 мая (3 июня).

Позвольте мне, господин канцлер, выразить вам прежде всего мою живейшую благодарность за те новые доказательства одобрения, которые вы имели благосклонность мне высказать от имени нашего августейшего государя. Доверие, которым его величество меня удостаивает, служит мне поддержкой в кризисе, который мы переживаем втечение года и окончание которого человеческое предвидение, к несчастью, не может еще предусмотреть.

Не подлежит никакому сомнению, что венгерское дело составляет в настоящее время среди этого кризиса то поле битвы, на котором завязывается смертельная борьба между началом добра и зла. Да благословит господь усилия, прилагаемые императором для обуздания в Венгрии социальной революции, угрожающей Европе!

Я рад узнать, что императорский кабинет одобрил донесения, в которых я имел честь давать ему отчет о позиции, занятой Англией перед лицом событий, имеющих произойти в Венгрии. Эта позиция остается, как я уже говорил, пассивной. Я получил этому новое доказательство в беседе, которую я имел с лордом Пальмерстоном тотчас же после получения депеш, доставленных фельдъегерем Петровым.

Я ограничился сообщением министру, что император был вполне удовлетворен приемом, который оказан правительством ее вели-

чества доводам, изложенным в циркуляре от 27 апреля (9 мая) относительно военной помощи, которую наш августейший государь решил оказать Австрии с целью восстановления спокойствия и доброго порядка в Венгрии.

Министр повторил мне уверение, что кабинет ее величества вполне оценил мотивы нашего выступления. Он добавил, что без сомнения, можно сожалеть, что Австрия была поставлена в необходимость прибегнуть к иностранному содействию для восстановления мира в своем государстве, не будучи сама в состоянии достичь этого собственными средствами, но, принимая во внимание их недостаточность, венский двор был, несомненно, свободен просить с этой целью содействия соседней державы, так же как и Россия была совершенно вправе оказать эту помощь, которую ей подсказали ее прямые интересы.

После того как это заверение было мне сделано повторно министром, мне оставалось лишь принять его к сведению. Нам больше нечего просить у Англии, раз она предоставляет нам действовать совместно с Австрией для восстановления порядка в Венгрии. Нам незачем просить у Англии отчета в ее сожалениях; мы также не нуждаемся в ее одобрении. Все, что нам требуется, это ее примирение с обстоятельствами. Я не думаю, чтобы в правление сэра Р. Пиля это примирение было бы полнее, чем при теперешнем кабинете. Я позволю себе высказать это мнение, потому что либеральные тенденции, владеющие мыслями прежнего премьер-министра, мне достаточно знакомы, чтобы не оставить сомнения относительно того, что дело Венгрии не приминуло бы тайно вызвать к себе симпатию в его душе. Не ища случая побеседовать с ним на эту тему, я ограничился сообщением ему нашего циркуляра, при дружественном посредничестве лорда Абердина, с целью предоставить последнему возможность воздействовать в надлежащем смысле на воззрения сэра Р. Пиля и исправить ошибочные впечатления, которые этот последний мог себе составить об основаниях нашего военного содействия Австрии. Никто не мог бы выполнить этой задачи с большим усердием или с большим успехом, чем лорд Абердин. Вашему сиятельству слишком хорошо известна прямота суждений этого государственного деятеля, чтобы мне нужно было присоединять в этом случае еще и свое свидетельство. Я лишь позволю себе присовокупить сюда записку, написанную им при возвращении мне циркуляра от 27 апреля. Вы найдете в ней, господин канцлер, точное выражение известных вам мнений лорда Абердина. Они высказаны с характерной правдивостью в следующих терминах: «Нам следует теперь выждать результатов этой интервенции. Я ожидаю их с большой надеждой, но не без опасения».

Честная, но робкая мысль лорда Абердина будет постоянно колебаться между надеждой и страхом. Последний в трудные минуты часто брал у него верх. В этом отношении герцог Веллингтон обладает превосходством, которое не изменило ему и на этот раз. Он не знает страха. Он знает лишь долг. По его мнению, наш долг заключается в том, чтобы не покидать Австрии в час бедствия.

Император признал эту обязанность. Он ее свято выполнил. Благородный герцог удовлетворен. Он этого ожидал. Он это предвидел. Он считал, что не могло быть иначе. Остальное, по его мнению, является чисто военным вопросом. Он не перестает повторять, что для его победного разрешения следует действовать большими массами с достаточными силами. В вашем последнем письме, господин канцлер, вы имели любезность мне сообщить, что таков именно план, принятый благодаря мудрости императора, и выполнение которого поручено князю Варшавскому.

Это известие меня удовлетворяет. С своей стороны, я буду ожидать результатов с надеждой, без беспокойства, и с верой в бога. Если будут неудачи, то они меня ни на минуту не лишат бодрости. Падение Буды, о котором вы упомянули, было мне уже известно. Мне об этом говорили на последнем собрании у королевы. Я ответил: «Если Буда взята, то ее надо вернуть».

Граф Коллоредо продолжает, со своей стороны, высказывать большую твердость. Вы мне указали, господин канцлер, что для прочности союза надо уметь принимать сообща как успехи, так и неудачи. Это правило поведения не будет меня покидать в моих сношениях с австрийским коллегой, положение которого, — это необходимо здесь сказать, — было труднее моего, так как ему приходится выносить рассуждения английского общества о недостаточности военных средств австрийской монархии, которая не в состоянии подавить без иностранной помощи восстание внутри государства.

Чем скорее борьба окончится, тем ее исход будет благоприятнее для Австрии. Напротив, если венгерским повстанцам удастся продолжать свое сопротивление, то проявляемая ими решимость усилит симпатии, которые они возбуждают в английском обществе, несмотря на то, что проявление этих чувств было до сих пор много слабее того, чего можно было ожидать. Подписка, открытая в пользу повстанцев, не имела успеха. Пресса не решается еще защищать их интересы, и даже в парламенте не заметно никакого намерения вызвать прения, которых правительство из осторожности избегало, поскольку оно до сих пор было в состоянии это делать.

Б р у н н о в.

Проект депеши гр. Нессельроде бар. Бруннову [1].

Экспедиции, которыми ваше превосходительство почтили меня 9 (21) и 11 (23) июля, своевременно ко мне прибыли.

Его величество император ознакомился с ними с большим интересом, который вполне оправдывается важностью затронутых вами вопросов и соображениями, которыми вы их сопроводили.

Результаты происшедшего недавно в палате общин обсуждения вопросов внешней политики доказали, что здравый практический смысл и истинное понимание интересов общества сохраняют еще в большей части английского народа то значение, которое составило славу и мощь этой страны и благодаря которому она пользуется среди волнений, раздирающих Европу, таким прекрасным и внушительным положением. Отвергнув предложение г. Осборна, палата общин показала, что она усвоила то направление, которое необходимо придать политике ее правительства. Нас нисколько не беспокоят противоположные мнения, обнаружившиеся во время прений. Мы вовсе не считаем, что они могут омрачить ближайшее будущее, и мы надеемся, что венский кабинет, со своей стороны, не найдет в них оснований для преувеличенных опасений. Его величество император будет продолжать следовать тому пути, который предуказан ему его убеждениями. С прежним спокойствием и твердостью, сильный сознанием своей правоты и чистотой своих намерений, он не отклонится с него под влиянием недоброжелательных толкований и суждений, вызванных посторонними соображениями. В его глазах они подтверждают лишь одну истину, а именно, насколько надежды, связанные с событиями, волнующими Европу, вызваны непониманием их действительного значения, если предполагаются мотивы личного тщеславия в такой момент, когда на карту поставлена будущность всего европейского общества, т. е. когда все правительства и все народы должны были бы объединиться вокруг одного дела.

Общее впечатление, произведенное последними донесениями вашего превосходительства, сводится к следующему: министерство вигов, не выступая ясно и откровенно в защиту обязанностей, которые стоят сейчас перед консервативным правительством, тем не менее решилось или, по крайней мере, признало желательным не бросать своего влияния на противоположную чашку весов. В то же время оно не отказывает себе в удовольствии критиковать, и возможно, что, оставляя себе свободу в будущем, оно не желает или не в состоянии начать открыто

[1]) На подлиннике проекта помета Николая I: «Быть по сему». Далее канцелярская помета: «Подписана в Варшаве 20 июля (1 августа) 1849 г. — Отправлена с фельдъегерем Петровым».

противодействовать. Это соображение, в частности, не вызвано заявлениями лорда Джона Росселя, позицию которого мы оцениваем в данном случае со всей справедливостью; однако оно оправдывается тенденцией, заключающейся в речи лорда Пальмерстона, произнесенной им в заседании, посвященном венгерским делам, несмотря на то, что мы отдаем должное тому такту, с которым британский статс-секретарь избегал всяких враждебных России намеков. Мы ему за это признательны, и вы поступили совершенно правильно, г. барон, отметив это доказательство его умеренности.

Однако мы позволяем себе предположить другие причины, заставившие его изобразить в таких мрачных красках положение Австрии. Мы склонны думать, что он, возбуждая в умах венского кабинета необоснованные опасения и приписывая лояльной помощи, оказываемой императором, такие цели и последствия, которых ни одного мгновения не было в его уме, пытается создать брешь в нашем тесном союзе с этой империей.

В положении, созданном революционной грозой для правительств континентальной Европы, одна Австрия проявляет еще решимость вернуться к тем принципам, без которых общественный порядок не может существовать, причем она следует системе, которая, не отвергая требований времени, стремится предупредить в будущем существующие в настоящее время опасности. Австрия может быть уверена, что на этом пути, на который она вступает столь же мужественно, как и твердо, она встретит добрые пожелания и содействие нашего августейшего императора. Император тверд в решении и не даст себя отклонить протестами, которыми он пренебрегает. С другой стороны, его величество внутренно убежден, что его августейший друг и союзник разделяет его чувства и принимает с благородным доверием протягиваемую ему руку, отвергая мелкую мысль о личном интересе, в такой же степени чуждом душе императора, в какой он был бы гибелен для дела, которое надлежит совместно выполнить.

Эти соображения приводятся, г. барон, для вашего личного сведения. Сообщив вашему превосходительству ту точку зрения, под которой мы рассматриваем последние прения в британском парламенте, я не хотел скрыть от вас задушевную мысль нашего августейшего государя. Вы впрочем ее предугадали. С этой точки зрения, рассуждения, которые вы применили в ваших беседах с английскими министрами, не оставляют решительно ничего желать лучшего.

Заканчивая, я считаю нужным прибавить, что ваши заявления и ваше поведение имели счастье встретить высокое и самое полное одобрение.

Проект захвата Босфора в 1896 г.

Проект царского правительства захватить в конце 1896 г. Босфор стал первоначально известен от Витте. Еще до выхода в свет его «Воспоминаний» Диллон в своей книге «The ecclipse of Russia» рассказал об этом эпизоде. Его повествование основывается, главным образом, на сведениях, полученных им от Витте же, но гораздо более детальных, нежели те, что Витте счел нужным изложить в своих мемуарах. К этому надо добавить тот анализ возможных международных последствий захвата Босфора, который тут же дает Диллон и который не потерял своего интереса и сейчас.

Все последующие изложения нелидовского проекта, которые можно прочесть как в мемуарах (напр. у Rosen, «40 jears of Diplomacy»[1]), так и в исторической литературе по вопросам внешней политики, не добавляют ничего существенного к тому, что было известно от Диллона и Витте.

Исключение представляет работа Michon «L'Alliance Franco-Russe»[2]), сообщающая чрезвычайно любопытные подробности относительно позиции Франции; однако, к сожалению, к этим сведениям нельзя относиться с полным доверием, так как ряд других фактов, сообщаемых автором в названной работе, являются явно неверными [3]).

Наконец, ценнейшее добавление к данным Витте представляют документы, опубликованные в I томе «Красного архива» в 1922 г.[4]). Однако эти документы относятся ко времени, когда, собственно говоря, мысль о немедленном захвате Босфора была уже оставлена. Они вскрывают только одну, — хотя и весьма важную, — сторону дела — его трудность, можно сказать, просто безнадежность в военно-техническом отношении. Но полное — и притом основанное на документальных данных — представление о нелидовском проекте дадут только публикуемые ниже документы.

Нелидов был энтузиастом захвата проливов с самого начала своей дипломатической карьеры. Вскоре после его назначения послом в Константинополь он в качестве основной своей задачи, как русского посла, намечает подготовку решения проблемы «ключей от своего дома» в желательном для царской России смысле. Взгляды Нелидова на пути захвата проливов в 80-х годах характеризует его записка, опубликованная в XLVI т. «Красного архива». Из этой записки ясно, между прочим, что вначале 80-х годов Нелидов

[1]) См. т. I, стр. 128.

[2]) Paris, 1927, p. 76, ср. также E. Judeto, «G. Zou».

[3]) См. там же, стр. 75, относительно 100-тысячной армии, подготовленной якобы в 1895 году для экспедиции в Константинополь.

[4]) «Красный архив», 1922 г., т. I, «Проект захвата Босфора в 1897 г.».

не помышлял о немедленном захвате проливов. Это понятно: для этого тогда не было двух основных предпосылок. Во-первых,— и это главное, — Черноморский флот только что начали строить, а между тем Нелидов признавал наиболее удобным захват Константинополя с моря. Во-вторых не было острого внутреннего кризиса в Турции, а следовательно, было если и не невозможно при некотором минимуме изобретательности, то, во всяком случае, дипломатически не особенно удобно и легко найти предлог для вмешательства. Поскольку Нелидов в записке 1882 г. не форсировал дела, его взгляды целиком и полностью сходились со взглядами его правительства и коронованного главы последнего. Это явствует хотя бы из пометы Александра III на нелидовской записке.

Положение изменилось в 90-х годах. Александр III втечение всего своего царствования готовился исподволь к захвату проливов в будущем, в удобный момент. Основным в этой подготовке бесспорно было создание Черноморского флота. К 90-м годам у царской России на Черном море уже был кое-какой флот, — можно было спорить относительно того, является ли он достаточным для экспедиции в проливы — в результате и оказалось, что если не боевой, то, во всяком случае, транспортный флот недостаточен для доставки десанта на берега Босфора, — но все-таки какой-то флот существовал. С другой стороны, в 1892 г. Турция снова вступила в полосу жестокого внутреннего кризиса. И вот, в том же в 1892 г. Нелидов выступает с проектом захвата Босфора втечение текущего кризиса, пользуясь ближайшим же удобным случаем. Однако царское правительство, только что приступив к сооружению Сибирской железной дороги, которая должна была чрезвычайно усилить его позицию против Англии (Англия и в проливах была ведь главным врагом), не считало момент подходящим для отказа от усвоенной после Берлинского конгресса политики поддержания status quo в Турции. Проект Нелидова был тогда отвергнут. То же самое случилось и осенью 1895 г.

Иначе сложились обстоятельства осенью 1896 г. Внешний ход событий рисуется следующим образом. В последних числах августа 1896 г. в Константинополе произошла грандиозная армянская резня. Эта резня создала самую благоприятную обстановку для всякого рода проектов русской интервенции в турецкие дела. Действительно, с одной стороны, можно было ждать, что внутренние волнения в Турции перерастут в настоящую революцию. С другой стороны, английский флот был стянут к Дарданеллам, и тем самым создавалась почва для всяческих страхов перед захватом проливов Англией. Играя на подобных нотах, Нелидов ведет в своих письмах и депешах пропаганду за необходимость немедленной экспедиции в Босфор. К этому этапу в развитии данного дела относится печатаемое нами письмо Нелидова от 18 (6) сентября.

Случай помог Нелидову протащить свой проект в чисто ведомственном смысле: в те же самые последние дни августа 1896 г. умер министр ин. дел князь Лобанов-Ростовский, и с его смертью министерство попало на некоторое время в слабые руки тов. министра Шишкина. Это облегчало, конечно, для вдиятельного посла задачу протаскивания своей собственной политической линии.

Одно обстоятельство заставило Нелидова торопиться. В первых числах октября Николай Романов нанес визит английскому двору. Со стороны английского премьера лорда Сольсбери была при этом сделана попытка добиться сближения с Россией на почве

активизации ее политики на Ближнем Востоке и раздела Турции по схеме — Египет за проливы, чем решался для Англии египетский вопрос, и одновременно царская Россия отвлекалась с Дальнего Востока в Турцию. Здесь не место выяснять мотивы английской политики. Сейчас достаточно будет сказать, что пока что Сольсбери потерпел неудачу: русская политика осталась в старом русле. Но самая готовность Англии пойти на соглашение по вопросу о проливах не могла не создать для Нелидова более благоприятной почвы. Из Англии Николай направился в Париж, где его ждала совершенно исключительная по своей торжественности встреча.

Одновременно за кулисами французская дипломатия использовала приезд царя, чтобы навязать ему новую политическую линию, которая означала полный отказ царской России от собственной политики на Ближнем Востоке и форменное подчинение ее видам и интересам Франции. Политика царской России на Ближнем Востоке до этого момента заключалась, коротко говоря, в том, чтобы сохранить Турцию в целости и сохранности от всяческих покушений третьих держав до того момента, когда настанет час для захвата проливов Россией. Эта политика требовала далее, чтобы Турция оставалась слабой и беспомощной (для чего всего удобнее было поддерживать абсолютизм султана, стоявший на пути всякого серьезного обновления турецкого государственного организма), но в то же время формально и вполне самостоятельной, — иначе говоря, надо было всячески препятствовать попыткам поставить Турцию под международный контроль, что заставило бы Россию, по выражению Нелидова, навсегда удовольствоваться одной шестой влияния в Турции. Наоборот, интересы французского правительства — они диктовались в первую очередь огромными интересами французского банковского капитала в Турции — делали желательным стабилизацию внутреннего положения Турции, при условии возможно более полного подчинения ее международному контролю, осуществлять который в первую очередь должен был совет управления Оттоманского долга, в котором Франция играла бесспорно преобладающую роль и который Россия всячески бойкотировала, отказываясь с самого его учреждения (в 1881 г.) послать в него своего представителя.

Французский министр ин. дел Ганото и убедил Николая выработать совместные инструкции послам России и Франции в Константинополе, согласно которым русское правительство: 1) посылало своего представителя в управление Оттоманского долга, 2) соглашалось на весьма значительное расширение его компетенции, т. е. соглашалось на значительный шаг в сторону интернационализации Оттоманской империи, которая, понятно, чрезвычайно затрудняла ее раздел в будущем, ибо тогда в проливах пришлось бы иметь дело уже не со слабой Турцией, а с контролирующей ее «Европой».

Николая и сопровождавшего его врем. управляющего мин. ин. дел Шишкина в Париже попросту надули. Когда они вернулись в Петербург, новый курс политики натолкнулся на сильнейшую оппозицию. Понятно, что особенно должен был забеспокоиться Нелидов: ведь надвигалась интернационализация Турции, которая раз навсегда должна была пресечь возможность осуществления «исторической задачи» овладения «ключами от своего дома».

Поэтому он начинает торопиться с проведением в жизнь своих планов. Новые инструкции были ему посланы 24 октября. Получив их, Нелидов (со 2 ноября) добивается

разрешения приехать в Петербург — разрешения, которое Николай дал ему не сразу и весьма неохотно. Приехав в Петербург (около 15 ноября), Нелидов — что весьма интересно, с помощью Витте — прежде всего добился отказа от введения русского представителя в совет Оттоманского долга [1]), чем, понятно, сразу вызвал крайнее раздражение французского правительства. Последнему пришлось удовлетвориться обещанием его союзницы сделать подкрепленное угрозами представление султану о необходимости соблюдать интересы держателей турецких бумаг. Вместе с тем Нелидов тотчас по приезде развивает план немедленного захвата Босфора, план, который через неделю слишним он затем изложил в печатаемой ниже записке, помеченной 30 (18) ноября.

Для понимания плана Нелидова необходимо однако предварительно отметить еще одно обстоятельство. 20 октября английское правительство обратилось к «великим» державам с нотой, в которой предлагало поручить конференции послов держав в Константинополе заняться изысканием реформ, необходимых для приведения в порядок турецкого государства, а также методов давления, которые должны были заставить султана принять предложенный ему послами проект реформ. Цель этого предложения могла быть — и была — тройкая. «Реформы» или должны были ослабить абсолютную власть султана, главной опоры фактически имевшего тогда место преобладания русского влияния в Константинополе; или же путем давления на султана они могли его принудить сменить русскую ориентацию на английскую. Словом, они должны были нанести удар преобладанию русского влияния в турецкой столице. Наконец, интервенция во внутренние дела Турции могла при известных обстоятельствах стать сигналом к обострению внутреннего кризиса в Турции, а затем — к ее разделу. В этом случае, наоборот, было вполне возможным англо-русское соглашение на базе все той же схемы: Египет, быть может, и Месопотамия — Англии, проливы — России.

Верное политике поддержания status quo, русское правительство ответило на английское предложение замаскированным отказом; согласившись на обсуждение послами проекта реформ, оно отказалось от обсуждения «мер принуждения» против султана, что заранее обрекало будущие разговоры послов на дискуссию чисто академического характера.

Из записки Нелидова легко усмотреть, какое значение могла иметь для него конференция послов и интервенция держав. Нота Сольсбери была для него как нельзя более кстати, и 24 ноября русское правительство, во изменение своей первоначальной точки зрения, заявило о своем согласии обсуждать и «меры принуждения». Надо заметить, что уже за неделю до этого, 17 ноября, Николай в основном одобрил идею немедленного захвата Босфора [2].

5 декабря было созвано, наконец, то особое совещание, которое описывает Витте и протокол которого мы печатаем ниже. Из этого протокола читатель узнает содержание принятых решений, а из поправок, внесенных в первоначальный текст Витте и адм. Тыртовым, сущность их позиции, причем следует признать, что Витте в общем свою пози-

[1]) В. Хвостов, «Проблема захвата Босфора в 90-х гг. XIX века», «Историк-марксист», № 20, стр. 124.

[2]) Там же, стр. 117.

цию изложил в «Воспоминаниях» довольно точно. Зато международно-дипломатическую сторону проекта мы узнаем только из печатаемого нами сейчас протокола, так как Витте описывает больше военно-техническую сторону дела, технику вызова флота и т. д. Анализ международной обстановки конца 1896 г. и, в частности, анализ как самого проекта захвата Босфора, так и причин его провала мы дали в только что цитированной статье. Поэтому сейчас мы можем ограничиться лишь изложением внешнего хода событий, необходимым для понимания предлагаемых читателю документов.

Еще до совещания 5 декабря, в конце ноября, Ганото весьма откровенно выразил русскому послу резкое неодобрение нелидовских затей, слухи о которых до него дошли, хотя официально он извещен о них не был. В связи, кроме того, еще с отказом от «парижских инструкций» франко-русские отношения в это время весьма сильно охлаждаются. Затем Ганото предпринимает более решительные шаги. 12 декабря Нелидов уехал из Петербурга с тем, чтобы действовать в духе проведения своей политики в жизнь. В соответствии с этим его новые инструкции предлагали ему сделать сильнейший нажим на султана, намекая на возможность интервенции и т. д. А тотчас же вслед за этим Ганото предпринимает следующий ход. Он выступает с предложением положить в основу работы конференции послов в Константинополе соглашение по следующим трем пунктам: поддержание целости Оттоманской империи, отказ от сепаратных выступлений и, наконец, — видимо, чтобы позолотить пилюлю для своей союзницы, — отказ от попыток установления кондоминимума держав над Турцией. Этим шагом Ганото заставлял царское правительство раскрыть свои карты и продемонстрировать глубокое расхождение со своей союзницей и — тем же самым — свою полную изоляцию и, следовательно, свое бессилие. Ведь из записки Нелидова и протокола 5 декабря видно, что успех переговоров с Англией о Дарданеллах, иначе говоря, успех всего дела, ставился в зависимость от поддержки Франции и Германии. Одна из них в этой поддержке явно отказывала, а от другой вообще можно было ждать поддержки только так сказать «моральной».

Раскрыть свои карты царское правительство при таких условиях не могло. И ему, как Ганото совершенно правильно и рассчитал, осталось только одно — согласиться на предательские «три пункта» и расписаться в отказе от сепаратных действий, в отказе от только что намеченного захвата.

18 (6) декабря Нелидов, как видно из публикуемой ниже телеграммы, несколько удивленно запрашивает министерство, действительно ли оно согласилось на «3 пункта».

20 (8) декабря ему отвечают утвердительно, и решения 5 декабря вообще объявляются «не имеющими никакого отношения к текущей фазе наших переговоров». Они вступают в силу лишь, «как следствие неожиданных событий» (т. е., очевидно, появления иностранных флотов в проливах), — событий, которых не следует искусственно приближать. Между тем план Нелидова предполагал, конечно, как раз прямо противоположное: сознательно создать повод для интервенции. Телеграмма 20 декабря давала директиву, которая снова возвращала русскую политику в старое русло.

Понятно, военные приготовления к экспедиции в проливы не прекращались и после этого — как и начались они гораздо раньше приезда Нелидова в Петербург, начались тотчас же, как только обострение кризиса в Турции сделало более или менее правдоподоб-

ной и вероятной опасность появления английского флота в проливах. Военно-технические трудности захвата Босфора нам рисуют опубликованные в I томе «Красного архива» документы начала 1897 года [1]). Эти трудности были, конечно, известны во время совещания 5 декабря, но решающую роль они приобрели лишь после выяснения отрицательной позиции Франции. Если бы Франция и ее флот были на стороне ее союзницы, военно-морская слабость этой последней не имела бы такого значения.

В указанной выше статье мы попытались показать, что и оппозиция Витте в конечном итоге в значительной мере объясняется отрицательным отношением к делу Франции [2]).

Во время парижского визита Муравьева в январе 1897 г. Ганото, после того, как он уже провалил нелидовский проект, мог свободно расшаркиваться перед русским министром и даже лицемерно предлагать Муравьеву свое посредничество на случай, если события вынудят Россию захватить проливы [3]): ведь дело было уже сделано, проект Нелидова был оставлен, и Ганото окончательно похоронил его, подчеркнув Муравьеву, что Россия может рассчитывать лишь на дипломатическую, но отнюдь не военную поддержку Франции [4]). Какова была на деле дипломатическая «поддержка» Франции в этом вопросе — в этом царская Россия только что имела случай убедиться.

В. Хвостов.

Письмо посла в Константинополе А. И. Нелидова на имя упр. мин. иностр. дел Н. П. Шишкина от 6 (18) сентября 1896 г. [5]).

Буюкдере 6 (18) сентября 1896 года.

Весьма секретно.

Милостивый государь
Николай Павлович.

Приношу вашему превосходительству мою глубочайшую благодарность за благосклонное сообщение мне высочайшей государя императора резолюции по поводу сделанного английским послом в Константинополе французскому здесь поверенному в делах предложения относительно совместного образа действий в Турции [6]).

[1]) Все, что мы читаем в этих документах, относится именно к мерам, которые надлежит принять в случае, если третья держава введет свой флот в проливы. Мысль о «предупреждении» событий уж брошена.

[2]) «Историк-марксист», № 20, стр. 127.

[3]) См. ниже доклад Муравьева царю.

[4]) Ср. Michon, цит. раб., стр. 76.

[5]) Архив Революции и Внешней Политики. Фонд мин. иностр. дел. Секретный архив, № 432. «Письма и записки Нелидова по вопросу о проливах», 1896 г., л. л. 3—12. На подлиннике Николаем Романовым поставлен знак рассмотрения.

[6]) Резолюция Николая Романова на телеграмме Нелидова, сообщавшей о беседе английского посла с французским поверенным в делах в Константинополе: «Я против соглашения с Англией. Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции».

Судя по тому, что передавал мне об этом разговоре г. Ла-Булиньер, собственно «предложения» ему сделано не было. Сэр Филипп Кери выражал только, как и в беседе со мною, о которой я писал 28 августа гофмейстеру графу Ламздорфу, желание своего правительства итти заодно с Россией и Францией в вопросах, имеющих неизбежно быть поставленными на очередь на Востоке. Когда г. Ла-Булиньер постарался узнать, на что намекает посол, то сэр Филипп высказал мнение, что если бы между Россией, Францией и Англией могло состояться соглашение, то совместным их давлением на султана можно было бы принудить его изменить систему правления и придать большую силу Порте, в чем, как известно, английская дипломатия видит залог улучшения дел в Оттоманской империи.

Вопреки суждению об этом предмете г-на Ганото, переданного секретною телеграммою посла нашего в Париже от 29 августа, я не думаю, чтобы у лондонского кабинета был уже ясно выработан план дальнейших действий, который направлен был бы к разрушению Турецкой империи. Я склонен скорее полагать, что цель сделанных нам английским послом откровений была — подготовить почву для более широкого обмена мыслей с Россией относительно будущности Оттоманской империи и, прежде всего, турецкой столицы, судьбы коих переживают крайне опасный кризис. В этом смысле, действительно, существует весьма сильное течение в английском общественном мнении и в направляющей оное или служащей ей отголоском лондонской печати.

Что дальнейшее развитие нынешнего тревожного состояния Турции должно живо озабочивать всех, имеющих здесь интересы, это весьма естественно. Последние события выказали до такой степени дряхлость турецкого правительственного строя, что на возможность его поддержания представляется мало надежды. С точки зрения выгод России, очевидно, желательно было бы, сколь можно долее, протянуть существование этого государственного организма, и все старания нашей дипломатии направлены были к сохранению status quo на Европейском Востоке. Это было, так сказать, последнее завещание, устно переданное мне покойным министром иностранных дел в день выезда моего из С.-Петербурга 29 июля. Но с тех пор, благодаря стараниям армян, дела приняли здесь столь быстрое течение, политическое разложение сделало такие громадные успехи, что, на мой взгляд, продолжение подобного порядка вещей едва ли возможно, и какой-нибудь переворот, в том или другом смысле, весьма вероятен. Положение здесь так тревожно, так непрочно, что, по всеобщему сознанию, новые волнения почти неизбежны. Вызовут ли их армяне, — что, впрочем, ими открыто заявлено, — возбудит ли их мусульманская чернь,

или недовольные турки — софты и военные — попытаются произвести революцию, о которой все открыто говорят, — уличные беспорядки легко могут возникнуть, и напуганные до крайности иностранные колонии, особенно английская и французская, громко требуют защиты от своих правительств. Самым естественным способом этой защиты является увеличение здесь иностранных морских сил, с возможностью высадки десанта, — и это составляет теперь предмет толков европейской печати, совершенно основательно указывающей, что этим нарушились бы постановления международных трактатов о проливах.

С другой стороны, если бы прежде принятия какого-либо общего решения по этому вопросу здесь действительно произошли снова беспорядки, подобные тем, свидетелями коих мы были тому назад три недели, и началась резня христиан вообще и грабеж иностранцев, то нет сомнения, что находящийся невдалеке от Дарданелл английский флот непременно получил бы приказание подойти к Константинополю. Исполнением такого решения предрешался бы на деле вопрос о проливах, который составляет для нас зерно всей восточной задачи.

Для предупреждения подобного исхода и имелось в виду во всех предположениях по этому вопросу занятие нами проливов в случае возникновения в Константинополе тех именно исключительных событий, которые совершаются тут теперь. Но вполне удачное исполнение этого предприятия возможно только при отсутствии другой военно-морской силы, могущей нам служить препятствием. Со стороны Турции в настоящую минуту положительно никакого сопротивления ожидать нельзя. Форты у входа в Босфор дурно вооружены, небрежно охраняемы, а главное, при настоящем настроении умов в турецкой столице, можно поручиться, что внезапное появление иностранного флота так озадачило бы гарнизон турецких батарей, что едва ли решился бы кто-нибудь открыть огонь по входящим судам; во всяком случае, сопротивление было бы не долгое и не сильное.

Теперь, когда близ входа в Дарданеллы уже плавают английские броненосцы, вопрос изменил свой характер, и единоличное наше вмешательство в турецкие дела стало более чем затруднительным. Возможность же и даже вероятие общеевропейского действия в той же степени увеличилось, и, если мы не найдем средства его предупредить или отклонить, оно неизбежно приведет к самому опасному для нас исходу, которого тщательно добивается Западная Европа и о котором все больше идет речь, — установлению на Босфоре международной комиссии, контроля, опеки или иного учреждения, которое передало бы проливы в руки Европы или, в самом благоприятном случае, объявило бы их открытыми для военных судов всех государств.

Нам, следовательно, угрожают по отношению к проливам две опасности: 1) самостоятельное в них вторжение английского флота, в случае повторения в непродолжительном времени беспорядков в Константинополе, и 2) совместное вмешательство великих держав, если бы настоящее и натянутое до крайности положение в турецкой столице продолжилось. Какими способами можно их предотвратить или какие меры принять в случае их исполнения — это, очевидно, зависит от соображений общего политического свойства, недоступных односторонней оценке. С местной же точки зрения представлялось бы наиболее целесообразным в первом случае, то есть, как только английский флот стал бы входить в Дарданеллы, тотчас же предписать нашей Черноморской эскадре войти в Босфор и занять верхнюю его часть, приблизительно по линии Генкей-Чибукли, с тем, чтобы там вслед затем высадить десант и укрепиться. Вместе с тем желательно было бы, чтобы одновременно с английским флотом могли войти в Дарданеллы суда французские и те из наших, которые успели бы к этому времени достигнуть Эгейского моря. Будучи поставлены в такие условия, мы могли бы вступить в переговоры с англичанами, хотя мало было бы надежды склонить их к очищению Дарданелл, так как нам уходить из Босфора не следовало бы уже ни под каким видом.

Само собою разумеется, что для успешного разрешения этой задачи важнее всего, чтобы Черноморская эскадра пришла сюда как можно скорее, прежде, чем англичане успели бы занять Верхний Босфор и там укрепиться настолько, чтобы противиться входу наших судов. Для этого важно, чтобы флот был всегда наготове, способный выйти в море по первому телеграфному вызову, и чтобы указание о необходимости его немедленного движения на Босфор могло быть ему дано непосредственно из Константинополя, как только здесь будет получено известие о входе в Дарданеллы англичан.

Если бы, напротив, разрешение вопроса о проливах поставлено было на международную почву и одним из наиболее заинтересованных правительств взят был в том почин или предложено России высказать свои по этому предмету взгляды и требования, — чего будто бы теперь горячо желают англичане, обязанные искать выхода из настоящего тяжелого и разорительного для их интересов положения дел в Турции, — то, по соображениям нынешних условий этого дела, мне казалось бы наиболее для нас выгодным требовать для себя права занятия Верхнего Босфора с тем, чтобы в Дарданеллах срыты были укрепления, и Мраморное море было открыто для военных судов всех государств. Этот исход казался бы наименее для нас невыгодным, раз мы не можем одновременно занять оба пролива, на что, если вопрос будет обсуждаться международно, согласия других держав никогда

не последует. Владея же Верхним Босфором, мы будем обеспечены в Черном море, получим решающее влияние в Константинополе и сохраним за собою возможность, при благоприятных условиях, в будущем, сухим путем или с моря овладеть и Дарданеллами.

Это последнее разрешение вопроса казалось бы таким образом предпочтительным, так как при настоящем положении дел едва ли можно рассчитывать, чтобы, даже в случае внутреннего переворота, возведения на престол другого султана и установления нового правительства, дела в Оттоманской империи получили правильное, мирное течение, и в турецкой столице воцарилось прочное спокойствие. Все государственные основы здесь слишком расшатаны, власть ослаблена, нет элемента, который мог бы служить твердой опорой для правительственного строя.

Я вполне сознаю, милостивый государь, что, излагая свои взгляды на этот почти жизненный для нас вопрос, я далеко перехожу за пределы того, что непосредственно подлежит ведению занимаемой мною должности. Но обстоятельства, в которых мне приходится действовать в последнее время, так исключительны, события, совершающиеся здесь, так важны и могут иметь столь решающие последствия для нашей будущности, что я не счел себя вправе не высказать всех соображений, которые, на мой взгляд, связаны с государственными интересами, на страже коих поставлено вверенное мне посольство. Отдавая при настоящих обстоятельствах предпочтение своевременному соглашению по вопросу о проливах с наиболее заинтересованными державами, я, разумеется, имею в виду, что основной обмен мыслей о нем должен произойти прежде всего с парижским кабинетом, с которым в 1892 году условлено было нами совместное действие на Востоке, и что следует затем искать возможной поддержки и со стороны других благорасположенных к нам держав, при дружном содействии коих нам легче будет провести наши требования перед Англией. При этом, несомненно, должны будут быть затронуты и некоторые задачи будущего, так как судьбы Турции тесно связаны с судьбою ее столицы.

Если бы зависело от нас отклонить еще рассмотрение этих щекотливых вопросов или представилась возможность отдалить срок распадения Оттоманской империи, то для этого следовало бы употребить все усилия. Но предметы эти поставлены на очередь самим ходом событий помимо и даже вопреки нашей воле, и, по моему глубокому убеждению, откладывать долее принятие решения относительно нашего образа действий не было бы соответственным с причастными к этому делу государственными нашими интересами.

Вот почему и принял я смелость высказать вышеизложенные соображения, испрашивая для них снисходительную оценку императорского правительства.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Нелидов.

Записка А. И. Нелидова от 18 (30) ноября 1896 г. [1])

Положение дел в Турецкой империи обязывает заинтересованные на Востоке правительства озаботиться принятием решений относительно мер, к которым они, вероятно, вынуждены будут прибегнуть — и, быть может, в весьма недалеком будущем. Опасность настоящего состояния Турции заключается, во-первых, в тревожном и возбужденном состоянии столицы, во-вторых, в царящей в провинциях неурядице, способной вызвать там восстание. Хотя взаимодействие этих двух источников беспокойства и не подлежит сомнению, рассуждая о принятии надлежащих мер, следует их тщательно различать. Россия менее непосредственно связана с турецкими европейскими и даже азиатскими провинциями, чем со столицею, и могущие возникнуть в них беспорядки только косвенным образом затрагивают наши интересы, тогда как переворот в Константинополе прямо и немедленно отзовется не только на нашем политическом положении, но и на обеспеченности наших южных окраин, на общем строе и силе нашей обороны. Поэтому, оставляя пока в стороне вопрос о возможных последствиях вероятного возникновения предстоящего движения в Европейской Турции, необходимо прежде всего изучить отношение наше к положению дел в самой столице Турецкой империи.

Со времени происходивших в Константинополе в половине августа избиений армян там царствует непрерывное беспокойство, часто доходящее до степени паники и побуждающее всех имеющих к тому средства оставлять Турцию. Причины подобного настроения суть: одна — боязнь новых вызывающих действий со стороны армянских революционеров, за которыми, по всей вероятности, последовало бы тотчас нападение мусульман на христиан и избиение последних, при существующем возбуждении фанатизма, в более широких размерах и с меньшим разбором, чем три месяца тому назад. Другая — возможность внутреннего государственного переворота путем свержения нынешнего султана, причем можно опасаться уличных беспорядков,

---

[1]) То же дело, л. л. 15—20. На подлиннике помета Николая Романова: «Обсудим эту записку под моим председательством в субботу, в 2 часа, в Царском Селе».

грабежа, убийств и внушающей особенный страх распущенности войска, которое способно будет на все крайности.

Надеяться на возможность предотвратить эти печальные обстоятельства было бы тщетно. Султан, занятый исключительно попечениями о своей личной безопасности, лишенный сочувствия своих подданных и потерявший на них нравственное влияние после того, как сам он способствовал возбуждению среди них религиозного фанатизма, не желает — да и не может — остановить проявления диких страстей в народе и самого беспощадного и безобразного произвола в правительственных средах, особенно в провинциях.

Совладать с армянским движением турецкое правительство тоже не в силах. Добросовестно исполнить требуемые армянскими передовыми людьми реформы или хоть те, которые обещаны были в прошлом году султаном и, как он уверяет будто бы применяются, — не только трудно, но и почти невозможно. Местное курдское и турецкое население слишком превосходит армян численностью и силою, слишком против них озлоблено после прошлогодних попыток к восстанию, чтобы допустить введение преобразований, которые лишили бы мусульман, коренных обладателей и обитателей страны, исключительного в ней бесконтрольного хозяйничанья.

Для проведения столь трудного предприятия нужна сила, внутренняя или внешняя. Первой нет, да ее и не пожелали бы употребить, а внешняя представит начала того деятельного вмешательства во внутренние дела Турции, которое неизбежно поведет к разделу, еще даже в общих чертах не подготовленному и никем не желаемому. Между тем вожаки армянского движения заявили, что они приостанавливают свои насильственные действия и предприятия лишь на несколько месяцев, дабы посмотреть, какие будут приняты меры для улучшения положения их сограждан. Так как ничего существенного не будет, да и не может быть сделано, то следует ожидать, что, верные принятой ими системе, революционеры вызовут беспорядки в столице, и самым опасным в этом отношении временем является начинающийся около 1 февраля рамазан. Фанатизм и страсти мусульман бывают тогда особенно возбуждены, и нападение на них, подобное тому, которое сделано было при вторжении в Банк, способно произвести весьма широкую смуту и жестокое избиение христиан, за которым необходимо должно будет последовать вмешательство европейских держав, — всех или некоторых из них, — для прекращения кровавой резни и ограждения жизни и имущества иностранных колоний.

К таковому же вмешательству, вероятно, вынуждены были бы державы и в случае низвержения султана и имеющей последовать затем в Константинополе анархии. Равным образом, немыслимо, как

сказано выше, и применение существенных улучшений без употребления силы как для принуждения султана на них согласиться, так и для доставления ему возможности их провести, или же для приступления к их исполнению помимо его воли. Мирное до некоторой степени улучшение положения вещей могло бы еще быть достигнуто, если бы великие державы условились, при помощи совместного давления, заменить постепенно турецкую администрацию и власть международною, т. е. поставить на проливах вместо Турции — Европу, хотя и тут едва ли удалось бы склонить султана подчиниться этому добровольно, и так сказать, постепенно отказаться в пользу шести держав от присущих ему, как независимому государю, прав. Но при таком разрешении затруднений создавалось бы невыносимое положение для России: ее существенные интересы были бы принесены в жертву Европе, ее безопасность в Черном море, а равно и свободное сообщение с Средиземным навеки были бы утрачены, ибо, установившись на проливах, великие державы, несомненно поспешили бы там прочно основаться, и только одна шестая этой общей силы и власти принадлежала бы нам.

Все вышеизложенные обстоятельства, делающие в более или менее близком будущем почти неизбежным вооруженное вмешательство великих держав в турецкие дела, заставляют нас, как ближайших соседей, более других позаботиться о том, как следует России отнестись к подобному событию и какие принять меры для ограждения наших интересов [1]). Ясно, что мы не можем допустить, чтобы у ворот наших, на проливах, утвердилась Европа или чтобы сильные военные суда, будь то хоть по одному от каждой великой державы, подошли к Константинополю без того, чтобы мы предварительно оградили свою безопасность в Черном море, укрепившись на Верхнем Босфоре. Возможность и средства исполнения этого предприятия и следует иметь в виду вместе с изучением обстоятельств и условий, при которых оно должно быть осуществлено. Тут прежде всего представляется необходимость полной обеспеченности успеха дела, а первым условием для этого— внезапность и быстрота действий. Далее, следует озаботиться тем, чтобы наши суда и десант могли появиться в Босфоре прежде, чем туда успели бы притти морские силы других великих держав, хотя и сомнительно, чтобы при совместном действии всех держав мы могли встретить с их стороны материальное препятствие для входа в проливы, но они могут стать помехою для высадки нашей и овладения высотами обоих берегов Верхнего Босфора. Для этого нужно, чтобы, при со-

[1]) Текст от слов: «Ясно, что мы не можем» до слов: «обстоятельств и условий» отчеркнут на полях черным карандашом.

блюдении строжайшей тайны, флот и десант постоянно были наготове, так, чтобы, по первому известию о необходимости движения, они могли безотлагательно выйти в море. Известие это должно бы быть передано в Севастополь непосредственно из Константинополя, как только возникновение опасных беспорядков сделает неизбежным иностранное вмешательство. Если бы необходимость эта представилась вследствие армянских нападений, и султан еще находился в обладании властью своею, то за несколько часов до прибытия флота к входу в Босфор надлежало бы его о том предупредить, предложив ему приказать впустить нас беспрепятственно и обещав ему взамен добровольного согласия на занятие нами Верхнего Босфора неприкосновенность его личности и верховной власти, тогда как в случае сопротивления мы поступили бы исключительно по соображениям личного свойства, не принимая в расчет его прав и выгод. Одновременно с этим следовало бы известить о принятом нами решении и другие великие державы и пригласить их, если желают, войти в Дарданеллы, причем наша средиземноморская эскадра непременно должна бы действовать заодно с отрядами других государств и, если бы они стали высаживать десант, сделать то же самое в доступных для наших сил размерах.

Занятие нами Верхнего Босфора и открытие Дарданелл для военных судов всех наций, с нейтрализацией этого пролива и обезоружением его берегов, представляли бы самое для нас выгодное, при настоящих условиях, разрешение вопроса о проливах и вполне обеспечивали бы нашу безопасность на берегах Черного моря, а равно и свободное сообщение со Средиземным.

К таковому же разрешению должны были бы мы стремиться и в случае, если бы в Константинополе произошел внутренний переворот и низвержение султана. Неуверенность в будущих условиях правления и опасность, которая угрожала бы нашим подданным, представляли бы нам достаточный предлог для быстрого действия. Есть полное основание предполагать, что одно появление наших броненосцев в Босфоре, особенно если бы хоть два из них могли быть отряжены к устью Золотого Рога, уже отрезвило бы мусульманскую чернь и даже разнузданное войско и способствовало бы немедленному прекращению тревоги. Дальнейшая судьба столицы зависела бы от того, при каких именно условиях это движение было бы исполнено и какое воздействие оно имело бы на турецкое правительство и население империи.

В том же случае, когда при более спокойном, временно, течении дел в Турции, для принуждения султана подчиниться совместным требованиям великих держав явилось бы необходимым употребить материальное на него воздействие, то, предварительно согласия на вступление в Дарданеллы иностранных военных судов, чем нарушились бы поста-

новления трактатов о проливах, ограждавшие доселе нашу безопасность в Черном море, мы должны бы сами прийти в Босфор и тогда пригласить к совместному с нами действию против Порты другие правительства.

Трудно предвидеть, какие политические последствия могут произойти от подобного переворота во всех вышеизложенных случаях. Весьма вероятно, что как судьба турецкой столицы, так и участь самой империи будут решены в международной конференции или конгрессе, который должен будет быть созван, лучше всего, в самом Константинополе. Можно однако почти с уверенностью сказать, что ни одна из великих держав, каковы бы ни были ее морские силы вблизи проливов, не решится тотчас же силою оспаривать у нас обладание Верхним Босфором или материально препятствовать нашему там утверждению. Нам будет, следовательно, во всяком случае, открыта возможность прочно там основаться и сделать из него нечто вроде Гибралтара, что позволит нам с большим весом и спокойным сердцем участвовать в разрешении дальнейших судеб земель, входящих ныне в состав распадающейся Турецкой империи.

А. Нелидов.

Заключения совещания, состоявшегося под высочайшим государя императора председательством, в Царском Селе, в субботу 23 ноября 1896 г. [1]).

Присутствовали [2]):

Военный министр.
Министр финансов.
Управляющий морским министерством.
Начальник главного штаба.
Управляющий министерством иностранных дел.
Российский посол в Константинополе.

При обсуждении записки, составленной действительным тайным советником Нелидовым, о положении дел в Турецкой империи и мерах, к которым Россия может быть вынуждена прибегнуть при разных случайностях [3]), статс-секретарем Витте высказано мнение, что заня-

[1]) Заголовок подлинника. — То же дело, л. л. 42—46. На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен». Далее другим почерком: «В Царском Селе. 27-го ноября 1896 г.».

[2]) Первоначальный проект настоящего «заключения» был разослан министерством иностр. дел участникам совещания для аппробации. Изменения, имеющиеся в окончательной редакции по сравнению с первоначальным текстом, а также пометки на экземплярах, посланных Витте и Тыртову, отмечены ниже в примечаниях, кроме чисто стилистических поправок.

[3]) В первоначальном проекте последующий текст до слова: «п о с т а н о в л е н о» отсутствует.

тие Верхнего Босфора, без соглашения с великими державами, по настоящему времени и при настоящих условиях, крайне рискованно и потому может иметь гибельные последствия.

При этом вице-адмиралом Тыртовым заявлено, что российскому послу в Константинополе трудно было бы предоставить право вызвать непосредственно Черноморскую эскадру с десантом в Босфор. По мнению управляющего морским министерством, действительному тайному советнику Нелидову следовало бы только телеграфировать в Севастополь и Одессу о предстоящем вызове для того, чтобы эскадра приступила без потери времени к принятию десанта, каковое, во всяком случае, потребует значительного времени ввиду неимения в достаточном количестве пароходов в Севастополе в данное время, а между тем приказание о выходе могло бы последовать из С.-Петербурга, без потери времени, по высочайшему приказанию.

Затем согласно с мнением большинства членов совещания,

П о с т а н о в л е н о:

Поручить послу Нелидову, по возвращении к своему посту, изыскать вместе с представителями других держав, согласно предложению великобританского правительства, средства для упорядочения и поддержания Оттоманской империи, при непременном условии обеспечить безопасность христианского населения, тщательно избегая однако таких мер, которые клонились бы к постепенной замене турецких правительственных учреждений общеевропейскими и к установлению международных порядков на берегах проливов.

Послы шести великих держав должны всеми силами стремиться достигнуть путем советов и увещаний применения тех мер, которые окажутся необходимыми для достижения помянутой цели. Но если бы султан воспротивился принятию предложенных ему мер или оттягивал бы под разными предлогами их осуществление, то послу нашему следует, путем доверительных разговоров с представителями других держав, выяснить заблаговременно, к какому именно способу принуждения их правительства предполагают прибегнуть. Таким способом, по всей вероятности, окажется морская демонстрация в Мраморном море, вопреки трактатам, постановившим закрытие проливов. В этом случае, даже при участии русской средиземноморской эскадры в означенной демонстрации, мы не могли бы согласиться на вступление значительного числа иностранных судов в Дарданеллы, не заняв одно-

временно [1]) Верхнего Босфора для обеспечения условленного трактатами закрытия прохода в Черное море. А потому действительному тайному советнику Нелидову поручается заблаговременно предупредить императорское правительство о предположениях других держав, дабы приказания Черноморской эскадре могли быть даны своевременно, принимая в соображение, что с минуты единогласного решения всех правительств прибегнуть к морской демонстрации, судам их средиземноморских эскадр потребуется менее времени для вторжения в Дарданеллы, нежели нашим судам для перехода из Севастополя и Одессы к Босфору.

При нынешнем тревожном положении дел в Турции не следует терять из виду, что миролюбивые попытки послов не устранят, быть может, внезапной и насильственной развязки, вследствие происков армянских комитетов, новых кровопролитий и избиений в Константинополе или, наконец, общего восстания против власти султана и низвержения его. При таких обстоятельствах, появление иностранных средиземноморских эскадр перед Константинополем для защиты своих соотечественников и христиан может произойти неожиданно, без предварительного соглашения послов [2]), ввиду чего и чтобы не быть опереженными на Босфоре, российскому послу предоставляется, в крайнем случае, непосредственно предупредить секретною телеграммою главного командира Черноморского флота о необходимости немедленной высылки эскадры с десантом в Босфор, уведомив о том же одновременно императорское правительство [3]).

Во всяком случае, при отплытии Черноморской эскадры из Севастополя и Одессы, послу поручается предупредить султана о после-

---

[1]) В первоначальном проекте: «одновременно или даже заранее».

[2]) В первоначальном проекте вместо слов: «может произойти неожиданно, без предварительного соглашения послов» — «кажется несомненным». В экземпляре Витте последнее слово подчеркнуто.

[3]) В первоначальном проекте: «Российскому послу предоставляется в крайности вызвать Черноморскую эскадру, сообщив тотчас же императорскому правительству о неизбежности этого распоряжения». В экземпляре Тыртова на полях вписан следующий текст: «В перечисленных случаях совещанием не было предоставлено российскому послу в Константинополе права вызвать непосредственно Черноморскую эскадру с десантом в Босфоре, а только телеграфировать в Севастополь или Одессу о предстоящем вызове для того, чтобы эскадра приступила без потери времени к принятию десанта, каковое, во всяком случае, потребует значительного времени ввиду неимения в достаточном количестве пароходов в Севастополе в данное время, а тем временем приказание о выходе может последовать из Петербурга без потери времени, по высочайшему приказанию».

довавшем бесповоротном решении и предложить ему ручательство [1]) России за личную его безопасность, если он согласится содействовать или, по крайней мере, ничем не препятствовать входу русских судов в Босфор и занятию десантами некоторых пунктов на обоих берегах пролива для ограждения прохода в Черное море — *навсегда* [2]).

Петр Ванновский. Сергей Витте.
П. Тыртов. Н. Шишкин.
Н. Обручев. А. Нелидов.

Письмо С. Ю. Витте на имя Н. П. Шишкина.

6 декабря (24 ноября) 1896 года. С.-Петербург.

Милостивый государь
Николай Павлович.

Вашему превосходительству известны мои мнения по предмету, обсуждавшемуся в совещании, проект заключения коего вы изволили мне препроводить, — так как я имел высокое счастье всеподданнейше высказать государю императору в вашем присутствии. Я считаю занятие Верхнего Босфора, без соглашения с великими державами, по настоящему времени и при настоящих условиях, крайне рискованным и потому могущим иметь гибельные последствия. Так как проект заключения не соответствует таковым моим мнениям, то, считая посему излишним касаться частностей и редакции заключения, я позволяю себе покорнейше просить ваше превосходительство, не соблаговолите ли введение к заключению изложить так:

«По обсуждению записки (и так далее, как написано)... при разных случайностях его императорское величество, соизволив согласиться с мнением большинства членов совещания, постановил:

...(если заключение совещания подлежит утверждению его величества) изложить окончание так: «большинством членов совещания постановлено» или «в согласии с мнением большинства членов совещания постановлено».

---

[1]) В экземпляре Витте слово «ручательство» подчеркнуто, на полях поставлен знак вопроса.

[2]) Слово «навсегда» приписано синим карандашом рукой Николая Романова.

Такая редакция даст мне возможность, в согласии с верноподданническим долгом и спокойною совестью, подписать заключение.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

С. Витте.

Телеграмма А. И. Нелидова Н. П. Шишкину [1].)

18 (6) декабря 1896 г.

Я буду принят султаном завтра, после чего состоится наше первое совещание. Несмотря на то, что еще не все мои коллеги получили ясные и окончательные инструкции, они все же считают себя полномочными приступить к предварительному обмену мнений по вопросам, подлежащим нашему обсуждению, поскольку не было предположено и не ожидается никакой программы. В инструкциях французского посла упоминается только о проведении в жизнь обещанных реформ, что суживает рамки, не давая удовлетворительных результатов. Ганото сообщил, кроме того, что он пришел к соглашению с вашим превосходительством по трем основным пунктам: поддержка турецкой империи, никаких сепаратных выступлений ни по одному вопросу и никакого кондоминиума.

Однако эти условия (в особенности второе), которых не имеется в идентичных инструкциях от 23 (11) октября, но которые, казалось бы, должны были быть сообщены другим кабинетам, могут очень связать нас в выполнении решений, принятых на секретном совещании 5 декабря (23 ноября). Вот почему я считаю необходимым обратить на них самое серьезное внимание вашего превосходительства.

[Нелидов].

Проект телеграммы Н. П. Шишкина А. И. Нелидову [2]).

20 (8) декабря 1896 г.

Лично. Ответ на вашу первую телеграмму от вчерашнего числа.

Его величество государь император соизволил признать, что три пункта, сформулированные г. Ганото, соответствуют взглядам его величества.

Действительно, было бы невозможно прийти к соглашению о совместных действиях с другими державами, давая им основания предполагать возможность сепаратного выступления России. Мы рисковали бы таким путем развязать им руки и уклонились бы от основного принципа, который заставил нас признать соглашение европейских держав

---

[1]) На подлиннике Николаем Романовым поставлен знак рассмотрения.

[2]) На проекте помета Николая Романова: «С[огласен]». Ниже другим почерком: «В Царском Селе. 20 (8) декабря 1896 г.»

единственным средством воспрепятствовать произвольным действиям отдельных держав.

Решения 23 ноября не имеют никакого отношения к данной фазе наших переговоров. Осуществление их можно предусматривать лишь в случае необходимости каких-либо принудительных мер или как следствие непредвиденных событий, выходящих из рамок общего соглашения, которое должно быть достигнуто в настоящее время по вопросу о мероприятиях, которые должны быть рекомендованы султану.

Очень существенно не расширять преждевременно эту программу, ничего не ускорять и ни в каком случае не ставить с самого начала попытку соглашения под угрозу срыва.

[Ш и ш к и н.]

Проект письма Н. П. Шишкина А. И. Нелидову [1]).

30 (18) д е к а б р я 1896 г.

Спешу ответить без задержки на ваши личные письма от 9 (21) декабря, тем более, что они свидетельствуют о некоторых толкованиях, которые я бы не хотел оставить без опровержения.

Вы, повидимому, озабочены мнимым «определенным обязательством», которым мы якобы связаны по отношению к Франции и которое исключает всякую возможность с нашей стороны сепаратного выступления по какому бы то ни было пункту.

Между тем, ничего подобного в действительности не существует. Вы найдете в приложении точную копию текста сообщения, которое графу Vauvineux было поручено сделать мне. Поскольку три сформулированные там пункта получили полное одобрение со стороны нашего августейшего повелителя, я имел возможность сказать поверенному в делах Франции, «что они отвечают взглядам его величества». После этого я ограничился тем, что конфиденциально информировал об этом наших послов циркулярным письмом от 5 (17) декабря, копия которого была сообщена вам одновременно с другими.

Помимо этого, вопрос о французском сообщении не поднимался ни в устной, ни в письменной форме. Где же тут инкриминируемое обязательство?

Слухи, распространившиеся со времени вашего недавнего пребывания здесь, внушили везде и повсюду убеждение в том, что императорское правительство готовится к решительному выступлению, и что вы получите даже секретное предписание ускорить развал гнилого здания Турции, чтобы воспользоваться этим окончательным кризисом.

В таких условиях ставить соглашение о совместных действиях

[1]) На проекте помета Николая Романова: «С[огласен]». Ниже другим почерком: «В Царском Селе. 29 (17) декабря 1896 г.».

с другими державами в зависимость от оговорок, имеющих целью при случае облегчить сепаратное выступление России, показалось нам неосторожным.

Получить принципиальное согласие держав на сепаратное выступление России под каким бы то ни было предлогом было бы более чем трудно. Всякая попытка такого рода, в особенности в настоящий момент, заставила бы их, по всей вероятности, только насторожиться и развязала бы им руки.

Вы полагаете, что «другие державы не думают о сепаратных выступлениях» и что, «если представится случай, державы могут только оправдать наше выступление». Мы убеждены, что только боязнь дать нам эту возможность препятствует державам активно вмешаться в дела Турции, несмотря на несомненное их желание это сделать.

Твердым желанием императора является (и его величество приказал мне повторить вам это), чтобы мы приложили все усилия к тому, чтобы избежать тяжелой крайности принудительного вмешательства, и чтобы мы искренно стремились достичь соглашения с другими державами с целью поддержать существование Оттоманской империи и насколько возможно отдалить ее падение.

Если бы после этого и несмотря на все наши старания обстоятельства привели бы нас когда-нибудь к безусловной необходимости решительного выступления, у нас всегда будет время указать державам на исключительные условия, которые заставляют нас действовать и использовать наше географическое положение, существующие договоры и т. д. и т. д.

Преждевременные объяснения по этому вопросу вызвали бы не меньшие возражения с их стороны, но были бы, по всей вероятности, бесплодными и тем более опасными.

С живейшим интересом мы ожидаем программу мероприятий, которые вы и ваши коллеги сочтете целесообразным рекомендовать султану. Кстати, не думаете ли вы, что было бы в высшей степени желательным начать с самого важного и наиболее спешного, т. е. с полицейских и военных мер, которые нужно принять, чтобы обеспечить порядок в самом Константинополе и предотвратить возможность повторения кровавых эксцессов на улицах столицы?

В этом ближайшая опасность, которую надо предотвратить немедленно. Улучшения, которые необходимо ввести в центральном управлении и в провинциях, могли бы обсуждаться более спокойно и с большей систематичностью, когда это темное пятно, угрожающее в настоящее время миру всего мира, будет устранено или, по крайней мере, отодвинуто как можно дальше.

[Ш и ш к и н.]

Заграничное путешествие М. Н. Муравьева в 1897 г.

Публикуемые ниже два всеподд. доклада министра иностранных дел М. Н. Муравьева о результатах путешествия его в Париж и Берлин в январе-феврале 1897 г. являются по своему содержанию заключительными документами в политической истории 1896 г., последние три месяца которого были ознаменованы резким ухудшением франко-русских отношений на почве ближне-восточных дел и попыткой сближения между Россией и Англией (посещение Николаем Романовым Англии и беседы его в Бальморале с Сольсбери 26(14) сентября 1896 г.). Наиболее знаменательным событием в эти месяцы было совещание о проливах 5 декабря (23 ноября) 1896 г. [1]).

Неудача проекта «Босфорской экспедиции», являвшаяся до известной степени неудачей личной политики Николая Романова, убедила его в том, что исполнять роль «собственного министра иностранных дел» не всегда бывает полезно, а тем более приятно. Николай после 4 месяцев личного управления министерством иностранных дел решился, наконец, назначить преемника Лобанову. Выбор пал на посланника в Копенгагене М. Н. Муравьева, человека, по замечанию Витте, «во многих отношениях просто невежественного и неохотно занимавшегося делами». Назначение Муравьева было встречено в Париже с большой радостью, о чем русский посол в Париже Моренгейм уведомил министра. Французский министр иностранных дел Ганото, которого французские политические круги упрекали в том, что «он делает все для русских и ничего для французов» и положение которого сделалось особенно тяжелым в декабре-январе 1896—97 г. в связи с кампанией, поднятой против него в печати, был восхищен (ravi) назначением Муравьева [2]). «Ганото сказал мне, — писал Моренгейм, — что он в восторге и что многие из опасений, которым он не мог противостоять ввиду неизвестности, окутывавшей будущее, теперь рассеялись самым счастливым и полным образом». В Париже торжествовали победу, рассчитывая, что «светский человек» Муравьев исправит ошибки, совершенные вр. управляющим мин. иностр. дел Шишкиным, произведшим на Ганото впечатление «простого мужика» [3]), и самим Николаем II. Большое значение, конечно, приписывали ожидавшемуся посещению новым министром Парижа и тому обмену мнений, который должен был там произойти.

---

[1]) См. выше, стр. 64.

[2]) Письмо Моренгейма от 21 (9) января 1897 г. (Архив Революции и Внешней Политики).

[3]) Во время приезда Николая II в Париж в октябре 1896 г. См. Grosse Politik, Bd. XIII, № 3430.

Муравьев провел в Париже два дня (28 и 29 января н. ст.) и произвел, как это можно судить по донесениям Моренгейма, хранящимся в Архиве Революции и Внешней Политики, и депеше германского посла в Париже гр. Мюнстера от 3 февраля 1897 г. [1]), прекрасное впечатление во французских политических кругах. По определению Ганото, это — «светский человек, с которым легко решать все вопросы и который охвачен наилучшими порывами». Что касается самих бесед, то здесь дипломатическая тайна была вполне соблюдена. Даже такой хорошо осведомленный дипломат, как Мюнстер, считал, что «политические разговоры носили общий характер» и что «главной их темой было сохранение султана и тем самым сохранение мира». «Более определенных заверений, — писал Мюнстер, — относительно урегулирования турецких финансов, в чем особенно заинтересованы французы, граф Муравьев однако не дал; равным образом, не захотел он коснуться по существу и вопроса о принудительных мероприятиях по отношению к Турции».

Публикуемый ниже доклад Муравьева о посещении им Парижа однако показывает, что парижские беседы его с Ганото и с президентом Ф. Фором далеко не носили столь невинного характера, как это думал Мюнстер. Последний оказался в этом случае исключительно плохо осведомленным. Как раз обратное: беседующие коснулись очень большого ряда вопросов, заявления по которым Муравьев и зафиксировал с редкой для дипломатического документа откровенностью. Чего например стоит содержащееся в докладе о парижских беседах утверждение, что главная цель России — препятствовать сближению между Францией и Германией или Францией и Англией, или слова Ганото об основных задачах итальянской политики Франции и о том, что Танжер представляет первостепенную важность для Франции, так как, «укрепив этот порт, Франция тем самым уничтожит всякое значение Гибралтара и окажется фактической владетельницей у входа в Средиземное море».

Между Муравьевым и Ганото все время идет борьба. Муравьев парирует удары французов. Константинопольский вопрос он ставит в той же форме, как его ставил Шишкин или скрывавшийся за его спиной Николай Романов: вход соединенного флота держав в Константинополь заставит Россию «заручиться материальными гарантиями, т.-е. занятием Босфора и господствующих высот». Однако, когда Ганото с изысканной любезностью предложил «разведать» взгляды великих держав на «приобретение Россией навеки ключа к Черному морю — русскому внутреннему озеру» и «приготовить их к подобному шагу», Муравьев, оценив по достоинству западню, которая позволяла бы Франции, не отказывая самой, сослаться на отказ держав и привела бы (чего, повидимому, и хотел Ганото) к вящему доказательству политического поражения России, сумел «категорически, хотя и любезно, отклонить это предложение». Так же миновал он и другую западню французской дипломатии, указав, что «обоюдное действие» России и Франции, «не идущее рука в руку с другими великими державами, могло бы дать повод турецкому правительству вновь попробовать воспротивиться давлению великих держав». Этим путем Муравьев значительно ослаблял зависимость России от французского правительства в

[1]) Там же.

ближне-восточных делах. Свои слова он еще подтвердил отказом России от ввода русского делегата в Совет оттоманского долга и вообще заметил, что «всякое участие наше (т.-е. русского правительства) в финансовых делах Турции может быть обусловлено лишь соображениями нашего министра финансов» и что он, Муравьев, оставляет за собой право изменять в этой области предложения Ганото. В результате широкие мероприятия, предложенные Ганото, были сведены к простому совету, который на следующий день был сделан сообща обоими министрами турецкому послу в Париже Мунiру о «необходимости принятия султаном реформ, которые ему предложит совещание послов в Константинополе», а также к просьбе «обратить внимание падишаха на опасность, которой подвергнутся независимость и неприкосновенность его империи в случае возобновления беспорядков, смут или резни в Константинополе». Твердый тон Муравьева и его профессиональная изворотливость не замедлили произвести впечатление на Ганото, который двинул в бой свои главные силы. Он дал понять Муравьеву, что Франция согласна предоставить России Константинополь, но в порядке общеевропейской войны. Это откровенное заявление Ганото в корне противоречит всему тому, что писали Э.Буржуа и ему подобные апологеты французской политики о позиции, занятой Францией в ближне-восточном вопросе в 1896—97 гг. «Под конец нашего разговора,— читаем мы в докладе,— Ганото откровенно заявил мне, что занятие нами Константинополя повлечет к разделу Турецкой империи, а следовательно, к общей европейской войне, что война далеко нежелательна ныне как для Франции, так, полагает, и для России, и что он надеется, что ваше императорское величество, в желании сохранить благо мира в России и Европе, не допустите подобного несчастья, но что, если бы, вопреки стараниям наших двух государств, подобная война разгорелась, то Россия может рассчитывать на полнейшее содействие и на помощь Франции». Идея общеевропейской войны в этот момент была однако совершенно неприемлема для русского правительства, так как в это время русская армия уже явно стала уступать в смысле боевого снаряжения и техники германской и даже австрийской. (Спустя два года, в 1898 г., военный министр Куропаткин был вынужден выступить с проектом русско австрийской военной конвенции, запрещавшей на 10 лет обеим державам вводить в своих армиях скорострельные пушки [1]) Муравьев, учитывая невозможность для России вести в данный момент общеевропейскую войну, т.-е. по существу войну с Тройственным союзом и в первую очередь с Германией, всячески уклонялся от прямых объяснений на эту тему с Ганото, который, в свою очередь, изо всех сил старался доказать ему злокозненность берлинского кабинета, будто бы интриговавшего против России в Лондоне и Вене. В конце этой первой беседы Ганото, убедившись в невозможности добиться каких-либо категорических заявлений русского правительства по важнейшим вопросам европейской политики, перешел к выяснению ряда более мелких, но существенно интересовавших Францию дел. Так, он коснулся экономических и политических интересов Франции в Абиссинии и вопроса о Римской курии. На другой день в беседе с Муравьевым он продолжал придерживаться избранной им тактики. Оставив в стороне крупные европейские

[1]) В. секретное письмо Куропаткина от 13 (1) марта 1898 г. на имя Муравьева. (Архив Революции и Внешней Политики.)

дела, он главным образом стремился выторговать для Франции поддержку России в египетском и марокканском вопросах (просьба назначить постоянного русского представителя в Танжер). Свои планы он искусно замаскировал общими рассуждениями о франко-русском кандидате на турецкий престол и о положении в Афганистане. Наконец, он не мог не похвастаться перед Муравьевым успехами, достигнутыми им в области итальянской политики. Со своей стороны Муравьев попытался выторговать согласие Франции «пойти рука в руку с Германией и Россией» на Дальнем Востоке, причем встретил полуотказ, который сам он счел за положительный ответ. В беседе Муравьева с Феликсом Фором обращает на себя внимание та осторожная позиция, которую занимают петербургские круги по отношению к Англии.

Что касается германской части доклада Муравьева то она, несомненно, представляет ценнейшее дополнение к документам, опубликованным в «Die grosse Politik der europäischen Kabinette», Bd. XIII, Kap. 85.

Здесь мы находим русскую версию беседы Вильгельма II с Муравьевым. Германская версия сохранилась в двух телеграммах Вильгельма II имперскому канцлеру Гогенлоэ и послу в Вене Эйленбургу (от 1 и 3 февраля 1897 г., №№ 3428 и 3429). Вильгельм в них выражал свое удовлетворение по поводу свидания с Муравьевым, во время которого последний якобы проявил большую тревогу и враждебность по отношению к Англии и настойчиво советовал германскому правительству прибегнуть к посредничеству России в деле налаживания прочных дружественных отношений с Францией. Оба эти утверждения Вильгельма находят подтверждение в публикуемом нами докладе. Зато Вильгельм II ни словом не упоминает ни о проявленном им самим беспокойстве по поводу слухов об англо-русском сближении, в результате которого Германия может оказаться с пустыми руками, ни о своем заявлении что если бы России пришлось стянуть все войска на Восток, преследуя согласные с ее интересами цели, то он, Вильгельм, «не только не нападет на Францию, но не допустит, чтобы кто-либо в Европе двинулся», ибо так он понимает свое обещание обеспечить русский тыл. В обстановке 1896 г. эти слова нельзя рассматривать иначе как прямое подстрекательство к войне и к продолжению политики авантюр на Ближнем Востоке. Никаких указаний не встречаем мы в телеграммах Вильгельма II ни по поводу его заявления о необходимости воспротивиться сближению между Англией и Сев.-Амер. Соед. Штатами, ни о необходимости для Германии — захватить «при мощном содействии России китайский порт вне сферы русского влияния». Со своей стороны Муравьев мало уделяет внимания своим беседам с Гогенлоэ и со статс-секретарем по иностранным делам Маршаллем, о которых имеются подробнейшие данные в той же главе «Die grosse Politik».

Если Вильгельм II скрыл от своих министров обещание «обеспечить руский тыл» в случае возникновения войны, то Муравьев утаил от царя ту часть своей беседы с Маршаллем, в которой он от лица русского правительства выразил согласие на приобретение Германией опорного пункта на Дальнем Востоке. Таким образом германская и русская публикации существеннейшим образом дополняют друг друга.

В заключение необходимо указать, что, являясь завершающим моментом в политической истории 1896 г., беседы Муравьева в Париже и Берлине подготовили в области

франко-русских и германо-русских отношений два крупнейших политических события 1897 г. — путешествие Вильгельма II и Феликса Фора в Россию.

Текст публикуемых документов подготовил к печати Ф. В. Кельин.

Всеподд. доклад министра иностр. дел М. Н. Муравьева [1]).

Во исполнение всемилостивейшего повеления вашего императорского величества, выехав из Дании, я прибыл 16 января в Париж. В то же утро я отправился к французскому министру иностранных дел г. Ганото, с которым в продолжение $1^1/_2$ часов обменивался взглядами насчет настоящего положения политических дел как на Дальнем Востоке, так и в Европе, и в особенности в Турции. На заявления г-на Ганото, что Франция, интересы которой тесно связаны с интересами России, готова во всем поддержать наш образ действий относительно Турции, я сказал ему, что он прежде всего совместно с нами должен воздействовать на султана с тем, чтобы отстранить всякую возможность смут в Константинополе, а также склонить султана на беспрекословное принятие реформ, которые будут ему предложены по заключении конференции общим собранием послов [2]).

На предложение г-на Ганото обсудить немедленно те меры, которыми мы вдвоем могли бы взять в свои руки первостепенное влияние на Турцию, я согласился с ним в полной желательности такого положения дел, заметив при этом, что для получения практических результатов от подобного обоюдного влияния следовало бы сначала обождать последствий реформ, предложенных послами, тем более, что обоюдное действие наше в настоящую минуту, не идущее рука в руку с другими великими державами, могло бы дать повод турецкому правительству вновь попробовать воспротивиться давлению великих держав, не усматривая в них полного единодушия. По миновании же этой опасности, мне казалось бы, что обоюдное действие наше, с приобретением главнейшего влияния в Турции, могло бы быть поставлено на первый план, и прибавил, что я ныне же прошу его в общих чертах изъяснить мне, как бы он понял это наше общее действие в Константинополе. Заметив из его ответа, что главным основанием проекта наших действий в Константинополе было бы то предложение, которое сначала было нами принято, а потом отклонено [3]), я ему категорически объ-

[1]) На докладе помета Николая Романова: «Прочел с большим удовольствием». К докладу приложена препроводительная записка Муравьева Николаю Романову от 4 февраля (23 января) 1897 г. (Архив Революции и Внешней Политики).

[2]) Собрание послов шести великих держав было созвано в Константинополе в конце декабря 1896 г. по предложению Сольсбери, формулированному им в циркулярном меморандуме державам от 20 октября 1896 г.

[3]) Имеется в виду предложение о вводе русского делегата в Совет оттоманского долга.

явил, что мы не согласимся вновь на раз отказанное, но всегда готовы обсудить новое предложение и притом с полнейшим желанием притти к соглашению, если бы оно даже имело сходство с прежним.

Обратив также его внимание на то, что всякое участие наше в финансовых делах Турции может быть обусловлено лишь соображениями нашего министра финансов, заключения которого в подобных вопросах должны иметь первостепенную важность, я присовокупил, что вперед предупреждаю его, что сохраняю за собою право изменять его предложения, нисколько не полагая, что подобные изменения могли бы в чем-либо привести французское правительство к мысли, что мы не имеем желания действовать с ним сообща.

На это мое заявление г. Ганото выразил свое полнейшее согласие. Перейдя к обсуждению возможности немедленной опасности в случае смут или резни в Константинополе и необходимости соединенным флотам войти в Константинополь, я ответил ему, придав этому моему заявлению самый секретный характер, что подобное действие соединенных эскадр заставит нас заручиться материальными гарантиями для самосохранения нашего, т.-е. занятием Босфора и господствующих высот, или, иначе, приведет к приобретению навеки ключа в Черное море —нашему внутреннему озеру. Г. Ганото возразил мне, что подобная необходимость очевидна, что она известна всем великим державам и что, если это нам угодно, он предлагает свои услуги, чтобы разведать их взгляды и приготовить их к подобному нашему шагу.

Я немедленно категорически, хотя и любезно, отклонил это предложение, заявив г-ну Ганото, что обсуждение подобной случайности ныне было бы не только неудобно, но даже вредно, так как могло бы привести к обсуждению раздела Турецкой империи; к тому же роль эту могла бы принять на себя Франция лишь если бы в подобном смысле было выражено желание, которое, как я предвижу, выражено не будет. В заключение, говоря о возможности немедленной опасности в случае новых происшествий в Турции, мы решили, что на следующий день, после завтрака, данного им, на котором должен присутствовать турецкий посол, мы вдвоем заявим последнему о полнейшем согласии, существующем между Францией и Россией в делах всемирной политики, следовательно и в делах Турции, а также о полном единодушии нас обоих с остальными великими державами упорядочить положение дел в Оттоманской империи; мы решили заявить ему о необходимости принятия султаном реформ, которые ему предложит совещание послов в Константинополе, а также просить его обратить внимание падишаха на опасность, которой подвергнутся независимость и неприкосновенность его империи в случае возобновления беспорядков, смут или резни в Константинополе. О заявлении этом турецкому послу я

имел счастие доложить вашему императорскому величеству секретной телеграммой моей от 16 января [1]).

Перейдя к обсуждению политических интересов наших относительно европейских государств, г. Ганото не скрыл от меня, что Франция с Германией до тех пор не может помириться, пока Франции не будут возвращены Эльзас и Лотарингия, но что до этого времени Франция останется с Германией в приличных международных отношениях, хотя и в вежливых, но довольно холодных, избегая давать императору Вильгельму малейший повод к неожиданным и якобы задушевным излияниям по отношению к Франции, которые всякий раз ставили бы какое бы то ни было министерство в самое затруднительное положение. Французское правительство в подобном случае принуждено было бы отзываться на любезность более чем холодно, ввиду патриотического настроения всей нации.

Заявление это показалось мне весьма удовлетворительным для наших интересов, так как, по моим понятиям, благодаря первенствующему ныне положению, занимаемому нами в мире, мы должны опасаться лишь двух случайностей, а именно: возможности сближения Германии с Францией или Франции с Англией.

Выслушав внимательно слова г-на Ганото и поставив себе в обязанность исполнить слово в слово монаршую волю вашего императорского величества — быть вполне откровенным в отношениях и разговорах моих с руководителями французской иностранной политики, я заявил моему собеседнику, что Россия, не упуская ни на минуту из виду честных и дружественных отношений своих к Франции, она, Россия, находится и останется, я надеюсь, в хороших отношениях с Германией, к которой нам нет никаких причин относиться враждебно.

Вполне одобрив это мое заявление, г. Ганото сказал мне, что, по его мнению, однако, при первом случае, что Германии пришлось бы в восточном вопросе действовать согласно интересам нашим или австрийским, она неминуемо перейдет на сторону последней. Закрыв дорогу вожделениям Австрии на Востоке, Германия обратила бы взоры австро-венгерского правительства на Германию, над которою она еще так недавно имела гегемонию, и что подобная случайность всегда заставит Германию поощрять Австрию в убыток русским интересам. Что же касается отношений Германии к Англии, одинаково враждебной к России и Франции, по существу являющейся исконным врагом России и недоброжелательницей и завистницей Франции, то образ действий Германии далеко не ясен и трудно верить в постоянство антагонизма этих двух стран, — так, напр., после Трансваальского

[1]) Ср. Gr. Pol., Bd. XIII, № 3330.

вопроса, где Германия неожиданно показала зубы Англии [1]), та же Германия безо всяких причин подала руку помощи той же Англии в египетских делах [2]). Подобные колебания Германии относительно Англии легко наводят на мысль, что берлинский кабинет желал бы привлечь Англию на сторону Тройственного союза и что мысль эта влияет часто на образ действий германской политики.

Я возразил г-ну Ганото, что, не отказываясь от правдоподобности его заключений, я, с своей стороны, должен обратить его внимание на то влияние, которое несомненно имеют на германскую политику отличительные черты характера самого императора: внезапность его решений, нередкие сердечные увлечения под впечатлением минутного расположения могли бы также объяснить колебания германской политики. Рука помощи, поданная Англии в Египте, легко возможно, была подана не из доброжелательности к Англии, а из влечения сердца показать своему другу, королю Гумберту, что рыцарская Германия во дни испытаний не забывает своих обещаний и тем или другим образом всегда готова вывести своих друзей из затруднений.

Подобными увлечениями императора германского могли бы пользоваться в наших общих интересах мы и Франция, не упуская из виду тех выгод, которые обе страны могут извлечь от личного содействия императора на более холодное обсуждение германских интересов его правительством. Что же касается Австрии, то назначенный под влиянием Германии граф Голуховский [3]), в котором Берлин видел поляка, готового повести Австрию на всех парах в интересах ее влияния на Балканском полуострове, сохраняя над ним полное свое руководство, показал, насколько мне известно, в последнее свое пребывание в Берлине, что рассчет Германии в этом случае не оправдался. Вместо того, чтобы, как ожидал Берлин, показаться благодарным Германии за свое назначение, он в отношении как князя Гогенлоэ, так даже и императора, встал на почву полной независимости и этим самым на время, — хотя, вероятно, и короткое, — охладил отношения между Берлином и Веною. Этого факта, — сказал я г-ну Ганото, — мы также не должны упускать из виду.

---

[1]) Муравьев имеет в виду позицию Германии в Трансваальском вопросе в декабре 1895 — январе 1896 г. и телеграмму Вильгельма II президенту Крюгеру от 3 января 1896 г. (Ср. Gr. Pol., Bd. XI, Kap. LXIII).

[2]) Речь идет о благожелательной позиции, занятой германским правительством в вопросе о посылке английской экспедиции из Египта в Донголу против дервишей на помощь Италии в марте 1896 г. (Ср. Gr Pol., Bd XI, Kap. LXVIII.)

[3]) Граф Голуховский был назначен австро-венгерским министром иностранных дел в 1895 г. О посещении им Берлина в январе 1897 г. см. Gr. Pol., Bd. XII, Kap. LXXIV. LXXIX.

Возвратясь снова к обсуждению нашего образа действий в случае занятия соединенными эскадрами Дарданелл, французский министр иностранных дел спросил меня, сколько нам нужно времени, если бы пришлось овладеть Босфором, выразив опасения, что Англия могла бы нас опередить.

Я не счел нужным входить с ним в пространные объяснения по этому вопросу, но уверил его, что этой опасности мы не предвидим.

Я счел лишним поставить его в известность об опасениях наших именно по этому предмету.

Под конец нашего разговора г. Ганото откровенно заявил мне, что занятие нами Константинополя повлечет к разделу Турецкой империи, а следовательно, к общей европейской войне, что война далеко нежелательна ныне как для Франции, так, полагает, и для России, и что он надеется, что ваше императорское величество, в желании сохранить благо мира в России и Европе, не допустите подобного несчастия, но что, если бы, вопреки стараниям наших двух государств, подобная война разгорелась, то Россия может рассчитывать на полнейшее содействие и на помощь Франции.

Я ответил г-ну Ганото, что миролюбие вашего величества известно всей Европе, что тесная наша связь с Францией служит лучшим доказательством этого миролюбия и что еще накануне моего отъезда из С.-Петербурга вашему императорскому величеству благоугодно было в этом смысле выразить мне монаршую вашу волю.

Свидание мое с г. Ганото приходило к концу. Прежде чем закончить нашу беседу, я затронул вопрос о намерении Франции относительно Абиссинии и о тех инструкциях, которые могли быть даны недавно посланному в Эфиопию г. Лагарду [1]).

Г. Ганото сказал мне, что Лагарду не было дано официального характера, что ему поручено было лишь очистить путь к торговым отношениям между Францией и Абиссинией и заявить негусу о постоянных дружелюбных чувствах к ним французского правительства.

С моей стороны, я уверил моего собеседника, что, если вашему величеству благоугодно будет войти в подобные же отношения с Абиссинией посредством нарочно для сего посланного к Менелику, без официального характера, агента, то последний получит наставления действовать вполне согласно с французским посланным, объяснив ему, с своей стороны, что желательно было бы, чтобы их общими усилиями был обнародован закон о правильном престолонаследии. В противном случае, мне кажется, Англия, могла бы воспользоваться

[1]) Леон Лагард, один из главных проводников французского влияния в Абиссинии, втечение ряда лет занимал пост дипломатического представителя Франции при негусе.

соперничеством Рас-Маконена и Рас-Мангаши [1]) для осуществления своих корыстных видов на Абиссинию.

Последний вопрос, нами обсужденный в это утро, были затруднения, встречаемые нами в согласовании обоюдных интересов наших по религиозным вопросам на Востоке и в последнее время в Иерусалиме.

Г. Ганото заявил, что, совместно с желанием во всех этих вопросах уступать нашим требованиям, он не может не придавать должного внимания тем трудностям, которые подобный образ действий вызывает в положении относительно Римской курии. Сближение республиканской Франции с папою привлекло на сторону правительства многочисленных новых приверженцев внутри страны. Это факт неоспоримый, с которым республике приходится считаться. Несмотря однако на это, он убежден, что недоразумения, могущие встретиться по этому вопросу между нами и Францией, всегда легко могут быть устранены.

Я ответил г-ну Ганото, что вполне понимаю его образ мыслей по этому поводу, а с своей стороны должен обратить его внимание на вековое значение покровительства нашего над православным Востоком — покровительства, вошедшего в плоть и кровь нашего отечества, и что, если со стороны Франции в подобных вопросах нельзя упускать из виду вопроса о Римской курии, то нам, с нашей стороны, нелегко сглаживать эти недоразумения, но что мы приложим все старания в этом смысле.

В 3 часа меня принял президент Французской республики, у которого я оставался более часу.

При входе в его кабинет я передал ему, во исполнение всемилостивейшего приказания вашего, благосклонные слова вашего величества о недавнем пребывании вашем в Париже.

Г. Фор, глубоко тронутый милостью вашего величества к нему и французскому народу, поручил мне выразить вам его горячую благодарность. Новым доказательством милостивого расположения вашего величества к Франции служит, — сказал мне президент республики, — предпринятая мною, по повелению вашего императорского величества, поездка во Францию. Он и французский народ глубоко благодарны вашему величеству за этот новый знак благорасположения, который в данную минуту укрепляет положение Франции не только вне ее границ, но и внутреннее.

Уже утром г. Ганото сказал мне, что одно мое назначение, а тем более приезд мой во Францию не только укрепили французское министерство, но спасли его от падения, которое без этого было бы неминуе-

[1]) Рас-Маконен — племянник Менелика; Рас-Мангаши — один из северных князей Абиссинии.

мо. Между тем кабинет Мелина, опирающийся на умеренной французской буржуазии [1]), — не без консервативного оттенка, представляет наилучшую гарантию спокойствия и благоуспеяния страны. Совершенно в том же смысле выразился и г. Фор.

Перейдя к вопросу об интересах, касающихся наших обеих стран, президент уверил меня, что Франция, в непоколебимой вере о расположении к ней державного вождя русского народа, вполне спокойно может предаваться развитию своего благосостояния, зная, что никакая опасность ей более не угрожает. Франция с своей стороны до того предана вашему величеству, что, какое бы правительство ни оказалось у дел, оно не просуществует ни одного часу, если не будет действовать в смысле этой непоколебимой народной воли. Посещение Франции вашими императорскими величествами оставило навеки неизгладимое впечатление в каждом французе, и президент республики, видимо, тронутый, говорил мне, что в деревнях, в самых незначительных французских закоулках всюду встречаются портреты вашего величества. Спросив меня, остался ли я доволен своим утренним совещанием с г-ном Ганото, и получив от меня утвердительный ответ, г. Фор перешел на обсуждение политических вопросов в более общих чертах, чем я это делал с министром иностранных дел, и преимущественно говорил о соперничестве между Англией и Францией и о недоброжелательстве Англии к нам. На эти заявления президента я ответил, что для Англии мы неуязвимы, что в отношении Франции, идущей рука в руку с нами, Англии, при сильном на нее напоре, всегда придется уступать: постоянным примером этому служат сначала афганские дела, потом наши успехи на востоке и наконец, настоящая неудача задуманных ею козней.

К этому я прибавил, что ему должны быть известны миролюбивые чувства вашего величества, столь согласные со счастием и преуспеянием наших обеих стран, но притом также непоколебимое решение вашего величества, в случае необходимости, силою оружия защищать наши окраины и заступаться за законные наши интересы где бы то ни было.

Говоря с президентом о предстоящем моем проезде через Берлин и свидании моем с императором германским и князем Гогенлоэ, я не скрыл от него моего намерения выразить в Берлине мое убеждение о полнейшем миролюбии Франции и о желании ее поддерживать хорошие отношения к Германии. Г. Фор сказал мне, что это вполне соответствует истине. Ввиду полного соглашения взглядов моих со взглядами г-на Ганото, я заявил президенту, что мы условились, в случаях осо-

[1]) Так в подлиннике.

бенно важных, в наших взаимных сношениях, не прибегать даже к какому-либо посредничеству, а прямо частным образом переписываться между собою. Г. Фор, видимо, выслушал меня с полнейшим удовольствием.

Перед обедом, данным президентом в мою честь, генерал Турнье [1]) привез пожалованные мне знаки Почетного легиона 1-й степени, которые осмеливаюсь просить ваше императорское величество удостоить меня всемилостивейшим соизволением принять и носить [2]).

После обеда, на котором присутствовали все французское министерство и наше посольство в полном составе, устроен был прием, на который приглашено было около 1000 человек. Как во время обеда, так и после я имел случай разговаривать с председателем министерства Мелином и другими министрами, а в особенности с генералами Бильо и Буадеффр и адмиралом Жервэ [3]), вспоминавших с полнейшим восторгом о милостивом посещении вашими императорскими величествами Парижа и Франции.

На другое утро у меня сидел около получаса председатель министерства Мелин, который в тех же прочувствованных выражениях, как и президент республики, выразил мне глубокую благодарность вашему императорскому величеству французского правительства и народа за приказание мне посетить Париж. В то же утро, до завтрака, данного в мою честь г-ном Ганото, мы продолжали обмен мыслей о нынешнем политическом положении Европы. По сведениям французского министра иностранных дел, положение в Афганистане представляет самые серьезные опасения. Слухи ходят о смерти Абдурахмана, и, повидимому, Англия всеми силами старается заградить пропуск всем известиям из Афганистана [4]).

Что же касается Турции, то, по мнению г-на Ганото, не мешало бы нам уже теперь согласиться насчет общего нашего кандидата на турецкий престол, в случае могущего постигнуть несчастия нынешнего падишаха, дабы не дать англичанам возможность неожиданно возвести своего кандидата.

Относительно Египта г. Ганото, говоря об успехах наших над

---

[1]) Ген. Турнье — заведующий генеральным секретариатом военной канцелярии президента Феликса Фора.

[2]) Против этого абзаца помета Николая II: «Согласен».

[3]) Ген. Бильо — французский военный министр; ген. Буадеффр — начальник французского генерального штаба; адм. Жервэ — член комитета морской инспекции.

[4]) Слухи эти не подтвердились. Эмир Абдурахман, являвшийся проводником английского влияния в Афганистане, умер в 1901 г.

Англией по случаю решения международного суда [1], сказал мне, что Сен-Джемский кабинет, желая парализовать его, предлагает Египту, для пополнения сумм, взятых Англией для Донгольской экспедиции по Нижнему Нилу, занять у Англии эту сумму.

По мнению г-на Ганото, если бы этот план осуществился, Англия еще увеличила бы тем самым свое влияние на египетские дела, и деньги эти, косвенным образом, пошли бы все-таки в карман английских чиновников, а не были бы употреблены на благоустройство самой страны.

Нота, переданная графом Монтебелло графу Ламздорфу, основываясь на международных отношениях, показывает всю незаконность подобного займа со стороны Египта и предлагает нам протестовать вместе с Францией; нет сомнения, что все остальные державы примкнули бы к этому протесту.

Не будучи в состоянии дать положительного ответа по этому вопросу, я телеграфировал графу Ламздорфу.

По словам г-на Ганото, Италия, со времени падения Криспи [2], а в особенности в последнее время, ищет сближения с Францией и с нами, надеясь, что вашему императорскому величеству, может быть, благоугодно будет каким-либо знаком внимания, оказанным королю, поддержать пошатнувшееся благодаря абиссинским неудачам [3] достоинство Италии. С Францией — заключением торгового соглашения, откроющего Италии французский рынок и парижскую биржу.

Переговоры по этому соглашению откроются на-днях в Париже. Г. Ганото намерен поставить целью этого соглашения, столь желательного для Италии, обязательство со стороны Квиринала освободить французскую границу от находящихся ныне на ней итальянских войск.

Таким образом, участие Италии в Тройственном союзе сильно ослабится и станет почти номинальным.

Современем же г. Ганото намерен направить итальянские вожделения против Австрии, убедивши итальянское правительство в возможности осуществления древней политики Венецианской республики, т.-е. безграничное владение, за исключением Черногории, всеми берегами Адриатического моря.

---

[1]) Речь идет о решении международного суда от 2 декабря 1896 г. о возвращении египетским правительством 500 000 фунтов ст., отпущенных из средств египетского долга на покрытие расходов, связанных с Донгольской экспедицией. Это дело было возбуждено французским и русским представителями в Совете египетского долга.

[2]) Кабинет Криспи пал 4 марта 1896 г. и был заменен кабинетом Рудини 10 марта.

[3]) Разгром итальянских войск в Абиссинии в сражении при Адуе 1 марта 1896 г.

Перейдя к возможности решения участи, при разделе Турции, всех проливов Средиземного моря, г. Ганото обратил мое внимание на ту первостепенную важность, которую представляет для Франции порт Танжер; укрепив этот порт, Франция тем самым уничтожит всякое значение Гибралтара и окажется фактической владетельницей входа в Средиземное море. Ввиду этого, по его словам, было бы для Франции весьма желательно учреждение с нашей стороны постоянного представителя в Марокко, который мог бы своим влиянием облегчить задачу французского правительства.

Что касается моего предстоящего пребывания в Берлине, то я счел нужным сказать г-ну Ганото, что легко может быть, что император или князь Гогенлоэ спросят меня, полагаю ли я возможным, чтобы Франция вновь, как в китайском вопросе [1]), согласилась бы пойти рука в руку с Германией и с нами. Французский министр иностранных дел дал мне на это положительный ответ: «Мы можем пойти вместе с Германией только в одном случае, а именно, если мы этим можем добиться исполнения наших жизненных и самых важных интересов или подобных же ваших, как это было в китайском вопросе. В вопросах второстепенной важности подобный образ действий немыслим и невозможен, так как никакое правительство во Франции не продержалось бы и получасу и свергнуто было бы чувством полного и единодушного негодования всего французского народа. Прошу вас, ни под каким предлогом, не дать повода в Берлине подумать, что я это вам сказал, но вы можете передать это, как ваше личное впечатление; я оттого боюсь, чтобы слова мои были переданы в Берлине, что, зная характер императора Вильгельма, я опасаюсь с его стороны любезной выходки, на которую нам придется отозваться более чем холодно».

Я обещал г-ну Ганото поступить в Берлине согласно его желанию. Перед моим отъездом он еще раз заехал ко мне, проводил меня на железную дорогу и убедительно просил меня повлиять на С.-Петербургскую думу для предоставления французской компании постройки Троицкого моста, на основании условий, предложенных самою думою и принятых компанией, а теперь как будто изменяемых думою в убыток компании и вразрез первым условиям, по которым последовало соглашение с обеих сторон.

Г. Ганото также просил меня обратить особенное внимание нашего министерства финансов на ту громадную пользу в обоюдных отношениях наших сторон, которую принесло бы дарование некоторых льгот французской промышленности в Манчжурии и в Корее.

---

[1]) Совместное выступление России, Франции и Германии в Токио в апреле 1895 г. в связи с Симоносекским миром.

По просьбе президента республики, я еще раз в день отъезда был в Елисейском дворце.

Разговор наш имел тот же вполне дружеский характер и такой же откровенный, как накануне. Г. Фор объявил мне, что убежден, что благодаря моему приезду нынешнее французское министерство удержит свое положение. Он этому тем более рад, что Мелин, председатель министерства, сумел приобрести такое влияние в камере, что правительственное большинство увеличивается с каждым днем в палате, а что число социалистических провинциальных советов уменьшается весьма значительно — «и всем этим мы опять обязаны вашему государю; чуткий ум его понял, какую пользу принесет приезд ваш по его приказанию в Париж, и я прошу еще раз выразить его императорскому величеству мою благодарность и благодарность всей Франции за ваш приезд. Доложите государю императору, что он всегда может рассчитывать на чувство сердечной преданности со стороны всей французской нации и что политика наша относительно России никогда не изменится. Как ваш державный государь, так и я, прежде всего желаю мира, но знайте, что я ни на минуту не остановлюсь, если найду необходимым, во исполнение наших обязательств, на этом же столе подписать приказание о мобилизации, — это мое право, и в данную минуту я сумею им воспользоваться».

В ответ на заявление президента республики я сказал ему, что не могу довольно нахвалиться моими продолжительными беседами с г-м Ганото, что я нашел в нем искреннего патриота Франции и убежденного друга России, что мы обо всем говорили и условились о том, что, может быть, придется мне сказать о Франции в Берлине.

Что касается Англии, то я сказал г-ну Фору, что я счел полезным предупредить г-на Ганото, что не буду говорить откровенно против Англии в Берлине, так как считал бы это более чем опасным после моего проезда через Париж. Император и его советники могли бы подумать, что обмен мыслей в Париже положил основу коалиции против Англии. Ни в каком случае, по моему мнению, нельзя допустить возможности такого предположения, так как, если бы это был факт, то, несомненно, последствием этого факта было бы принуждение для Англии вступить в Тройственный союз из чувства самосохранения.

Подобное присоединение Англии, которого, может быть, постоянно желает Германия, ни в каком случае не совпадает ни с русскими, ни с французскими интересами. И потому я считал бы весьма уместным в единичных случаях не только вдвоем действовать против Англии, но даже пользоваться Германией, никак не давая повода предполагать, что сопротивление это входит в программу соглашения между Россией и Францией, а напротив, что сопротивление это — всякий

раз только естественное последствие политических условий данной минуты. Президент республики вполне согласился с моим мнением, видя, как и я, возможность опасности в сближении Англии с Германией.

Повергая всеподданнейший доклад этот на высочайшее воззрение вашего императорского величества, имею счастие присовокупить, что вынес самые утешительные впечатления из разговоров моих с управителями Франции и не сомневаюсь, что мы вполне можем на них положиться.

Всеподд. доклад министра иностр. дел М. Н. Муравьева [1]).

Выехав из Парижа 17 января, я на следующий день прибыл в Берлин, где у посла нашего графа Остен-Сакена я имел случай встретиться с канцлером князем Гогенлоэ и другими высшими чинами министерства.

На следующий день я имел совещания как с государственным канцлером, так и с статс-секретарем Маршаллем. Из слов обоих мне легко было вывести заключение, что во всех затруднениях на Востоке они обвиняют Англию и вероломство ее политики. Как тот, так и другой объявили мне, что одной Англии желательно возбудить европейскую войну, так как она одна нашла бы в этом свою выгоду, и что потому континентальные державы должны были бы сплотиться и действовать сообща против английских козней. Я ответил им, что, по моему мнению, хотя я и вполне соглашаюсь с их доводами, полагаю однако, что не следует дать понять великобританскому кабинету, что против него может составиться что-то вроде континентальной коалиции, что подобный образ действий мог бы привести Англию до крайних мер, которые далеко не желательны, но что в каждом отдельном вопросе, в котором интересы Англии противоположны интересам Европы, им следовало бы дружно противиться Великобритании.

Свидания мои с князем Гогенлоэ и бароном Маршаллем предшествовали аудиенции моей у императора. Я не дерзаю распространяться о них, так как все, что было нами сказано, еще ярче освещено разговором моим с императором Вильгельмом, принявшим меня на другой день в Киле.

Германский император, как и министры его величества, первым делом выставил на вид вероломство английской политики, сказав, что, судя по последним известиям, Англия, с целью расстроить единение, существующее между европейскими государствами против Турции, делает секретные нам предложения о разделе Турецкой империи.

На мой ответ, что эта новая интрига Англии мне неизвестна, император Вильгельм сказал мне, что если к этому мы когда-либо склонились, во что однако не верит, то просит нас честно дать знать ему, в чем состоят переговоры, дабы Германия не оказалась, после подобного раздела, с пустыми руками.

1) На подлиннике помета Николая Романова: «Отлично».

На мое заявление, что я всего более опасаюсь вызова английским послом эскадры в Дарданеллы в случае беспорядков в Константинополе, германский император сказал мне:

«По секретным моим сведениям, в Тайном королевском совете (Privy Council) неделю тому назад лорд Сольсбери спросил первого лорда адмиралтейства, может ли английская эскадра, по первому вызову посла, в случае избиения английского подданного или подданных в Константинополе, немедленно войти в Дарданеллы и встать перед Константинополем. На этот запрос первый лорд адмиралтейства спросил маркиза Сольсбери, знает ли он, что в этом случае приказано будет французской эскадре, и на отрицательный ответ лорда Сольсбери, первый лорд адмиралтейства сказал, что он никогда не допустит подобного вызова английских судов в Дарданеллы, так как они в настоящее время могли бы очутиться между двумя огнями, т.-е. вашим Черноморским флотом и французским — Средиземного моря».

«Впрочем, — прибавил император,—англичане и без того никогда не посмели бы этого сделать; суда без войска и десанта этого сделать не могут, а войска для сопротивления вам у англичан нет; прошло то время, когда за англичан дрались другие, а я удержу Австрию. Впрочем, англичане давно уже стараются поколебать наш союз с Веной и пользуются австрийской англоманией, чтобы добиться своей цели. Это им не удастся, и Голуховский, наконец, понял всю опасность английских козней; в отношении к вам я всегда честно и верно буду держаться обещаний, данных мною вашему государю. Если бы вам даже пришлось стянуть все ваши войска на Восток, преследуя политические, согласные с вашими интересами, цели, то я не только не нападу на Францию, но не допущу, чтобы кто-либо в Европе двинулся, — вот, что я понимаю под обещанием своим обеспечить ваш тыл». [1])

«Вы говорите мне, что вам сказали в Париже, что Франция желает поддерживать вполне правильные и даже учтивые (courtois) отношения, но как вы объясните постоянные нападки на нас французских газет?»

Я ответил его величеству:

«Французское правительство не имеет власти останавливать неумеренные выражения своей печати не только в отношении к вам, но относительно даже России, — это должно доказать вашему величеству бессилие французского правительства против своей печати. Что же касается возможности для Франции сообща итти вместе с Германией в каком-нибудь вопросе европейском, то я не счел возможным поставить подобный вопрос ни президенту республики, ни Ганото. Личное же мое впечатление, вынесенное мною из разговоров моих,

[1]) Против слов: «не только не нападу» помета Николая Романова: «Похвально».

следующее: народное настроение Франции относительно Германии ни в чем не изменилось. Если бы французское министерство явно пошло с Германией рука в руку в каком-нибудь вопросе, не имеющем для Франции первостепенного значения, то подобное министерство не продержалось бы и часу. Лишь в том случае, если самые жизненные интересы Франции могли бы совпасть с интересами Германии, такой образ действий французского правительства мог бы ему быть прощен нацией, и то, по моему крайнему разумению, если почин этого совместного действия Франции и Германии исходил от России.

Посредничество России и участие ее в таком общем действии одно дало бы возможность Франции итти с вами. Без посредничества нашего Германия, я убежден, не может и никогда не должна входить в прямые сношения с Францией. Относительно же наших отношений к Германии, то я не сомневаюсь, что наше правительство всегда изъявит готовность поддерживать ее интересы во всех тех случаях, когда интересы эти не противоположны интересам России и Франции».

Я счел нужным откровенно заявить императору германскому, что мы не можем упускать из виду интересов Франции, скрывать нашу тесную связь с нею мне кажется нечестным и невыгодным. Наши отношения к Франции служат противовесом Тройственному союзу, и их скрывать нет причины, по моему мнению.

Император Вильгельм немедленно ответил мне на это, что вашему императорскому величеству благоугодно было, в свое время, не отказать в мощном покровительстве России для приобретения им порта в Китае, что Германия в нем нуждается и в выборе этого порта прежде всего будет руководиться тою сферою влияния областного, которым мы заручились в Китае.

Я ответил, что не премину доложить вашему императорскому величеству об этих стремлениях Германии. Перейдя опять к отношениям Англии к континентальным державам, император обратил мое внимание на опасность, которую представляет для европейской промышленности возможное близкое соглашение между Соединенными Штатами Северной Америки и Англией. Запретительная система, имеющая своим главным покровителем нынешнего президента Мак-Кинлея, в соединении с беспощадною в торговом отношении Англиею, не только может повлиять пагубно на промышленность Европы, но современем окажется вместе с Америкой для всех, и для нас на Дальнем Востоке, столь же опасною. Потому желательно было бы уже ныне согласиться о тех мерах, которые следовало бы принять для ограждения от угрожающей опасности.

Я счел долгом на это ответить германскому императору, что наше

правительство, я не сомневаюсь, не откажется от обсуждения этого вопроса с остальными европейскими державами.

За завтраком, последовавшим после аудиенции, император сказал мне, что он желал бы, по случаю двадцатипятилетнего юбилея ношения им формы л.-гв. короля прусского Фридриха-Вильгельма полка, отправиться в Варшаву для собственноручной передачи полку лент на знамена. Что, в случае, если бы вашему императорскому величеству это показалось неудобным, так как вы сами еще не изволили осчастливить Варшаву своим пребыванием, то тогда вместо себя он пошлет подобающего военного представителя. О своей поездке в С.-Петербург император Вильгельм объявил мне, что он намерен в июле месяце совершить ее морским путем.

Все сказанное мною императору Вильгельму, а также князю Гогенлоэ и барону Маршаллю было уговорено мною с президентом Фором и г. Ганото, и то, что я передал под видом будто моих личных впечатлений, по тому же уговору было точным повторением их собственных слов. С своей стороны я только прибавил о необходимости обращаться к Франции не иначе как через наше посредничество. На это мое заявление барон Маршалль, верный своему юридическому прошлому, заметил и мне, что если мы пожелаем входить в какие-либо соглашения с Австро-Венгриею, то всегда должны бы обращаться к ней через посредничество Германии, всегда готовой склонить венский кабинет содействовать нам в вопросах, не противных интересам Германии.

Повергая на высочайшее вашего императорского величества воззрение сей всеподданнейший доклад мой, осмеливаюсь заключить, что предпринятая вследствие всемилостивейшего повеления вашего императорского величества поездка моя в Париж имела последствием полнейшее устранение каких-либо сомнений о возможности разногласий между нами и Францией, укрепление нынешнего французского министерства, полнейшее содействие Франции для поддержания спокойствия в Константинополе и возобновление самых положительных уверений Франции о поддержании всех политических наших интересов.

Поездка же в Берлин привела германское правительство к убеждению, что, несмотря на самую тесную нашу связь с Францией, отношения наши к Германии могут оставаться самыми дружелюбными, взамен чего император Вильгельм дал мне положительное уверение, что Австрия может рассчитывать на его помощь лишь в случае нашего вторжения в пределы ее нынешних владений.

Как во Франции, так и Германии я нашел одинаковую ненависть к Англии [1]), искреннее убеждение в двуличности и коварстве ее политики и решение всеми силами противодействовать ее интригам.

[1]) Против этих слов помета Николая Романова: «Важное сообщение».

Польша и южно-русская контрреволюция.

(Экономические взаимоотношения Польши с Деникиным и Врангелем.)

«Третье место по значению в судьбах противобольшевистского движения по справедливости принадлежит Польше»[1]). Такую оценку роли Польши мы находим у Деникина, который в деле борьбы с советской властью ставит Польшу сейчас же вслед за Англией и Францией. От позиции Польши и ее военных успехов много раз зависела судьба выполнения стратегических планов Деникина. Рассказывая о своем наступлении на Киев, Деникин пишет, что он имел в виду огромное значение соединения Добровольческой армии с польскими силами, наступающими к линии Днепра. «Это соединение выключало бы автоматически весь западный фронт и освобождало бы значительную часть сил киевской и новороссийской областей для действий в северном направлении. Наступление польских войск к Днепру отвлекло бы серьезные силы большевиков и обеспечило бы надежно с запада наши армии, идущие на Москву. Наконец, соединение с поляками открывало нам железнодорожные пути в Западную Европу, к центрам политического влияния и могущества, к источникам материального питания армии»[2]).

Еще больше надежд возлагал на Польшу преемник Деникина — Врангель. Самый факт затянувшейся на несколько месяцев жизни врангелевского «государства» в значительной степени был результатом существования на западе Советской республики польского фронта и резко увеличившейся весною 1920 г. активности польских войск.

И наоборот боевые действия войск Врангеля оказали Польше существеннейшую поддержку. Только усиление активности Врангеля в июле-августе дало Польше возможность избегнуть решающего поражения, так как привлекло значительные силы Красной армии к крымскому фронту, а в дальнейшем способствовало успеху нового польского вторжения в Белоруссию и на Волынь.

И все же ни Врангель, ни Деникин не могли похвастать дипломатическими успехами по части взаимоотношений с Польшей.

Несмотря на совершенно очевидные обоюдные о п е р а т и в н ы е выгоды создания объединенного антисоветского фронта на юге, юго-востоке и на западе, п о л и т и ч е с к и е интересы разъединяли Польшу и правительства южно-русской контрреволюции.

Южная контрреволюция и деникинского и врангелевского периодов была парав-

[1]) Деникин, «Очерки русской смуты», т. V, стр. 193.
[2]) Там же, стр. 195.

не с колчаковщиной наиболее солидным оплотом идеи восстановления «единой и неделимой России». Колчак, Деникин, Врангель — все они неохотно высказывались по вопросу о признании независимости Польши и особенно об ее границах. Типична в этом отношении позиция Колчака. В ответ на обращение Верховного совета союзников Колчак в свое время (4 июля 1919 г.) заявлял о том, что он готов подтвердить независимость Польши, объявленную Временным правительством в 1917 г., но вопрос о границах Польши считает нужным «отложить до Учредительного собрания».

Неудивительно, что Польша очень ревниво следила за временными успехами белых армий, в особенности, когда эти успехи распространялись в западном направлении. Польша стремилась не к усилению своего восточного соседа, а к его максимальному ослаблению и, по возможности, и к его расчленению. Буржуазной Польше была страшна могущественная пролетарская советская республика, но, хотя, конечно, и в гораздо меньшей степени, а все же очень неприятной была бы и реставрация «единой и неделимой России».

Поэтому прав был в данном случае Деникин, когда он по поводу позиции Польши писал, что ей выгодно, когда «мы бьем большевиков, а они бьют нас»[1]).

Итак политические устремления главного командования «Вооруженных сил юга России» и польского правительства были противоречивы. Однако соображения оперативного характера и давление со стороны Франции, которой было выгодно соглашение Польши и южно-русской контрреволюции, заставляли польское правительство и Деникина (позже Врангеля) предпринимать целый ряд шагов к установлению «нормальных и дружественных дипломатических взаимоотношений».

По словам Деникина, с начала 1919 г. при главном командовании Вооруженными силами на юге России состоял представитель «Польского Национального комитета», граф Бем де-Косбан. Это, очевидно, не было официальным представительством польского правительства, и только в сентябре 1919 г. впервые прибыла военная миссия, возглавленная бывшим генералом русской службы Карницким, и экономическая миссия, во главе с польским министром торговли и промышленности Ивановским.

Переговоры с прибывшими делегациями развивались туго. Деникин передает любопытное заявление начальника штаба польской военной миссии, майора Пшедзецкого, сделанное им в разговоре с полковником Нолькеном [2]). Пораженный торжественным и официально дружественным приемом, оказанным в Таганроге польским делегациям, Пшедзецкий заметил, что поляков ошибочно считают за союзников и что для этого нет ровно никаких оснований.

Это заявление Пшедзецкого хотя и было дезавуировано начальником польской миссии, но Деникин с подчеркнутым раздражением утверждает, что заявление Пшедзецкого вполне правильно отражало позицию Польши. В изложении Деникина выходит, что приезд польских делегаций не принес реальных результатов и что никаких соглашений с Польшей заключено не было.

---

[1]) Деникин, «Очерки русской смуты», т. V, стр. 193.

[2]) Штаб-офицер, заведывал связью главного командования ВСЮР с иностранными миссиями. (Деникин, «Очерки русской смуты», т. V, стр. 175.)

Сейчас мы увидим, что это последнее утверждение Деникина о полной безрезультатности переговоров с Польшей и об отсутствии каких бы то ни было соглашений с нею не совсем соответствует действительности. Но Деникину оно нужно для определенных политических целей. Он и после всех своих поражений, проживая в эмиграции на английских хлебах и занимаясь писанием многотомных мемуаров, стремился доказать, что для него всегда превыше всего была идея воссоздания «единой и неделимой России», что, во имя чистоты этого принципа, он не шел ни на какие компромиссы и что, несмотря на всю важность координирования действий с Польшей, во время переговоров с нею он не поступился этими принципами.

Гордо демонстрируя свои «чистые ризы», Деникин передергивает, утверждая, что никаких соглашений у него с Польшей не было.

Обходит молчанием этот щекотливый вопрос о соглашениях с Польшей и Врангель. Это особенно стоит отметить, так как Врангель вообще был гораздо менее «принципиален», чем Деникин. Он еще до своего прихода к власти, находясь в подчинении у Деникина и вместе с тем в оппозиции к нему, козырял критикой «не гибкой политики Деникина, не умеющей находить себе союзников для осуществления основной и важнейшей задачи — для борьбы с большевиками». Придя к власти, Врангель своим девизом избрал правило: «хоть с чортом, но против большевиков!» И все же о взаимоотношениях с Польшей и он в своих мемуарах многого недоговаривает.

Не словоохотливее на сей счет и сами поляки. В обширной и шумливой юбилейно-патриотической литературе по случаю десятилетия «чуда на Висле» вопрос о взаимоотношениях с южно-русской контрреволюцией совсем смазан. О каких-либо соглашениях дипломатического характера между Польшей, с одной стороны, и Врангелем и Деникиным, с другой, нет и речи, и даже вопрос о чисто военном координировании боевых операций всячески затушевывается в стремлении свести к нулю роль вооруженных сил южно-русской контрреволюции и ее помощь, оказанную Польше.

Перед историком, приступающим к анализу таких «показаний» свидетелей, возникает трудная, но очень важная задача выяснить, какова же была подлинная картина взаимоотношений Польши и южно-русской контрреволюции и в какой степени противоречия, подлинно между ними существовавшие, парализовали установление единого фронта. Эта задача особенно важна потому, что и наши советские практические военные и политические работники в свое время зачастую переоценивали значение противоречий между Польшей и южно-русской контрреволюцией, и в частности Врангелем, считая, что в данном случае нашим врагам не удастся спеться и что с ними легко будет справиться, разбивая их по-одиночке.

Но опасность переоценки противоречий в лагере контрреволюции неоднократно указывал Ленин. Каждый раз, как он касался вопроса о причинах наших побед над огромными силами контрреволюции, он указывал, что одной из важнейших причин этих побед следует считать противоречия в стане наших врагов. Но Ленин никогда не упускал случая подчеркнуть, что, как ни велики эти противоречия, они в любой момент могут отойти на задний план, и пред лицом революционной опасности империалисты и контрреволюционеры всех мастей смогут найти общий язык.

В частности применительно к взаимоотношениям Польши и Врангеля та же мысль со всею определенностью была высказана и т. Сталиным, который в июле 1920 г. предостерегал от переоценки противоречий между Польшей и Врангелем. Вот что он говорил по этому поводу: «Не следует утешать себя надеждой о том, что Врангель не споется с поляками: Врангель уже спелся с ними и действует заодно с ними... Пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панами обеспеченной»[1]).

И действительно, как справедливо замечает историк взаимоотношений Польши и Врангеля: «Действия Врангеля с июня по октябрь 1920 г. настолько тесно переплетены с операциями поляков, что, несмотря на трения и противоречия между ними, вырисовывается отчетливая картина единого наступления обеих сил внутренней и внешней контрреволюции» [2]).

Цитированная только что статья т. Будкевича, к сожалению, — сравнительно редкое исключение. В целом задача выяснения полной картины взаимоотношений Польши и южно-русской контрреволюции нашей советской марксистской исторической литературой далеко еще не разрешена. Мы даже не освоили еще как следует имеющихся в нашем распоряжении документальных архивных материалов для того, чтобы воспроизвести по возможности полную картину фактического положения вещей. Мы не всегда правильно оцениваем реальную степень координированности действий Польши и южно-русской контрреволюции и зачастую переоцениваем последствия противоречий, которые между ними действительно существовали, но которые все же на самом деле далеко не устраняли возможности совместных действий. Взять хотя бы факт, нас сейчас непосредственно интересующий — вопрос о наличии экономического соглашения между Польшей и южно-русскими контрреволюционными правительствами Деникина и Врангеля.

Было ли такое экономическое соглашение или нет? Определенного ответа на этот вопрос мы в нашей советской исторической литературе не находим. Один из наших авторов, давший наиболее обстоятельную монографию о деникинщине и подробнее других останавливающийся на взаимоотношениях Деникина и Польши, касается истории экономических переговоров между ними и, резюмируя свои соображения по этому поводу, ограничивается указанием, что «в материалах Особого совещания, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции, нет данных о том, был ли договор заключен» [3]).

Этот частный вопрос получает, наконец, окончательное разрешение. Нам удалось в Архиве Октябрьской Революции найти документы, доказывающие факт существования форменного торгового соглашения между Деникиным и Польшей. Это «Временное соглашение на предмет товарообмена между главным командованием Вооруженными силами

---

[1]) Беседа с т. Сталиным о положении на фронте, «Правда», № 151, от 11 июля 1920 г.

[2]) Будкевич, «Врангель и Польша». (Сборник «Разгром Врангеля», под ред. А. Гуковского, В. Малаховского и В. Меликова. М. 1930, стр. 41).

[3]) Д. Кин, «Деникинщина», стр. 255.

на юге России и правительством Польской республики» было заключено 13 сентября 1919 г. Дальнейшие торговые операции между территориями, занятыми Вооруженными силами юга России и Польшей, производились на основании этого «соглашения», причем и позже, в период Врангеля, это «соглашение» служило основанием (во всяком случае — первое время) экономических взаимоотношений Польши и врангелевского «государства».

Как явствует из текста «соглашения», в его основу был положен принцип обоюдного «наибольшего благоприятствования» (ст. 7). Оно предусматривало также освобождение ввозимых и вывозимых товаров «от каких бы то ни было реквизиций, специальных сборов и обложений» (ст. 8). Соглашение предусматривало далее контингент товаров: из Польши подлежали вывозу «материалы и орудия производства и фабрикаты», с территории «юга России предметы продовольствия и сырые материалы». Далее было оговорено, что вывоз должен совершаться на основании особых «разрешительных свидетельств». Особый пункт касался предоставления тоннажа и подвижного состава. Наконец, «соглашение» предусматривало процедуру рассмотрения споров, возникающих в связи с невыполнением сторонами условий соглашения, причем суперарбитром третейского суда намечалась Бельгия [1]).

Мы публикуем далее выписку из заседания «Особого совещания» при Деникине от 20 сентября 1919 г. по вопросу о заключении торгового договора и докладную записку В. Гефдинга, приложенную к этому протоколу. Так как дата этого протокола — 20 сентября, а упомянутое «Временное соглашение» имеет дату 13 сентября, то приходится допустить, что переговоры о торговом договоре велись п о с л е заключения «Временного соглашения». С другой стороны, поскольку впоследствии ссылки делались не на д о г о в о р, а на «Временное соглашение», то, очевидно, это последнее не потеряло силы, а значит, и какой-либо новый договор взамен «соглашения» заключен не был.

На основании «Временного соглашения» польскими экспортерами только за время с 1 января по 7 марта (т. е. всего за два месяца) было вывезено из Новороссийска (это был главный пункт вывоза, но, вероятно, не единственный) различных товаров на сумму около 300 000 английских фунтов. Впоследствии (уже при Врангеле) размеры экспорта не уменьшились, а скорее увеличились, но, к сожалению, итоговых точных цифр воспроизводимые нами документы для этого периода уже не дают.

Переводя приведенные цифры на средние годовые итоги, вывоз в Польшу приходится расценивать примерно в сумме 18 миллионов рублей золотом, что при ограниченности территории, захваченной Вооруженными силами юга России, должно быть признано как показатель чрезвычайно интенсивной выкачки ценного сырья.

Таким образом, некоторые политические трения Польши с южно-русскими контрреволюционными правительствами не мешали Польше очень бойко с ними торговать, и эта торговля, надо заметить, была для Польши далеко не безвыгодной.

---

[1]) Это не случайная деталь «соглашения». Бельгия выдвигалась в качестве председателя третейского суда совсем не как незаинтересованная сторона. На самом деле Польша была в значительной степени лишь агентом Бельгии, действующим на юге России на капиталы, вложенные Бельгией.

Достаточно сказать, что значительная часть товаров была вывезена без валютных отчислений даже и после того, как правилами 9 декабря 1919 г. Деникин установил со всех экспортеров обязательные отчисления в валюте «на нужды обороны». Вопрос о том, следует ли взимать с польских экспортеров эти отчисления, служил предметом специальных переговоров между сторонами и длительной ведомственной переписки врангелевских «министров».

В конце концов, стороны пришли к полюбовному соглашению. По старым разрешительным свидетельствам на вывоз, не использованным польской миссией, был разрешен льготный вывоз, причем к начальнику польской специальной миссии Ф. Скомпскому была обращена просьба «в дальнейшем... не настаивать на предоставлении польским гражданам особых льгот по вывозу в Польшу товаров из территории, занятой Вооруженными силами юга России, принимая во внимание исключительное политическое положение, чрезвычайное сокращение означенной территории и ограниченность запасов сырья на ней». На эту просьбу Скомпский милостиво ответил, что, «почитая своим долгом не настаивать на осуществлении своего права ввиду переживаемых русским правительством затруднений по выполнению лежащих на нем обязательств, я тем не менее обязуюсь заявить, что с того момента, когда эти затруднения будут устранены, лежащие на нем обязательства, подтвержденные разрешительными свидетельствами на экспорт разных товаров, должны вступить в силу».

Из других вопросов, освещенных публикуемыми нами документами, укажем на исключительное внимание и подозрительность, с какою у Врангеля следили за развитием польско-украинских отношений. Стремление парализовать развитие этих отношений являлось между прочим основным мотивом в доказательствах необходимости учреждения в Варшаве особого торгового агентства.

Ал. Гуковский.

Временное соглашение на предмет товарообмена между главным командованием Вооруженными силами на юге России и правительством Польской республики [1]).

Между начальниками управления торговли и промышленности иностранных дел при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России, с одной стороны, и начальником польской экономической миссии, действующей по полномочию правительства Польской республики, с другой, заключен настоящий договор в нижеследующем:

1) Обе договаривающиеся стороны разрешают как учреждениям, так и отдельным лицам вывоз и ввоз товаров из пределов своих территорий на началах товарообмена.

[1]) Воспроизводимый здесь экземпляр текста «Временного соглашения» не имеет даты, но из сопоставления его содержания с публикуемыми далее документами видно, что это и есть то «Временное соглашение», которое было заключено 13 сентября 1919 года.

Для использования права, предоставляемого настоящим договором, учреждения и лица должны получать у своего правительства соответствующие разрешительные свидетельства.

2) Предметами товарообмена со стороны Польши являются материалы и орудия производства и фабрикаты; со стороны юга России — предметы продовольствия и сырые материалы.

Ввозу из России в Польшу и из Польши в Россию не подлежат материалы, запрещенные к ввозу действующими законодательствами обоих договаривающихся сторон или законами, которые могут быть впоследствии ими изданы.

3) Разрешения на вывоз товаров даются подлежащими органами соответствующих правительств.

При выдаче разрешений на вывоз и ввоз товаров эквивалентные количества товаров с той и другой стороны определяются, по мере возможности, по ценам английского рынка.

4) Управление торговли и промышленности предоставляет тоннаж для перевозки товаров, служащих предметом товарообмена между русскими портами Черного и Азовского морей и Галацем и Браиловым, а также по возможности между черноморскими и азовскими портами, с одной стороны, и Гданском [1]), с другой. Главным образом правительственные органы при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России обеспечивают железнодорожный транспорт согласно общего нормального тарифа между портами и местами отправления и назначения товаров.

Со своей стороны польское правительство принимает на себя обязанность предоставления железнодорожного транспорта для тех же материалов и товаров от и до портов Галаца, Браилова и Гданска.

Обе договаривающиеся стороны оказывают всякое содействие и помощь к получению подвижного состава. Договаривающиеся стороны заключают особое соглашение о сопровождении грузов вооруженной охраной.

Действие п. п. 1 и 3 сей статьи распространяется на все товары, идущие в обоих направлениях из и во все части территории юга России.

5) Обе стороны обязываются взаимно оказывать всемерное содействие при организации товарообмена и взаимных рассчетов, в частности в пунктах приема и сдачи товаров.

6) Все вопросы, касающиеся транспорта, транзита, разгрузки, нагрузки и т. п. товаров на территории Румынии, остаются на попечении польского правительства.

7) Обе стороны обязуются применять к ввозимым и вывозимым товарам нормальные таможенные и иные сборы, установленные в дан-

[1]) Данцигом.— *Ред.*

ной стране, принимая в основу принцип наибольшего благоприятствования.

8) Все товары, ввозимые и вывозимые на основании настоящего соглашения, свободны от каких бы то ни было реквизиций, специальных сборов и обложений.

9) Если одна из договаривающихся сторон не выполняет условий настоящего соглашения, другая имеет право прекратить подвоз товаров, уведомляя о том другую сторону.

10) Все вопросы, касающиеся выполнения настоящего соглашения, разрешаются между управлением торговли и промышленности при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России и министерством торговли и промышленности Польской республики.

11) Обе договаривающиеся стороны устанавливают по мере надобности правила по выполнению настоящего соглашения.

12) Для разрешения спорных вопросов, если таковые возникнут между договаривающимися сторонами вследствие невыполнения условий сего соглашения и не будут разрешены по взаимному соглашению, обе стороны соглашаются прибегнуть к третейскому суду. В состав третейского суда каждая сторона назначает одного члена суда. Председателя суда выбирают члены суда по соглашению.

При невозможности достигнуть соглашения в выборе председателя суда обе стороны соглашаются предоставить назначение такового бельгийскому правительству.

13) Обе договаривающиеся стороны соглашаются, чтобы возможные споры между экспортерами и импортерами с обоих сторон, каковые могут возникнуть на почве заключаемых ими торговых договоров, разрешались третейским судом, избранным для торговых споров. В состав третейского суда каждая спорящая сторона назначает одного члена суда. Председателя суда выбирают члены суда по соглашению. При невозможности достигнуть соглашения в выборе председателя суда назначение такового предоставляется бельгийскому министерству торговли. Приговоры этих судов правительства обоих сторон будут считать для себя обязательными и предоставят свою помощь к их выполнению.

14) Настоящее соглашение составлено в двух экземплярах на французском языке.

15) Настоящее соглашение вступает в силу в полном объеме после утверждения такового главнокомандующим Вооруженными силами на юге России, с одной стороны и правительством Польской республики, с другой.

16) Настоящее соглашение может быть расторгнуто по желанию каждой из договаривающихся сторон с тем, чтобы другая сторона была

о том предупреждена не менее как за три месяца до срока прекращения его действия.

С подлинным верно [подпись].

С копией верно. За делопроизводителя [подпись].

Журнал особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России.

Заседание 20 сентября 1919 года.

№ 96.

Слушали:

. . . . . .

4) Доклад начальника управления торговли и промышленности по содержанию проекта торгового договора с Польшей.

Постановили:

. . . . . .

4) I. Поручить начальнику управления торговли и промышленности указать членам Польской экономической миссии, что торговый договор с Польшей может быть заключен только на следующих, среди прочих, условиях:

1) Сырье предоставляется Польше в обмен на товары лишь на общих и равных с прочими, имеющими торговые сношения с Россией, государствами основаниях, и

2) Отдельные торговые сделки заключаются Польшей исключительно через управления, состоящие при главнокомандующем, без соблюдения какового условия пропуск закупленных на юге России товаров через местности, находящиеся под управлением главнокомандующего, допущен не будет.

II. Уполномочить начальника управления торговли и промышленности, в случае заключения упомянутого в отделе I договора, подписать таковой совместно с начальником управления иностранных дел.

О заключении торгового договора с Польшей.

В настоящее время переговоры с Польской экономической миссией приходят к концу. В нескольких заседаниях выработан прилагаемый к сему проект временного соглашения по товарообмену. Редакция согласована с замечаниями юрисконсульта управления иностранных дел.

До установления окончательного текста и подписания договора управлению необходимо иметь руководящие указания по следующим вопросам. 1) По § 3: можем ли мы согласиться на контингент, устанав-

ливаемый на непродолжительные сроки по особому каждый раз соглашению? (см. редакцию в варианте — *а*) или же должны ограничиться тем, что предусматриваем возможность установления таких контингентов, при условии, что будет образован нотариум русских торговых объединений (см. редакцию в варианте — *б* — окончательном)? или же должны исключить всякое упоминание о контингентах, выдавая разрешения по каждому отдельному случаю?

Полагаю, что вторая редакция для нас приемлема. Она дает нам оружие, с помощью которого мы можем заставить поляков признать наше объединение, которое будет располагать фактической монополией и предупредит захват всей торговли — как ввозной, так и вывозной — поляками.

Как видно из прилагаемого заявления, наиболее крупные группы согласились образовать синдикат. Представитель «Центросоюза» заявил мне о своем присоединении к этому соглашению.

2) По п. 4, последний абзац. Поляки настаивают на свободе транспорта через территорию Добровольческой армии из Кубани и Дона. Можем ли на это согласиться? [1])

3) Кто должен подписывать договор — один ли начальник управления торговли и промышленности или еще кто-либо? Полномочия Польской миссии (при сем прилагаемые) подписаны министром иностранных дел и министром торговли [2]).

Согласно §... [3]) договор, до вступления в силу, должен быть утвержден главнокомандующим и главой Польской республики.

В. Гефдинг.

Доклад начальника отдела торговли управления снабжений ... апреля 1920 г. № [4]).

Г. Скомпским возбуждается ходатайство о разрешении вывоза из Крыма в Польшу до 20 000 пудов табака и 15 000 шерсти без валютного отчисления. Ходатайство это мотивируется ссылкой на ст. ст. 7 и 8 временного соглашения от 13 сентярбя 1919 г. на предмет товарообмена между главным командованием Вооруженными силами на юге России и правительством Польской республики. Означенные статьи редактированы в следующих выражениях: (ст. 7) «обе стороны обязу-

---

[1]) На поле помета: «Признать недопустимым отд. соглашен. Польши с Доном и Куб. В случае совершения таковых, транспорт закрыть».

[2]) На поле помета: «Внести оконч. редакц. в ос. сов. по согл. у. и. д. и у. т. и п.».

[3]) В подлиннике пропуск.

[4]) Воспроизводится с отпуска, на котором дата и номер отсутствуют.

ются применять к ввозимым и вывозимым товарам нормальные таможенные и иные сборы, установленные в данной стране, принимая в основу принцип наибольшего благоприятствования»; (ст. 8) «все товары, ввозимые и вывозимые на основании настоящего соглашения, свободны от каких бы то ни было реквизиций, специальных сборов и обложений».

Основанием же для взимания с экспортеров валютного отчисления является ст. 2 утвержденных 9 декабря 1919 года председателем комиссии по обороне временных правил о вывозе за границу товаров с территории главного командования Вооруженными силами на юге России.

Означенная статья 2 правил редактирована так: «Лица, получившие разрешительные свидетельства на вывоз (экспортеры), вносят для нужд обороны особое отчисление в иностранной валюте, в размерах, определяемых, с утверждения комиссии по обороне, междуведомственной экспортной комиссией и публикуемых во всеобщее сведение».

Из сопоставления вышеуказанных статей явствует, с юридической точки зрения, неприменимость валютного отчисления с товаров, ввозимых в Польшу, тем более, что правила о валютном отчислении не являются даже нормальным законом, так как силу закона имели в декабре 1919 года постановления особого совещания, утвержденные главнокомандующим.

Тем не менее правительственные учреждения главного командования освободили от валютного отчисления только такую часть вывозимых в Польшу русских товаров, какая по стоимости была равна стоимости ввезенных на юг России для правительственных учреждений польских товаров.

Соответствующие разрешительные свидетельства были выданы Польской экономической миссии в Ростове и Новороссийске, но использованы были ею в незначительной части.

В настоящее время г. Скомпский просит разрешить ему вывоз шерсти и табаку в счет неиспользованных разрешительных свидетельств, срок действительности которых истек 7 мая [1]) с. г., причем он согласен, ввиду отсутствия этих свидетельств, увезенных при эвакуации из

---

[1]) Как явствует из приложенных к данному документу разрешительных свидетельств, срок коих истекал в м а р т е 1920 г., здесь, видимо, описка: следует читать не «мая», а «марта». Разрешительные свидетельства были даны на погрузку и отправку из портов Черного и Азовского морей в Польшу, в адрес Польской экономической миссии, 50 000 пуд. пшеницы, 200 000 пуд. пшеницы, 25 000 пуд. грязной испанской шерсти, 25 000 пуд. листового табаку, 3 500 пуд. щетины, 55 000 пуд. разного железа, 10 620 пуд. жмыхов, 3 500 пуд. конского волоса, 12 000 пуд. обрезков портняжских и 30 000 пуд. овчин.

Новороссийска в Константинополь, дать письменную гарантию его как дипломатического представителя в том, что, если им будет вывезен по стоимости излишек сверх стоимости и разрешенных к вывозу без валютного отчисления товаров, то соответствующее валютное отчисление от этого излишка будет внесено в Варшаве.

Увезенные же в Константинополь разрешительные свидетельства он согласен по получении здесь новых разрешительных свидетельств аннулировать, на что он по своим полномочиям имеет право.

Взносу валютных отчислений в Варшаве препятствует отсутствие там русского торгового агента, назначение коего крайне необходимо как вследствие отправки в Польшу товаров в адрес торгового агента для взаимания валютного отчисления, так и потому, что смещенный с должности уполномоченного в Варшаве управления торговли и промышленности г. Рейтлингер спешно выехал за границу, не возвратив своих документов и не сдав находящейся у него валюты на проезд и на содержание втечение 3 месяцев.

Со дня же его назначения (15 декабря 1919 года) он побывал лишь в Константинополе, откуда в конце марта с. г. возвратился в Крым по делам, не имеющим никакого отношения к его должности.

Общая справка о русско-польских торговых сношениях при сем прилагается [1]).

Начальник отдела торговли... [2])

Журнал совещания для обсуждения некоторых ходатайств о вывозе товаров заграницу.

Заседание 10 апреля 1920 г.

Состав совещания:

Председатель начальник управления снабжений генерального штаба генерал-майор Вильчевский.

Члены:

Начальник управления иностранных сношений П. Б. Струве.

Государственный контролер А. А. Васильев.

Главный интендант полковник Хитрин.

Начальник отдела продовольствия отдела снабжения А. С. Салазкин.

Начальник отдела торговли управления снабжений В. В. Кудрявцев.

Присутствовали по особому приглашению:

И. о. юрисконсульта отдела торговли Н. Р. Родионов.

---

[1]) «Справки» в делах не сохранилось.

[2]) Подпись отсутствует.

Наблюдающий по выполнению торговой операции фирмы «Росковит» по поручению генерал-лейтенанта Томилова генерального штаба полковник И з е р г и н.

С л у ш а л и:

Доклад начальника отдела торговли о поступивших ходатайствах:

а) Дипломатического и консульского представителя Польской республики при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России г. Скомпского о разрешении вывоза из Крыма в Польшу до 20 000 пудов табака и 15 000 пудов шерсти без валютного отчисления. В подтверждение своего ходатайства г. Скомпский ссылается на ст. ст. 7 и 8 временного соглашения от 13 сентября 1919 года на предмет товарообмена между главным командованием Вооруженными силами на юге России и правительством Польской Республики, согласно коим обе стороны обязуются применять к вывозимым и ввозимым товарам нормальные таможенные и иные сборы, установленные в данной стране, принимая в основу принцип наибольшего благоприятствования (ст. 7), и оставлять свободными от каких бы то ни было реквизиций, специальных сборов и обложений все товары, ввозимые на основании упомянутого соглашения (ст. 8). Согласно выданным в Ростове и Новороссийске Польской экономической миссии разрешительным свидетельствам, правительственными учреждениями главного командования Вооруженными силами на юге России было разрешено освободить от валютного отчисления только такую часть вывозимых в Польшу русских товаров, какая по стоимости была равна цене ввезенных на юг России для правительственных учреждений польских товаров. Указывая, что означенные разрешительные свидетельства были использованы Польской экономической миссией лишь в незначительной части, г. Скомпский просит разрешить ему вывоз шерсти и табака в счет неиспользованных разрешительных свидетельств, срок действительности коих истекает 7 мая с. г., с обязательством внесения в Варшаве соответствующего валютного отчисления в случае, если им будет вывезен по стоимости излишек сверх цены разрешенных к вывозу без валютного отчисления товаров.

б) Польского консульского агента В. А. Тышко и французского консула в Феодосии Лефевра о разрешении польским и французским беженцам вывезти за границу грузы табака и шерсти.

в) Указание государственного контролера, что наряду с разрешительными свидетельствами, выданными польской миссии, есть еще ряд других разрешений на вывоз с территории Вооруженных сил юга России сырья. При чрезвычайном сокращении этой территории

осуществить вывоз сырья в таких размерах не представляется возможным. По этому А. А. Васильев, имея ввиду обстоятельства, указанные в ст. ст. 217 и 218 положения о казенных торгах и поставках (свод зак. т. X, ч. 2), полагал бы необходимым выпуск товаров по таким разрешительным свидетельствам приостановить.

Указание начальника управления иностранных сношений, что, с точки зрения правовой, настоящее ходатайство удовлетворено быть не может; ст. ст. 7 и 8 не могут при правильном толковании их служить основанием для притязаний на вывоз без отчислений тем более, что ст. 8 относится только к ввозу, а недопустимость ограничений или обложений вывоза, если они имеют общее применение, в торговых договорах специально оговаривается. Кроме того разрешительные свидетельства были выданы в то время, когда войсками армии занималась обширная территория, вывоз из которой больших количеств сырья мог быть легко осуществлен. В настоящее время мы поставлены в весьма тяжелые условия, имея самые ограниченные запасы сырья. Поэтому действие прежних разрешительных свидетельств должно быть приостановлено до тех пор, пока территория, занятая Вооруженными силами юга России не будет расширена. Далее П. Б. Струве, имея ввиду существующие между главным командованием и правительством Польской республики отношения, указал на практическую необходимость притти на помощь польским гражданам путем облегчения получения перевозочных средств, удешевления издержек транспорта и т. д.

П о с т а н о в и л и:

Принимая во внимание исключительное политическое положение, чрезвычайное сокращение территории, занятой Вооруженными силами на юге России, при ограниченности запасов сырья на этой территории, действие прежде выданных разрешений на вывоз за границу грузов приостановить, оставляя открытым вопрос о возобновлении действий таких разрешений в случае расширения занятой Вооруженными силами на юге России территории.

Разрешить дипломатическому консульскому представителю Польской республики г. Скомпскому вывезти из Крыма в Польшу 20 000 пудов табака и 15 000 пудов шерсти на общем основании, с производством валютного отчисления и обязательством обратного ввоза.

Разрешить указанным в ходатайствах польского консульского агента В. А. Тышко и французского консула Лефевра польским и французским гражданам, уезжающим на родину, вывезти с собой, кроме багажа, до 20 пудов упомянутых в ходатайствах товаров на каждую семью.

Принять меры к облегчению и удешевлению транспорта для выезжающих на родину польских граждан.

Председатель генерал-майор Вильчевский.

Члены: П. Струве. В. Кудрявцев. А Васильев. Полковник Хитрин. А. Салазкин.

Скрепил и. об. секретаря Ал. Крылов.

С подлинным верно. За начальника отделения Крылов.

Отношение начальника упр. снабжений ген.-лейт. Вильчевского на имя начальника польской спец. миссии на юге России Ф. Скомпского от 28 апреля 1920 г. № 966/т.

Копия.

Его превосходительству господину начальнику специальной миссии Польского государства в южной России.

Вследствие получения мною вашего письма от 22 сего апреля за № 303 [1]) имею честь сообщить вам, что разрешительные свидетельства на вывоз в Польшу из Крыма двадцати двух тысяч пудов табака и четырех тысяч пятисот пудов обрезков портняжеских мною будут выданы на имя специальной миссии немедленно по принятии вами следующих условий:

1. При передаче вышеуказанных разрешительных свидетельств польским экспортерам специальная миссия принимает на себя от имени польского правительства всю ответственность в случае нарушения этой передачей прав находившейся в Ростове и Новороссийске польской экономической миссии и польских импортеров, совершивших ввоз польских товаров на территорию главного командования Вооруженными силами на юге России.

2. Разрешительные свидетельства на вывоз в Польшу товаров, выданные в Ростове и Новороссийске управлением торговли и промышленности при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России польской экономической миссии без обязательств валютного отчисления и обратного ввоза, специальная миссия признает потерявшими силу в отношении такого количества товаров, какое по ценам лондонского рынка соответствует стоимости ныне разрешаемых к вывозу двадцати двух тысяч пудов крымского листового табака и четырех тысяч пятисот пудов обрезков портняжеских.

3. При предъявлении требований правительственными учреждениями главного командования Вооруженными силами на юге России польским гражданам об исполнении принятых ими на себя перед озна-

[1]) Это письмо в деле не сохранилось.

ченными учреждениями обязательств по ввозу и по поставкам иностранных товаров и по взносу валютного отчисления в установленном в каждом отдельном случае размере с товаров, вывезенных в Польшу из территории, находившейся и находящейся под властью главного командования, специальная миссия принимает на себя оказание всемерного содействия вышеуказанным правительственным учреждениям и их представителям в Польше, а также торговому агенту в Варшаве управления снабжений Вооруженными силами на юге России, через правительственные учреждения Польской республики.

4. Специальная миссия вносит в установленном размере по получаемым разрешительным свидетельствам регистрационный сбор и указывает адресатов вывозимого товара в пункте передачи его на сухопутный транспорт, причем адрес должен быть совместный — представителя специальной миссии или Польского правительства и экспортера.

В дальнейшем имею честь просить вас не настаивать на предоставлении польским гражданам особых льгот по вывозу в Польшу товаров из территории, занятой Вооруженными силами на юге России, принимая во внимание исключительное политическое положение, чрезвычайное сокращение означенной территории и ограниченность запасов сырья на ней.

Генерального штаба генерал-лейтенант В и л ь ч е в с к и й.

С подлинным верно. За начальника отдела торговли и управления снабжений при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России Р о д и о н о в.

Отношение начальника польской спец. миссии на юге России Ф. Скомпского на имя начальника упр. снабжений ген.-лейт. Вильчевского от 29 апреля 1920 г. № 310.

С е в а с т о п о л ь. 12 м а я (29 а п р е л я) 1920 г.

Его превосходительству господину начальнику снабжений при главнокомандующем Вооруженными силами юга России.

Вследствие отношения вашего от 28 апреля с. г. за № 966 имею честь сообщить, что поставленные вами условия в п. п. 1 и 4 замечаний с моей стороны не вызывают. По п. 2 миссия признает выданные раньше разрешительные свидетельства потерявшими силу в отношении такого количества товаров, какое по ценам лондонского рынка соответствует стоимости фактически вывезенных из Крыма товаров, а не разрешенным к вывозу.

Что же касается п. 3, в коем вы изволите отметить обязательство польской миссии оказывать всемерное содействие русским правитель-

ственным учреждениям и их представителям в Польше, а также торговому агенту в Варшаве по исполнению польскими гражданами принятых ими на себя обязательств по ввозу иностранных товаров и по взносу валютных отчислений, то я с своей стороны не могу не отметить, что правительство Польской республики до настоящего времени не давало командованию Вооруженными силами на юге России никаких поводов напомнить ему о выполнении лежащих на нем обязательств взаимного содействия по товарообмену, поскольку, конечно, согласно существующим законам Польской республики, оно имеет право вторжения в сферу отношений польских граждан к правительству Вооруженных сил на юге России.

Засим, что касается вашей просьбы не настаивать на предоставлении польским гражданам особых льгот по вывозу в Польшу товаров с занимаемой ныне Вооруженными силами юга России территории во внимание к исключительному экономическому положению, то, почитая своим долгом не настаивать на осуществлении своего права ввиду переживаемых русским правительством затруднений по выполнению лежащих на нем обязательств, я тем не менее обязуюсь заявить, что с того момента, когда эти затруднения будут устранены, лежащие на нем обязательства, подтвержденные разрешительными свидетельствами на экспорт разных товаров, должны вступить в силу.

Начальник польской специальной миссии на юге России

Ф. Скомпский.

Справка.

Специальной миссии Польского государства в южной России выданы разрешительные свидетельства за №№ 179, 180, 181, 182 от 1 мая 1920 г. на вывоз из Севастополя в Варшаву через Галац листового табаку всего 22 000 пудов, в том числе:

20 000 пуд. в адрес консула Польской республики в Галаце и Варшавской табачной фабрики «Ноблес».

2 000 пуд. в адрес консула Польской республики в Галаце и Соединенного банка.

Все четыре свидетельства получены начальником польской миссии г. Скомпским 1 мая 1920 г.

Регистрационный сбор в сумме руб. 220 000 и дополнительный сбор в иностранной валюте фр. 6 000 получены под квитанцию за № 23.

Делопроизводитель [подпись].

Отношение отдела торговли управления снабжений в управление иностр. сношений от 2 мая 1920 г. № 1138.

Копия. Срочно.

В управление иностранных сношений.

Отдел торговли просит сообщить, имеет ли право начальник специальной миссии Польского государства в южной России г. Скомпский по представленным им в управление иностранных сношений полномочиям от польского правительства давать правительственному учреждению главного командования Вооруженными силами на юге России следующие обязательства:

1. При передаче польским экспортерам получаемых специальной миссией разрешительных свидетельств на вывоз из Крыма в Польшу русского товара специальная миссия принимает на себя от имени польского правительства всю ответственность в случае нарушения этой передачей прав находившейся в Ростове и Новороссийске польской экономической миссии и польских импортеров, совершивших ввоз польских товаров на территорию главного командования ВСЮР.

2. Разрешительные свидетельства на вывоз в Польшу товаров, выданные в Ростове и Новороссийске управлением торговли и промышленности при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России польской экономической миссии без обязательств валютного отчисления и обратного ввоза, специальная миссия признает потерявшими силу в отношении такого количества товаров, какое по ценам лондонского рынка соответствует стоимости ныне фактически вывозимого специальной миссией товара.

Начальник отдела торговли Родионов.

Начальник отделения А. Лилиев.

Отношение начальника управления иностр. дел на имя начальника отдела торговли управления снабжений от 5 мая 1920 г. № 61.

Начальнику отдела торговли управления снабжений при главнокомандующем ВСЮР.

Вследствие отношения от 2 сего мая за № 1138 имею честь уведомить вас, что полномочия, полученные г. Скомпским, между прочим указывают на то, что «для обеспечения преемственности торговых сношений, для организации коих была ранее делегирована особая миссия под руководством министра Ивановского, польское правительство снабдило г-на Скомпского всеми полномочиями в этих целях («désirant

en même temps sauvegarder la continuite des relations commerciales pour l'organisation desquelles a été précédemment déléguée une mission spéciale sous la direction du ministre Ivanovski le gouvernement Polonais a délivré à Mr. Scompski tous pleins pouvoirs à cet effet»).

Вследствие сего я полагаю, что г. Скомпский правомочен принять на себя обязательства, перечисленные в вышеупомянутом отношении вашем за № 1138, при том непременном условии, что принятие таковых обязательств входило в круг полномочий начальника прежней собой делегации г. Ивановского.

И. д. начальника управления иностранных сношений Трубецкой.

За начальника части общих дел Хойко.

Доклад начальника торговли управления снабжений ... мая 1920 г. № [1]).

Во время переговоров отдела торговли с начальником польской специальной миссии на юге России г. Скомпским о дальнейших возможных перспективах русско-польского товарообмена г. Скомпским было указано, что вследствие благоприятно устанавливающихся в настоящее время политических отношений между правительствами главного командования ВСЮР и Польской республики, а также вследствие полного удовлетворения ходатайств польской миссии перед управлением снабжений о выпуске в Польшу 24 000 пудов [2]) табака без валютного отчисления и обязательства обратного ввоза (в зачет выданных в Новороссийске разрешительных свидетельств), в Польше создается чрезвычайно благоприятная обстановка для возобновления самого интенсивного товарообмена с югом России, причем г. Скомпский обратил внимание отдела торговли на возможность снабжения юга России нефтепродуктами галицийских промыслов, причем из русского сырья табак и шерсть продолжают оставаться на польском рынке в большом спросе и могут быть обращены в обмен на нефтепродукты.

Ввиду острой нашей потребности в нефтепродуктах, источники получения которых — Константинополь и Батум — из-за политических осложнений на Ближнем Востоке могут оказаться для нас закрытыми, полагаю, что дальнейшее невнимательное отношение с нашей стороны к вопросу об установлении самой тесной связи с польским рынком и срочного учета всех возможностей нашего снабжения этим рынком не может быть оправдано никакими соображениями.

---

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором дата и номер отсутствуют.

[2]) Так в подлиннике; количество 24 000 пуд. не соответствует указанным в воспроизведенных выше отношении начальника управления снабжений от 28 апреля 1920 г. за № 966 и «Справке» — 22 000 пудов.

В то же время не только Румыния и Украина заключают с Польшей торговые соглашения, которые могут нанести нам значительный ущерб при выходе на территорию Украины, но даже Грузия, Кубань имеют свои в Польше торговые представительства.

Кроме того, если Константинопольские проливы будут закрыты для движения коммерческих судов, западное побережье Черного моря останется для нас единственным путем для товарных операций с Европой, и в этом отношении существующее польско-румынское соглашение о транзите идущих в Польшу и из Польши товаров через Румынию может спасти нашу связь с Европой, если мы восстановим и укрепим наши экономические сношения с Польшей и добьемся от нее пропуска западно-европейских товаров от Гданска (Данцига) через польскую территорию.

Ввиду вышеизложенного полагаю, что вопрос о назначении с надлежащими полномочиями торгового агента в Варшаву и утверждении штатов агентства не может далее откладываться.

Начальник отдела торговли... [1]).

Об учреждении торговой агентуры в Польше [2]).

Распространение политической и экономической сферы влияния Польской республики на правобережную, а в ближайшем будущем и на левобережную Украину ставит перед органом правительства главного командования Вооруженными силами на юге России, руководящим внешней торговлей, весьма срочную задачу самого внимательного наблюдения за всеми экономическими мероприятиями Польской республики на территории Украины, где, повидимому, в недалеком будущем соприкоснутся польско-украинская и русская армии. Это наблюдение по возможности не должно быть пассивным: голос экономического и торгового представителя главного командования должен быть слышен в Варшаве правительствами Польской и Украинской республики.

Защита русских экономических интересов при предстоящей организации польско-украинского товарообмена должна быть в Варшаве поставлена на надлежащую высоту. Если русская армия в своем движении на север будет занимать территорию, наполовину опустошенную большевиками, а другая половина материальных рессурсов этой территории будет заранее предназначена Польшей и Украиной лишь для польско-русского [3]) товарообмена, то это движение на север русской армии, может стать для нас экономически бесплодным. Мы, мо-

---

[1]) Подпись отсутствует.

[2]) Заголовок подлинника.

[3]) Очевидно, описка: из контекста следует, что здесь речь идет не о польско-русском, а о польско-украинском товарообмене.

жет быть, в ближайшем будущем выйдем из пределов Крыма и найдем хлеб, уголь и сахар, но уже после того, как вывоз их будет монополизирован только одним направлением на запад.

И если во время, может быть, происходящих уже в Варшаве переговоров между польским и украинским правительствами об условиях польско-украинского товарообмена не последует ни одного заявления со стороны торгового агента правительства главного командования о противоречии этих условий интересам России вообще и территории, занимаемой Вооруженными силами на юге России, в частности, наше молчание не раз впоследствии объяснят нашим согласием на все условия польско-украинского товарообмена или истолкуют, как признак слабости, дающей возможность Польше и Украине с нашим экономическими интересами в своих интересах не считаться.

Кроме вышеуказанных задач для русской торговой агентуры в Варшаве, вытекающих из создающейся на Украине политической обстановки, для означенной агентуры имеется ряд чрезвычайно важных практических задач, являющихся следствием начавшихся в Ростове наших торговых сношений с Польшей.

В адрес русского торгового агента в Польше (по прежнему наименованию: уполномоченного в Варшаве управления торговли и промышленности при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России) направлено из Новороссийска с 1 января по 7 марта с. г. различных, принадлежащих польским экспортерам товаров на приблизительную сумму 300 000 английских фунтов. За отсутствием в Варшаве русского торгового агента, а также вследствие спорности прав правительства главного командования на взимание валютного отчисления с товаров, вывозимых в Польшу (эта спорность создается несоответствием наших правил о валютном отчислении с существующим русско-польским соглашением о товарообмене), судьба валютных отчислений с вывезенных в Польшу товаров остается на рассмотрении польских властей.

Большая часть не рассмотренных еще ходатайств польских экспортеров может быть удовлетворена лишь при условии взноса валютных отчислений, требующих направления товара в адрес русского торгового агента, присутствие которого в Варшаве также крайне необходимо как для понуждения исполнения д-ром Зелинским принятых на себя для правительственных учреждений юга России поставок сельско-хозяйственных машин, обуви и бумаги, в которых ощущается у нас острый недостаток, так и для выяснения возможности закупок польской мануфактуры.

Необходимость изменения невыгодных для нас статей «временного соглашения от 13 сентября 1919 года на предмет товарообмена между

главным командованием Вооруженными силами на юге России и правительством Польской республики» также требует командирования в Польшу торгового агента, достаточно компетентного в вопросах торговой политики и сведущего в истории русско-польских торговых сношений.

Вследствие вышеизложенного полагал бы необходимым срочно организовать русское торговое агентство в Варшаве с надлежащими полномочиями.

Проект штатов означенного агентства на рассмотрение вашего превосходительства при сем представляется.

Полагая возможным и целесообразным назначить на должность торгового агента в Польше управления снабжений при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России... [1]) с присвоением этой должности IV класса, представляю указанное назначение на благоусмотрение вашего превосходительства.

Испрашивается: I. Утверждение штатов [2]) торгового агентства в Польше управления снабжений при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России.

II. Назначение на должность торгового агента в Польше управления снабжений при главнокомандующем Вооруженными силами на юге России.

Телеграмма из Сулина в Лоррэнь. СН.5052. 30 мая 1920 года. Константинополь. Русское посольство — генералу Лукомскому [3]).

(Шифр). Агентурные сведения: в Варшаву прибыла украинская миссия для торгового соглашения. 25 мая.

Геруа.

Получена 18(31)/V 1920 года.

Расшифровал 31/V поручик [подпись]

---

[1]) В подлиннике пропуск.

[2]) Приложен проект штатов (4 человека).

[3]) Заголовок подлинника. Телеграмма была препровождена ген. Лукомским (представителем ВСЮР в Константинополе) в Крым — начальнику управления снабжений.

Кадеты в 1905—1906 гг.

Окончание [1])

Первая часть настоящей публикации с предисловием Б. Граве напечатана в III (XLVI) томе «Красного архива». Публикуемые здесь протоколы кадетского Ц. К. относятся к послевыборгскому периоду и ярко отражают действительное отношение кадет к выборгскому воззванию, выпущенному ими после разгона I Госуд. Думы. Для самих кадет выборгское воззвание было, — как писал В. И. Ленин в октябре 1906 г.— «в лучшем случае угрозой по адресу правительства, а вовсе не практическим лозунгом» (Сочинения, I изд., т. VII, ч. II, стр. 111). Их вожди вскоре выступили с предложением «признать выборгское воззвание просто ошибкой увлечения, поскольку это воззвание непосредственно призывает к тактике пассивного сопротивления... При теперешней напряженности борьбы нет и не может быть такого массового пассивного сопротивления, которое не переходило бы непосредственно в активное сопротивление» (там же, стр. 111). Потому то, — иронизировал В. И. Ленин, — «партия народной свободы», как партия, усиленно практиковала провозглашенный воззванием принцип пассивного сопротивления по отношению к самому же воззванию». А когда собрался четвертый кадетский съезд, о созыве которого, как это видно из печатаемого здесь протокола от 27 августа 1906 г., кадеты униженно хлопотали перед Столыпиным, то он ясно обнаружил, что кадетская партия «попрежнему намерена принимать участие в революционном кризисе лишь постольку, поскольку он может выродиться в кризис чисто парламентарный... Но, заявив, что он мыслит революцию лишь как парламентскую борьбу, съезд тем самым поставил ребром перед широкой массой демократии вопрос об открытой борьбе за власть». «Весь ход российской революции, — указывал тогда Ленин, — говорит за то, что демократия ответит на этот вопрос не по-кадетски. Социал-демократия должна готовиться к тому, чтобы к моменту этого ответа городская и деревенская беднота нашла именно в ней, в социал-демократии, своего естественного гегемона в период революции» (там же, стр. 111—112).

Протокол совещания 2 августа 1906 г. Центрального комитета к.-д. партии с представителями губернских комитетов.

Заседание открыто речью председателя Ц. К. кн. Павла Дм. Долгорукова. В речи своей кн. Долгоруков изложил вкратце содержание териокских заседаний парламентской фракции и Ц. К.,

[1]) См. «Красный Архив», т. XLVI, стр. 38—68.

происходивших 12—14 июля после закрытия Думы и принятия ее членами, удалившимися в Выборг, постановлений, выраженных в обращении к населению, изданном 10 июля 1906 г., и затем, указав на неизбежность изменения тактики партии под влиянием всего происшедшего и ответственности этого шага, сообщил, что Ц. К. не счел возможным принять на себя окончательного решения по этому вопросу и предложил для решения его созвать всероссийский делегатский съезд в конце августа. При этом были сообщены вкратце суждения членов комитета по вопросу о бойкоте правительства и содержание временных постановлений Ц. К., а затем прочтен А. А. Корниловым циркуляр за № 26, в котором изложены лозунги, принятые Ц. К. и преподанные им партии на ближайшее время, до созыва партийного съезда.

Поверкою собравшихся было установлено, что в совещании приняли участие 30 членов Центрального комитета и 33 представителя губернских комитетов от 29 губерний. В целях выяснения настроения партии и вообще населения на местах представителям провинции предложено было высказаться, стараясь по возможности дать определенный ответ на следующие 7 вопросов, редактированные Центральным комитетом:

1. Как принято членами партии и населением распущение Думы?
2. Как принято поведение членов Думы после роспуска и, в частности, выборгское обращение?
3. Считать ли возможным проведение выборгского воззвания в жизнь?
4. Какие вопросы момента особенно наметились на местах?
5. Каково настроение в партии по вопросам тактики?
6. Каково положение партии на местах?
7. Положение на местах других партий и междупартийные отношения.

Слово было предоставлено Головину, представителю Московского губернского комитета, члену Ц. К.

Головин оговаривается, что он может сообщить, главным образом, личные впечатления, основанные на разговорах с членами партии и населением, так как заседания губ. комитета не было. Лично он собирал членов партии в Дмитровском уезде, человек 20. Все единогласно негодуют на роспуск Думы и из разговоров с крестьянами вынесли впечатления, что крестьяне так же настроены. Как относится население к выборгским постановлениям, сказать не берется. Члены партии понимают, что положение было трудное, но не одобряют постановлений; многие полагают, что следовало добиться, чтобы так или иначе правительство разогнало Думу в Петербурге. Первую часть воззвания многие признают приемлемой, но вторую почти все признают

непрактичной и идущей вразрез с прежней тактикой партии. Особенно не одобряют многие призыв к отказу от отбывания воинской повинности, находя, что этим путем можно вовлечь население без пользы в тяжелые последствия. Многие находят, что уже если сходить с легального пути, то следовало действовать решительнее. Некоторые одобряют мысль о воззвании к войскам. Указав затем на необходимость скорейшей легализации партии и скорейшего созыва съезда, оратор отмечает, что теперь партия на местах бездействует. Причина этого — летнее время и выжидательное положение, которое все занимают в ожидании директив из центра.

Кн. Павел Долгоруков. В общем подтверждает правильность впечатлений Головина. Указывает, что в Рузском уезде крестьяне раньше настроены были очень активно и воинственно, постановляли повсеместно приговоры с обещаниями не выдавать Думу и т. п., но после роспуска Думы настроение подавленное, боязнь репрессий, и никаких приговоров нет.

Пржевальский (от г. Москвы) оговаривается также, что сообщит, главным образом, свое субъективное мнение. Прежде всего констатируется недовольство роспуском Думы во всех слоях населения, за исключением ничтожной горсти черносотенцев. Выборщики г. Москвы, так же как и другие собрания партии, отнеслись к выборгским постановлениям в общем сочувственно; некоторые находили лишь, что редакция воззвания слишком бледна. Обсуждая поведение депутатов, некоторые замечали, что не следовало бежать в Выборг, а надо было так или иначе в Петербурге организовать сопротивление правительству. Относительно осуществимости воззвания $^1/_2$ районных комитетов г. Москвы полагает, что оно осуществимо, а другая половина, что нет. Приверженцы первого течения предполагают совместную с другими партиями и союзами забастовку и организацию разностороннего финансового бойкота, так, чтобы правительство действительно не получило ни копейки в казну. Между прочим, признается желательным, чтобы этот вопрос предложен был съезду и чтобы Ц. К. разработал к съезду вопрос о формах и способах финансового бойкота. Противники воззвания указывают на неосуществимость и непрактичность его по ничтожности прямых налогов в нашем бюджете, по легкости продажи имущества за неплатеж податей и по невозможности организации отказа от исполнения воинской повинности. Вообще они думают, что пассивное сопротивление теперь не удастся, так как идея забастовки дискредитирована рядом неудач.

В ответ на 4-й вопрос указывает на признаваемую всеми необходимость скорейшего созыва съезда. Жалуется на бездеятельность Ц. К. и нападает на него за его неосведомленность; указывает на отсутствие

директив и на проистекающую от того неловкость перед избирателями ввиду невозможности отвечать на самые естественные вопросы. На п. 5-й—партия в Москве действует; районы объединяются на собраниях хотя бы для краткого обмена взглядами, если нет специальных рефератов. На п. 7-й — правые партии в Москве замерли; может быть, хотят прикрыть волчью шкуру плащом обновления.

К и ш к и н (от г. Москвы) заявляет, что ему приходилось по преимуществу встречать отрицательное отношение к выборгскому воззванию.

М а к л а к о в (Москва). В виде поправки к речи Пржевальского утверждает, что выборщики отнюдь не вынесли сочувствия выборгскому воззванию, а лишь признали, что вина за все происшедшее падает на правительство.

П р ж е в а л ь с к и й признает, что формально это более точное воспроизведение суждения выборщиков.

Щ е п к и н Н. Н. (Москва) желает дополнить картину положения партии в Москве другой, более общей. Он смотрит на Москву, как на скопище провинциалов из тянущих к Москве губерний. Известие о роспуске Думы дошло в воскресенье во время беспартийного собрания. Им овладело крайнее возбуждение, но при первых словах председателя о необходимости сдержать себя наступило тотчас же полное спокойствие. В неинтеллигентной среде нет возражений против воззвания, разве о том, что оно недостаточно сильно написано. В крестьянской среде и без него была уже масса приговоров о бойкоте. По п. 3-му оратор думает, что Москва инициативы выполнения на себя не возьмет, но отзовется, если провинция начнет. Отмечает, что в некоторых местах молодежь желает итти в войска с намерением пропаганды. На выборах все же боевым лозунгом будет выборгский манифест. Увидят, что бойкот нетрудно осуществить. Добрые обычаи прививаются легко.

Кн. П а в е л Д о л г о р у к о в указывает на образование новой партии мирного обновления и на желание этой партии заключить с нами союз против левых.

С т р у в е заявляет, что процесс разложения союза 17 октября завершился, что же касается партии мирного обновления, то эта партия определенно желает отмежеваться и справа и слева.

Ф е д о р о в (от г. Петербурга). Психология Петербурга несколько иная, нежели Москвы. В Петербурге из числа голосов, поданных за наших кандидатов на выборах, только 25% принадлежали членам партии, 75% были беспартийные (чиновники, приказчики, скрытые кадеты). Очерчивает довольно рельефно чиновничий оппортунизм, господствующий в партии в Петербурге, и рассказывает, как приказ-

чики надували своих хозяев на выборах. Теперь все эти элементы находят, что фракция наша в Выборге зарвалась. Почти все в Петербурге против финансового бойкота: 1) он противоречит прежней партийной тактике, чисто парламентарной; 2) этот путь опасен для будущего, ибо бойкот может быть впоследствии применен и против парламентского министерства. Проводить манифест все решительно отказываются, даже те, кто его не порицает. По п. 4-му: недовольство тактикой парламентской фракции. По п. 5-му: партия бездействовала, следила только за работой Думы. Осенью можно рассчитывать на возобновление деятельности на основе трех лозунгов, преподанных в циркуляре Ц. К. Теперь, к сожалению, все клубы закрыты полицией.

Добровольский (Петербург). По п. 1-му: к роспуску Думы население отнеслось с единодушным негодованием. По п. 2-му: выборгское воззвание слабо; отъезд депутатов в Выборг знаменовал расхождение дела со словом. По п. 3-му: проведение воззвания в жизнь безусловно невозможно, разве могут откликнуться, если население поднимет бойкот снизу. По п. 4-му: сознает, что отрекаться от выборгского воззвания нельзя, но и выносить его на свет божий тоже не следует ввиду того, что лучше оттянуть съезд и прожить пока циркулярными распоряжениями Ц. К., которые свели бы воззвание незаметно на-нет. По пп. 5-му и 6-му высказывает оптимистическое настроение. По п. 7-му указывает, что на собрании разных союзов и партий большинство разделило, как оказалось, первой лозунг Центр. комитета, и на этом основании можно предполагать возможность блоков с разными группами.

Федоров (дополняет). Необходимость собирать деньги будет многих отпугивать от партии. Выборы стоили 60 000 р., а у петербургского комитета, кроме долга в несколько тысяч рублей, ничего нет.

Ещин (к порядку заседания) требует более сжатого делового и информационного характера сообщений.

Дворжак (Рязанской губ). Факты, на которых основываются его впечатления, собраны при объезде губернии, собрания же в Рязани не было. Роспуск не «ошибкой» считается, как здесь некоторые говорили, а вызывает всюду большое негодование. Порицания депутатам за то, что они уехали в Выборг, не слышал, наоборот признавали, что они поступили правильно. По п. 3-му: выполнение воззвания признается большинством невозможным. Однако крестьяне во многих местах уже осуществляют бойкот податей фактически. Земцы указывают, что при последовательном проведении воззвания земство окажется в невозможном положении. По п. 4-му: с нетерпением ждут директив от Ц. К. и от съезда, скорейший созыв которого признается необходимым. По п. 5-му: партия растет, но не очень. Было открытых членов 70,

теперь 150, но число голосов, поданных за нас на выборах, считалось тысячами. Население относится ко всяким агитаторам слева чрезвычайно радушно и превосходно охраняет их от полиции. Открытая и легальная деятельность нашей партии в губернии преследуется.

Масленников (Вологодской губ.). Высказывается на основании личных впечатлений и обсуждений в местном комитете. Вологодская губерния была, в сущности, лишена настоящего представительства в Думе, так как крестьяне избранных от губернии лиц (кроме одного) не признавали своими представителями. Тем не менее интерес к Думе был громадный, и негодование по поводу ее роспуска наблюдается весьма сильное. Отношение к выборгскому воззванию частью отрицательное, как к неосуществимому; однако крестьяне уже и теперь не платят податей. Оратору лично известны три волости, в которых крестьяне отказываются от отбывания всяких повинностей. При этом и крестьяне однако понимают, что страдает от неплатежа более всего земство. В частности, по поводу заявления воззвания о займах приходилось слышать большие сомнения, чтобы государство могло на самом деле не платить долги, если бы таковые и еще были сделаны правительством. В партии преобладает «левое» настроение по тактическим вопросам: считая выборгское воззвание, при его практической неосуществимости, слабым по значению, многие находят нужным итти дальше и говорят, напр., о необходимости всеобщей забастовки. Деятельность партии в губернии замерла после неудачи на выборах. Теперь необходим партийный съезд; без его решения нельзя собрать губернский съезд, а без него нельзя и оживить дело.

Шингарев (Воронежской губ.). Партийного собрания в Воронеже не было, но было много комитетских совещаний. Роспуск Думы совпал с аграрными пожарами всей губернии. Впечатление было не бурное, а ошеломляющее, между тем начальство ждало, видимо, именно бури: по городу ездили пулеметы, все было готово к подавлению восстания, но никаких признаков восстания налицо не было. В партии было напряженное ожидание директив из центра. Их не было, и поразмыслив члены партии сообразили, что центр в данную минуту и не мог их дать. Тем не менее провинция ждала директив от центра, а центр ждал сведений о настроении провинции, и образовался какой-то circulus viciosus, который производит впечатление растерянности. Последующее общее впечатление, когда несколько опомнились — резкая злоба против правительства. Закрытие Думы нанесло, несомненно, удар идее царизма в народе — почти смертный приговор этой идее...

По п. 2-му: некоторые критиковали поездку в Выборг, полагали, что следовало действовать в Петербурге; большая часть на этом же останавливались и страстно обсуждали выборгский манифест в 4 засе-

даниях, причем были высказаны и оспорены все обычные возражения против манифеста, вопрос же о распространении манифеста чуть-чуть не вызвал раскола, тем более, что даже наличные члены Думы придерживались противоположных мнений. Указывалось, между прочим, на ответственность такого шага — бросить манифест в обращение среди крестьян, которые и без того уже жгли имения. Однако, когда решено было, что распространением манифеста могут заняться лишь желающие, таких желающих оказалось $^2/_3$ комитета, причем были среди них и несочувствующие манифесту. По п. 3-му: большинство признало принципиально манифест приемлемым. Неплатеж повинностей начался давно. Ожидается полный крах земских финансов, тем более, что земское собрание признало земство ответственным за аграрные пожары, и последний ресурс земства — страховой капитал быстро истощается. Крестьяне не платят и не будут платить; но кроме них никто не пойдет на бойкот казны. Недачу рекрут осуществить трудно — ответственность падет на отдельные семьи. Пассивный бойкот признается желательным, но для него необходима поддержка всего общества, а ее нет. В земстве царит теперь реакция, помещики озлоблены против движения ввиду тех форм, в которые оно вылилось. По п. 4-му: все признают, что нужен съезд возможно скорее; нужны директивы. Необходимо принять во внимание совершающееся в губернии аграрное движение и принять какие-нибудь меры против применяемых теперь форм его подавления. Оратор сам был свидетелем ужасных, совершенно разнузданных карательных экспедиций. Убежден, что этого нельзя так оставить; надо по этому вопросу войти в соглашение с другими партиями. По п. 5-му: партия растет и укрепляется — растет вширь и вглубь, устроены сельские комитеты, тем не менее на выборах положение партии по отношению к другим партиям будет нелегкое. По п. 6-му: тактика должна полеветь. Бойкот все же имеет почву, хотя один пассивный бойкот многих не удовлетворяет. Центр. комитету следует позаботиться о разработке сведений и литературных данных о различных видах бойкота. По п. 7-му: аграрное движение в губернии вызвано, несомненно, левыми партиями, они сильно работают, хотя и не попадаются. В г. Воронеже могут победить с.-д. Правые партии ничтожны. Левые на митингах сплошь и рядом побеждают.

Езерский (Пензенской губ.). В первую минуту роспуском Думы население было ошеломлено, растерялись. Теперь общая злоба, направляемая против носителя верховной власти. По п. 2-му: поведение членов Думы особой критике не подвергалось. По п. 3-му: выборгское воззвание вообще вызывает симпатии, но возможность практического осуществления сомнительна. Организовавшиеся отказы от испол-

нения воинской повинности едва ли осуществятся; высказывают опасения, что тогда правительство, пожалуй, задержит старых солдат сверх срока. Тем не менее протест выборгского собрания очень авторитетен в глазах населения, и на выборах он учтется для нашей партии благоприятно. Поднимался вопрос о расширении понятия бойкота в виде организованного неповиновения властям. Население опасается однако карательных экспедиций. По п. 4-му: ждут директив из центра. Необходим съезд. Необходимо неотложное снабжение литературой, разъясняющей положение и формы бойкота. По п. 5-му: положение партии очень плохое. Замерла. Замечается тенденция налево. По п. 7-му: правых партий вроде союза 17 октября не существует совсем. Прежние земские элементы, участвовавшие в съездах, стали черносотенными.

Хвостов (Казанской губ.). От роспуска Думы впечатление получилось ошеломляющее, но и только. Впрочем оратор уехал с места 12 июля, а потому знает только первые впечатления. Заседания губернского комитета не было. К выборгскому воззванию в Казани отнеслись с принципиальным одобрением и готовы его распространять. Шаг этот со стороны членов б. Госуд. думы был необходим, но о практическом выполнении бойкота пока трудно что-нибудь сказать, и, во всяком случае, есть много оснований для сомнения. В частности, крестьянство слишком пассивно; оно не будет платить там, где и без того не платило. В самой Казани, как известно, даже и всеобщая забастовка не удалась. Впрочем, в крестьянстве после роспуска Думы оппозиционное настроение сильно повысилось, и основы монархизма существенно поколеблены. Среди членов партии первое слово после роспуска Думы было в Казанской губерии — съезд; он безусловно необходим. Партия мирного обновления, вероятно, в Казани сложится, но сил будет у нее мало.

Фурович (Могилевской губ.). Выборгское воззвание некоторые находили у нас слишком слабым, другие — неосуществимым. Однако крестьяне, по имеющимся сведениям, отнеслись к нему сочувственно и склонны исполнять его на деле. Между прочим, в нашей губернии, как неземской, не может иметь значения тот довод против финансового бойкота, что он подорвет земские учреждения. Что касается отказа от исполнения воинской повинности, то возможно, что и оно может получить осуществление. Так, один толковый крестьянин указывал возможность такого осуществления не в одиночку (из чего ничего бы не вышло), а целой массой новобранцев, когда они соберутся уже в городе.

В общем нельзя не отметить, что на местах удивлялись, если кто-либо из депутатов, считавшийся порядочным человеком, оказывался не-

подписавшим выборгское воззвание. Этим самым в значительной степени характеризуется отношение к воззванию. Наша партия в Могилевской губернии плохо сорганизована, хотя за последнее время появились крестьянские группы (о них оратор впоследствии дал секретариату специальные дополнительные сведения). Другие партии не сорганизованы тоже. Правые партии крайне черносотенного направления; среди них нет вовсе порядочных людей. Поэтому блоки возможны только с левыми.

Выховский (Могилевской губ.). Добавляет к речи предыдущего оратора, что боевое настроение крестьянства чрезвычайно усилилось за последние месяцы. К выборгскому воззванию все встречавшиеся Выховскому крестьяне относились весьма радушно. Миросозерцание крестьян колеблется. Из 7 крестьян, с которыми он беседовал, 5 отдают предпочтение республике перед монархией.

Хвостов (Казанской губ.) дополняет свою речь заявлением, что в Казанской губ. у крестьян боевое настроение также повысилось.

Васильев (Самарской губ.). Отмечает, что он из неурожайной губернии. Роспуск Думы принят крестьянством со злобой. Монархические принципы в их среде поколеблены. Этим облегчена пропаганда левых партий. Впрочем, в Самарской губернии кадетской партии в чистом виде нет: приписывались к ней, как к программе minimum. Правых партий тоже не существует. Выборгское воззвание распространяется бойко — разошлось в 105 тысячах экземплярах. Отношение к нему, впрочем, скорее отрицательное, оно признается недостаточно радикальным. Тем не менее революционеры распространяют его охотно. Бойкот воинской повинности удобнее произвести в городе скопом. Блоки можно заключать лишь с крайними левыми партиями, конечно, не делая уступок из программы. К.-д. партия в губернии в плачевном состоянии. Собрания не было. Денег нет и не будет до выборов. Не привыкли действовать конспиративно. В заключение оратор высказывает нарекания на Центр. комитет за отсутствие директив, которые необходимы.

Добавляет, что крестьяне в губернии настроены очень радикально, что выражается в многочисленных приговорах и др. заявлениях.

Кн. Ишеев (Тамбовской губ.). Вращаясь больше в городской среде, с крестьянами сталкивается лишь как присяжный поверенный Роспуск Думы произвел на крестьян ошеломляющее впечатление, но волнений еще не было. В Тамбове сильны крайние партии — правые и левые. Союз 17 октября был разбит. К.-д. победили благодаря поддержке левых, но не воспользовались победой вследствие кассации тамбовских городских выборов; крайние правые очень сплочены. Население смотрит на роспуск Думы, как на несчастие; от депутатов

ждали энергичного сопротивления и полагали, что они будут арестованы. Поездка в Финляндию и выборгское воззвание многих разочаровали. Вторую часть объясняет поспешным и вынужденным соглашением с трудовиками. Идею бойкота признавали удачной, но не понимали, почему она ограничена некоторыми только формами. Ждали директив от Центр. комитета. Профессиональные союзы склонны оказать энергичную поддержку бойкоту. Партия слаба и непопуляр на в Тамбове. Тает несмотря на снятие репрессий. Публика относится на митингах сочувственно к нападкам на к.-д. партию. Были попытки организовать бойкот партийной газеты «Тамбовский голос».

Виноградов (Астраханской губ.). Роспуск Думы в первый момент произвел ошеломляющее действие. Затем наступило всеобщее озлобление, сопровождаемое падением царизма [1]). Воззвание распространяется деятельно, особенно крайними левыми, но, к сожалению, текст без подписей. На уезды его нехватило. Лозунги, данные фракцией и Центр. комитетом, произвели хорошее впечатление, но, как пойдет исполнение, еще не видно. Сознается необходимость съезда, чувствуется потребность в литературе; необходим приезд лекторов с громкими именами. Партия работает; между прочим, в местных интересах она приняла на себя и исполнила разработку ловецкого (рыболовного) вопроса. В Астрахани существуют крайние правые и крайние левые партии. Среди последних заметна некоторая растерянность; они также ожидают директив от своих центральных органов.

Новосильцов (Калужской губ.). Пока была Дума, крестьяне были спокойны; они всего ждали от Думы. Настроены они были и тогда довольно радикально; на полях во время работ нередко можно было услышать марсельезу. Теперь замечается большое озлобление. Много случаев демонстративного массового выхода из церкви при чтении манифеста о роспуске Думы; в населении замечается антидинастическое настроение, выражающееся, между прочим, в наименовании государя «Николаем кровавым» и т. п. Выборгское воззвание считается весьма умеренным ответом на действия правительства; что оно проведется в жизнь — никто не сомневается. Население ждет, что скоро придет распоряжение об аресте всех существующих властей и что повсюду будут выбраны временные власти. Крайние партии оживились. В деревнях в некоторых местах начинается бойкот водки.

Имшенецкий (Полтавской губ.). Констатирует озлобление сельского населения с антидинастическим характером. Но при

[1]) Так в подлиннике.

этом ему нехватает активности. Интеллигенция удручена, претендует на недостаточно активное настроение крестьянства: «для них стараются, а они даже беспорядков никаких не делают». Воззвание мало распространяется (Л у ч и ц к и й прерывает: «есть, есть!»). В среде партии выезд депутатов в Выборг критикуется и вторая часть воззвания — также. Исполнение на практике сомнительно. Положение партии в губернии трудное. Репрессии угнетают. Денег нет. Во время выборов бороться придется с левыми, но и при этом объединение с правыми группами было бы для партии гибельно. При объявлении высочайшего манифеста замечается теперь демонстративный выход из церквей.

Д е р в и з (Тверской губ.). Партия в губернии замерла, несколько живее действует городская группа. Роспуском Думы возмущены, но и подавлены. О крестьянах мало известно. Осуществимость воззвания представляется очень сомнительной.

Х а р л а м о в (Область войска Донского). Роспуском Думы население очень возмущено. Что касается выборгского воззвания, то область войска Донского находится по отношению к нему в особом положении. Податей казаки в обычном смысле слова не платят вовсе; отбывание воинской повинности поставлено также в совершенно своеобразные условия. Правительство старается всячески восстановить казаков против революционеров и против крестьян, охотно снабжая казачье население всякого рода оружием для борьбы с «бунтовщиками». Однако положение партии народной свободы в области не плохо, особенно благодаря тому, что именно ее представителями был поднят в Думе вопрос об облегчении казачьей службы.

Ч у д н о в с к и й (г. Одесса). Город находится под гнетом военного положения; уже год четыре месяца прошли с тех пор, как запрещены всякие собрания. Роспуск Думы вызвал негодование. Выезд депутатов в Выборг в Одессе не одобряется. Впрочем, о выборгских заседаниях первые сведения, может быть, тенденциозные, получены были через левые партии. Воззвание подвергалось сильной критике. Исполнение его ставят в зависимость от того, покажут ли пример сами составители. Однако же решили воззвание распространять, и уже распространено до 7 000 экз. Одесский комитет полагает, что от всякого союза с правыми теперь следует воздерживаться; напротив, желательно соглашение с левыми. В программу предстоящего съезда желательно включить вопросы: 1) об объединенных действиях всех левых групп, 2) об организации областных организаций. Решено устроить областной съезд херсонско-бессарабский. Всероссийский съезд желательно устроить в начале сентября или в конце августа. В программу съезда следует еще включить разработанную декларацию о займах.

Грессер (Владимирской губ.). Народ верил в Думу и, пока она заседала, спокойно ждал своей участи, несмотря на провокаторство властей и помещиков. Составлялись приговоры, как раз соответствующие по духу выборгскому воззванию. Во Владимирской губернии уже за 3 дня до роспуска Думы заметно усилились правительственные репрессии. О роспуске узнали только 11-го. 12-го созван был комитет. Содержание воззвания не обсуждалось, а сразу приняты были меры к его распространению. 13-го было распространено уже несколько тысяч. Роспуск Думы ошеломил население. Сперва гнев народа чуть ли не обратился на интеллигенцию. К счастью, уход губернатора Леонтьева предотвратил организованный погром, а через три дня раздражение направилось уже по другому адресу. Теперь озлобление направляется уже на правительство, и замечается ряд оскорблений верховной власти. Чувствуется необходимость издания ряда брошюр, могущих осветить положение вещей и разъяснить возможность бойкота. (Об этом оратор сделал подробный доклад в комиссии издат. «Народного права».) Крестьяне ставят вопрос о возвращении старой Думы; если же будут выборы, то они обещаются на этот раз забаллотировать всех черносотенцев. Есть крестьянские к.-д. комитеты. Крестьяне усердно пишут письма с родины к родственникам и землякам солдатам. Среди войск есть весьма приличные офицеры. Вопросом дня является теперь широкое распространение литературы и вообще пропаганда. Просили бы совещание решить, можно ли считать, что уже начался предвыборный период. Если же вопрос этот не может быть решен до съезда, то необходимо немедленно созвать съезд. Блоки, по мнению владимирского комитета, могут быть заключаемы с левыми, особенно с Крестьянским союзом. До последнего времени была потеряна нить, соединявшая с ним партии, теперь возобновилась, и можно устроить информационные комитеты.

Богуславский (Харьковской губ.). После роспуска Думы было одно собрание, но в присутствии полиции, которая запрещала касаться выборгского воззвания. Тем не менее вопрос о закрытии Думы обсуждался, и решено было выразить доверие Думе. Обращено было внимание на то, что теперь тактика партии должна резко измениться. Не получая директив от Центрального комитета, решили оживить районные собрания и предпринять широкую рассылку литературы и разъезды членов. Так как денег нет, то решено было сделать дополнительное обложение членов 5-ю рублями единовременного взноса ad hoc. Настроение крестьян приподнятое. Крестьяне рады не платить, но спрашивают, как организовать бойкот. Относительно отказа от дачи рекрут сомневаются, чтобы удалось это организовать. Вопрос

о бойкоте косвенных налогов не обсуждался. Партийный съезд ожидается с нетерпением.

Р о м м (Вильна). С момента роспуска Думы в партии ничто не изменилось. Роспуск Думы не был ошеломляющим. Конфликт предвиделся со времени правительственного сообщения, — и предвиделся не в пользу Думы. Настроение было тревожное: ожидались погромы, но, после недопущения одесского погрома, население успокоилось. Настроение не особенно пессимистическое. По отношению к предстоящим выборам население полно надежд, уверенности, что у других партий не найдется такого числа достойных кандидатов, как в нашей партии. В Вильне нашли, что депутаты после распущения Думы ничего другого и не могли сделать, как собраться в Выборге. Воззванию сочувствуют, как известной форме протеста. Навязать громадному народу повсюду одинаковые формы борьбы — невозможно. Практическое осуществление воззвания сомнительно.

Е щ и н (Нижегородской губ.). На первый вопрос я не могу дать единого ответа. Местами, в глухих углах, крестьяне и теперь еще не знают о роспуске Думы. Местами население отнеслось к роспуску довольно равнодушно: «назначены новые выборы, ну тех же и выберем!» Местами наблюдаются и раздражение, и ошеломленность, и даже озлобленность. Так и программа Стишинского в одном населении была встречена овациями, а в другом соседнем — свистками. Наше партийное собрание, по предложению губернского комитета, присоединилось к выборгскому воззванию и постановило требовать созыва старой Думы и создания думского министерства; мы считали, что этот лозунг дается Центр. комитетом. Любопытно, что собравшиеся при этом 80 человек принимали указанные предложения комитета без всяких прений, молча... В самом губернском комитете долго обсуждали выборгское воззвание, причем высказано было много недоумений. В конце концов финансовый бойкот нашли, в сущности, неосуществимым. Так, например, в торговой среде перед Нижегородской ярмаркой невозможно было даже вопрос возбуждать о невыборке торговых свидетельств. Крестьяне, и без того, частью не платят. О косвенных налогах, конечно, трудно говорить. Квартирный налог будет взиматься еще в будущем апреле... Что касается бойкота воинской повинности, то ведь при проведении его нужно было бы выйти в отставку предводителям дворянства и другим прикосновенным к набору лицам, а это было бы вредно во многих отношениях. Таким образом, на практике почти все пойдет само собою...

Необходим скорейший созыв партийного съезда. Между прочим, съезд этот необходим для того, чтобы путем более энергичного и решительного обращения к населению от имени съезда

поднять настроение населения, теперь напуганного и растерянного.

Из других партий у нас есть партия «белого знамени» — чисто черносотенная. Других правых партий теперь нет. Очень сильны с.-д., но чуть ли не еще сильнее действуют с.-р., у которых имеется обширное книгоиздательство, организации в деревне и проч.

Кн. О б о л е н с к и й (Таврич. губ.). По отношению к роспуску Думы у нас наблюдается то же, что и везде: раздражение, озлобленность и т. д. На бывшем у нас съезде уездных предводителей некоторые критиковали выборгское воззвание, как слабое, причем замечалось, что с «левой» точки зрения возражали против него как раз более умеренные элементы; большинство же высказалось в пользу воззвания и присоединилось к нему. По вопросу об осуществлении выборгского воззвания в широких слоях населения определенных указаний высказано не было, хотя было установлено существование самостоятельного движения в крестьянстве в этом именно направлении. Но самими членами партии вопрос этот обсуждался подробно. Оптимистически настроенной при этом оказалась лишь евпаторийская группа, в составе которой много крестьян, а остальные группы, преимущественно состоящие из крестьян, высказались скептически, однако решили сделать попытку, причем поручили мне просить Центр. комитет издать брошюру о бойкоте (особенно о бойкоте вина).

Собраний у нас нельзя было делать, и деятельность партии вообще замерла. Комитет наш после выборов почти перестал функционировать, но теперь опять ожил и предполагает начать действовать. Союз 17 октября также как будто начинает пробуждаться, т. е. собственно черносотенная его часть.

Т а т а р и н о в (Орловской губ.). По отношению к роспуску Думы настроение то же, что и в других местах. Однако нам пришлось наглядно убедиться, что существует пропасть между определенно оппозиционным настроением и готовностью к активному его осуществлению... По отношению к выборгскому воззванию Орловским комитетом почти единогласно признано, что ни в городе, ни в деревне — по крайней мере, в наших местах — оно не может получить осуществления. Поэтому мы даже самое воззвание не особенно распространяем. Что касается положения партии, то оно у нас с апреля мало изменилось. У нас правая партия сильна, и теперь и с ней придется в городе упорно бороться. В деревнях предстоит сильная борьба с левыми (с с.-р. или с трудовою группою), и трудно сказать, насколько эта борьба будет успешна. В общем, надо сказать, что у нас на выборах имеют шансы победить или правые — при основном движении на выборы администрации — или же левые. По отношению к тактике наме-

чается сейчас созыв съезда и резкая постановка на нем вопроса о дальнейшем пути партийной деятельности в связи с наличностью выборгского воззвания: останется ли для нас прежний путь или партия пойдет революционным путем? При этом не могу не сказать, что Орловский комитет высказался с своей стороны совершенно определенно против изменения характера партийной тактики.

Л о п у х и н (Тульской губ.). Население у нас было также ошеломлено роспуском Думы и отнеслось к нему частью даже с ужасом: ожидали опять всеобщей забастовки, разгромов и проч. Когда же этого не случилось, все удивились и искали причины... Начавшиеся после забастовки — в Петербурге и Москве, Свеаборгское восстание и проч. вызвали новое ошеломление. В общем, настроение получилось подавленное, неактивное, выразилось пока лишь удвоением сделок через Крестьянский банк. Ввиду такого апатичного настроения нам казалось бы важным поднять дух населения. У нас было недавно одно заседание комитета, которое было посвящено выборгскому воззванию. Особенной критики его не слышно было, но к практическому осуществлению его отнеслись отрицательно. Положение партии у нас довольно плохое. В городе будет сильная борьба с левыми. На губернских выборах однако у нас сейчас больше надежды на крестьян, чем в прошлую кампанию: на тех выборах мы не сумели сорганизовать их.

П о л т о р а ц к и й (Черниговской губ.). Партия организована у нас плохо, тем более, что у нас был губернатор, не допускавший развиться партийной деятельности. И сейчас положение очень незавидное: собрания не допускаются, происходят высылки и т. д., настроение пока неопределенное. Крестьянам некогда еще было обдумать события последнего времени. Но идея царизма, несомненно, пострадала (впрочем не в общей форме, а в ее конкретном воплощении). Партия по вопросу о выборгском воззвании раскололась. Между прочим, у нас находили, что выборгское воззвание ведет вовсе не только к пассивному, но и к определенно активному сопротивлению: ведь у нас власти не ограничатся легальными формами взыскания повинностей, а будут снаряжать для этого карательные экспедиции и проч. Впрочем, один вид бойкота — бойкот винной монополии — встречает сочувствие и в партии и в населении. Что касается форм дальнейшей партийной деятельности, то мы, ввиду изменившихся обстоятельств, установили наряду с официальными органами и неофициальную организацию, для чего разбились на кружки. Съезд сейчас безусловно необходим. Необходимо также издание брошюры, которая ознакомила бы население с деятельностью Гос. думы и с обстоятельствами ее роспуска. Проскользнувшее в газетах известие о каких-то переговорах некото-

рых видных членов нашей партии в Москве с представителями мирного обновления имело у нас значение скандала. Дело в том, что, если здесь вам приходится иметь дело с гр. Гейденом и др. подобными людьми, то в провинции те же правые партии представлены уже чисто черносотенными элементами, с которыми немыслимы никакие соглашения и сближение с которыми было бы неприлично.

Лапотникова (Костромской губ.). Мои впечатления относятся преимущественно к городу. Роспуск Думы произвел в Костроме страшное впечатление. Наш комитет экстренно собрался в тот же день, и на следующие — в более полном составе. Немедленно же мы издали листок с изложением деятельности Думы. С.-д. издали в Костроме 5 000 выборгского воззвания, но с изменением текста, а именно, заменили требование «народного представительства» требованием «учредительного собрания». По вопросу о воззвании в партии сперва образовался раскол: многие находили его «шумихой», другие находили его даже безнравственным (ввиду того, что «сами ведь не будем исполнять») и т. д. Однако громадное большинство решило распространять воззвание, меньшинство же высказало, что принуждено будет выйти из партии, если и съезд присоединится к воззванию.

Население к роспуску Думы относится различно: в части населения подорвано доверие к царю, частью оно осталось равнодушным, а были и такие, что выражали радость. Положение партии в губернии ухудшается. В городе оно, пожалуй, даже укрепилось, но в деревне партия тает. У нас числится 20 отделений, но некоторые из них состоят всего из нескольких лиц; некоторые члены ограничиваются лишь взносами денег и даже скрывают свою принадлежность к партии. В деревне имеют сильную организацию с.-р., в городе с.-д. Теперь у нас составилось бюро из представителей разных партий и организаций, но оно пока еще не сложилось во что-либо определенное.

Овсяникo-Куликовский (Курской губ.). Деревня реагирует на происшедшие события различно. Проведение выборгского воззвания в жизнь идет не планомерно, а стихийно. Бойкот воинской повинности едва ли состоится. Союз 17 октября прекратил свое существование. «Правовой порядок» — тоже. Левые работают усиленно. После роспуска Думы они стали любезнее и даже пробовали устраивать совместные с другими партиями собрания, но собрания эти были разогнаны.

Кн. Шаховской (Ярославской губ.). Партия в Ярославской губернии замерла под влиянием репрессий и других причин. К.-д. относятся к выборгскому воззванию вообще скептически. Население занимает какое-то выжидательное положение: и рабочие и крестьяне «ждут приказа».

Сахаров (Симбирской губ.). После роспуска Думы в Симбирске тотчас собрался комитет. Роспуска ожидали. Черносотенные элементы были довольны, но огромное большинство населения — возмущено. В деревнях крестьяне озлоблены — даже и против верховной власти.

Затем Н. Н. Черненков прочитывает, по предложению председателя, постановление Гдовского комитета от 22 июля, а Н. А. Гредескул зачитывает выдержки из письма одного крестьянина, ярко характеризующие настроение малороссийской деревни.

Протокол совещания Центрального комитета с представителями губернских комитетов.

Заседание 3 августа 1906 г. в имении «Домодедово».

О съезде. Время созыва съезда.

Ещин (Нижний). Необходимы немедленные лозунги. Осенью начнется движение крестьянское, которому тоже надо дать директивы. Во 2-й половине августа.

Петр Долгоруков. Курское — за желательность делегирования уездных и губернских групп и вообще выяснить условия, а потому лучше в начале сентября и вообще попозже (от 1 до 5 сентября).

Колюбакин. Был сторонником скорейшего (созыва). После Пензы иное. Вопросы тактики могут решаться только при осведомленности относительно настроения в стране. В крестьянстве брожение. Массовки. Будут погромы, когда полевые работы закончатся. Ранее половины сентября не следует созывать.

Кишкин присоединяется. В Москве все съезжаются не ранее сентября.

Добровольский тоже (присоединяется) к Колюбакину. Опасно давать ошибочные директивы.

Гессен. Со съездом повременить, к концу августа лозунги не выяснятся.

Лучицкий. Можно собрать съезд несколько позже — только по чисто практическим соображениям. Усталость и...[1]) партии, может быть, только кажущееся и временное. — Нужны временные директивы, напр., по отношению к крайним партиям. Съезд на середину сентября.

Федоров. С точки зрения Петербурга. Организация перестраивается. Поэтому съезд в конце сентября.

[1]) Одно слово не разобрано.

Струве — начало или половина октября.

Шингарев. Возможность разъяснения может наступить гораздо позже; но ждать этого нельзя. Хаос может рассеяться от определенных директив. Практические мероприятия запоздают, если будут даны в конце сентября.

Павел Долгоруков. За конец августа. Согласен с мотивами Шингарева. Все ждут директив. Это деморализует партию. Если будут события в сентябре и октябре, то можно (созвать) другой съезд в ноябре, например.

Вернадский и Петрункевич просят отсрочить съезд до сентября.

Грессер. Зачем нам итти в хвосте движения? Отчего же мы не дадим директив? Нечего прислуживаться. Самый поздний срок — начало сентября.

Новосильцов за вторую половину сентября.

Черненков. Дело серьезное. Осторожнее. Надо отчетливо поставить вопрос. Сейчас нельзя еще фиксировать срок.

Якушкин. Стоял раньше за конец августа или начало сентября и теперь того же мнения. Много уже определилось и теперь.

Имшенецкий. Сторонник возможно раннего созыва съезда. Однако решения ему предстоит вынести чрезвычайно важные. Нужна правильная делегация депутатов на съезд. Ранее начала сентября или конца августа трудно.

Колюбакин. Здесь забыли, что говорили вчера. Составить директивы — не значит повернуть всю страну. Нужен учет, иначе мы будем оперировать с совершенно негодными средствами.

Корнилов. Думает, что надо дать партии движение, а затем созвать съезд. Избирательная кампания, как подготовка к съезду.

Протопопов. За ранний созыв. Бездирективное состояние нас губит; не позже первых чисел сентября.

Чудновский. Не ранее первой половины сентября.

Родичев. Задача партии — вносить в движение сознание и руководить. Поэтому съезд нужно созвать как можно раньше, отступая только перед практическими препятствиями. Если партия растерялась, то нужны губернские съезды. Внешние события выяснились. Раз волнения не начались, они не начнутся, или надо это начало подготовить. Если события выяснятся в смысле победы Столыпина, зачем он вам разрешит съезд? Если же теперь не разрешит, то это очень показательно. Высказывается за 8 сентября (с точки зрения земцев).

Пржевальский. В эпоху растерянности выигрывает та партия, которая скорее разберется. Поэтому надо спешить.

Петр Долгоруков. К началу сентября можно вполне хорошо организовать съезд — ни раньше, ни позже. Партия мирного усыпления, мутная водица. Против Струве: собраться в октябре — это значит замолчать выборгское постановление.

Решено баллотировкой: конец августа или начало сентября.

Тактика до съезда. Петр Долгоруков вспоминает постановление Ц. К. о лозунгах, о выборгском воззвании. Подробное изложение суждений о выборгском воззвании: два крайние и одно среднее. Вопрос о способах конспиративной деятельности и о необходимости охранять от участия в конспиративной деятельности отдельных лиц, а может быть и учреждения партии. Разъяснение нравственного значения бойкота при его широте. Расширение форм бойкота: винная монополия, стражники, сберегательные кассы.

Вопрос о лозунгах: 1) старая Дума, 2) всеобщее избир. право, 3) ускорение созыва. Докладчик склоняется к третьему.

Доклад о технике и истории форм бойкота. Приготовить к съезду доклад о наказаниях, которые следуют за разные формы бойкота.

О слове «учредительное собрание» и «учредительные функции».

Об избирательной кампании.

О парламентаризме (уже Шипов и проч.).

О желательности восстановления аграрной комиссии. Две задачи: 1) местные земельные органы для проведения реформы, 2) изучение земельных условий.

Отношение к другим партиям. Информационные комитеты. Соотношение партий в Выборге.

Павел Долгоруков. Указывает, что необходимо дело свести сейчас к обсуждению тактических задач до съезда.

Решено обсуждать тактику до съезда.

Гессен. Важно обсудить прежде всего отношение нашей партии к право или лево стоящим партиям. Против прочных объединений, но не против информационных комитетов и временных блоков ad hoc, для определенных действий. О костромском комитете. Разделывает правые партии, указывает на невозможность сотрудничества с ними, обстоятельно предостерегает от союза с левыми и раскрывает невозможность союза с ними ввиду невозможности для них допустить нас в свои конспиративные соображения и их авантюризма.

Выборгский манифест из почтения к фракции будет одобрен, но осуществление его не может быть делом к.-д. партии. Мы не можем уйти в подполье [1]).

[1]) На поле слева приписка: «Легальная партия уходит в подполье — 155—156 чел.».

Изгоев. Поставить лозунгом требование немедленного назначения срока выборов, проповедуя, что правительство не желает выборов вовсе. О союзах с партиями согласен с Гессеном.

Васильев. О привилегиях некоторых членов партии (Мануилов). Требует автономии местных групп ввиду отсутствия директив. О крестьянском банке — не покупать земель [1]).

Струве. Солидарен с Гессеном в общем, подчеркивая, что партия на условиях выборгского постановления существовать не может. Он уверен, что блоки будут, главным образом, с правыми партиями. Если мы станем нелегальными, то не только с нами не будут заключать союзов, но наши избиратели перейдут в другие партии, и на наших развалинах восторжествует партия мирного обновления. Возражает против точки зрения Изгоева о государственном перевороте 8/VII [2]). Преждевременно становиться на точку зрения истребления правительства. Не надо преувеличивать своих сил и преуменьшать силу противника. Надо найти к съезду согласительную формулу, которая со всеми онерами по отношению к членам фракции сводила бы выборгское постановление на-нет.

Родичев. Не думает, что это неконституционное средство или чтобы оно было опасное средство, но оно не удалось. Могут ли шансы увеличиваться? Нет. Проводить это можно только явно. Подполье тут не поможет. Считает вопрос похороненным: нехватило пороху. Может быть правительство поможет, но мы тут ничего не можем сделать. А до съезда формально ничего не можем сделать.

Заявить: бойкотировать не станем, если правительство созовет в такой срок, чтобы дать Думе рассмотреть бюджет. Бойкот должен быть санкцией лозунга, требующего немедленного созыва Думы в 1906 г. во исполнение закона.

Страна недостаточно знает, что сделала Дума. Пока есть это незнание, мы не можем являться перед избирателями. Надо рассеять страх «черного передела».

Гредескул. Многим кажется, что наша тактика изменилась, что сделан неверный шаг. Отрицает это, утверждает, что выборгский шаг вытекает из нашей природы, природы большой национальной партии, ведущей не класс, а страну. Мы при этом формулировали только реальные требования, но ставили их решительно. Своего minimum'а мы должны добиваться всякими средствами, предпочи-

---

[1]) На поле слева приписка: «Почему отсутствуют директивы Ц. К?»

[2]) День разгона I Госуд. думы.

тая однако мирный путь революционному. Так мы говорили и на выборах и в Думе.

Мирные средства были исчерпаны. Нас распустили, нашу работу пресекли. Это coup d'etat. Дали бы нам свободы, если бы не требовали земли. По вопросу земли точка. Перед нами было две дороги: одна выборгская, другая — мирного обновления.

Если мы не мирные обновленцы, то minimum того, что мы должны были сделать — это выборгское воззвание. Разбор нападок. Указание на то, что левые проводят, а правые критикуют с левой точки зрения.

Отмечает, что воззвание подписано умеренными: Муромцевым и кн. Урусовым и правительство столкнулось с народом начисто. Приходится теперь добывать землю. Поэтому дело — не представительства, а народа. Выборгское воззвание и поставило эту цель перед народом. Клятву верности исполнил à la lettre только Онипко. Мы не можем и не должны были следовать этим путем; но должны были передать дело народу. Очередь теперь за народом.

Несогласен с мнением Гессена о конспирации и последствиях для партии. Съезда нам, может быть, и так не разрешат. Мы должны рисковать.

Какие последствия? Надо итти по среднему пути. Нельзя сделать этого дела делом партийной дисциплины. Тут дело личной доблести.

Если выборы будут назначены и условия их будут приемлемы, то мы можем опять войти в парламентарную форму борьбы.

Чубинский. Мы обсуждаем тактику до съезда, о важности у нас сохранить руководящие элементы общества. Продолжать дело воспитания народных масс. Общество растеряно, мы слышали, что выборгское воззвание исполнять нельзя. Мирного обновления быть не может.

Выборгское воззвание условно правильно. Если не будет выборов, пустить его в ход; если выборы будут, тогда нужда в таких мерах исчезает, и перед нами парламентарный путь открыт.

Важность скорой выборной агитации. О соглашениях — иногда важны и возможны блоки с правыми, напр., при борьбе с крестьянами левые партии нас поддерживать не станут, а будут нас проваливать.

Присоединяется к лозунгам Родичева.

Якушкин согласен с Гредескулом почти во всем, спорит против Струве и указывает на неправильность его опасений. До выборов нельзя вступать ни в какие соглашения с правыми партиями, а с левыми только ad hoc, для отдельных действий, и желательны информационные комитеты; но, как и Гессен, предостерегал бы против увлечения их теперешней любезностью.

Е щ и н. Мы — в тупике. Как отделаться от воззвания? Последствия. Изменники тут слева и справа. Воззвание невыполнимо. Об избирательной кампании говорить нечего. Лозунг — земля. Не нужно никаких переговоров с другими партиями, особенно с гр. Гейденом и К°. Временные комитеты для временных выступлений не должны быть стесняемы.

Т е с л е н к о. Мы уделяем слишком много времени менее значительному вопросу — выборгскому воззванию. Нас в подполье вдруг будто бы переводят наши избиратели. Неужели нам приходится или разойтись с ними или пойти в подполье? Им (?) предлагался компромисс, который Тесленко называет падением партии. Лучше прямо отречься. Но отрекаться не нужно, то, [что] сказано там, есть логический вывод. И прежде этого боялись. Между тем крестьяне уже фактически вступили на этот путь. Это давно можно принять, как дело партийное. Но как быть с легальностью? Легальность смешивают с открытостью. Мы закон всегда нарушали, но стремились к открытой деятельности.

Теперь наступает момент решительной схватки народа с правительством. Что же мы будем делать при этом? Крайними партиями нельзя пренебрегать. Они способны на колоссальное. Три точки зрения: 1) Наша партия пусть действует так, как раньше (помещики из «Вишневого сада»). В драке манжеты пострадают. Что же делать! Конституционное поведение — губительно. 2) Момент такой, что придется, пожалуй, вступить на революционный путь, но надо еще подождать: пусть правительство ударит еще раз. С этим тоже нельзя согласиться. Эксперименты нельзя делать, когда страна неспокойна. 3) Пусть теперь народ действует. А мы что же? Мы свой вклад в революцию сделали. Если с.-д. и с.-р. схватились распространять — это значит, что они поняли дело. Выборгское воззвание — а в т о р и т е т н о е разрешение народу не повиноваться. Это значит — со всеми последствиями, с карательными отрядами и восстанием. Теперь умыть руки нельзя.

Что же нам делать? С правыми нам соединяться нельзя. Их дефект — фанатическое преклонение перед законностью. К партиям левым нельзя так относиться, как здесь. Мы теперь можем быть отброшены в положение до Святополк-Мирского. Причина — раскол освободительного движения. Прежде с левыми нельзя было вести переговоров. Теперь они многому научились. Союза нельзя заключать, но соглашения должны быть не только о выборах, но и о забастовке, которая не... [1]); у левых мечта — осенью шах и мат правительству. Нам на

[1]) Одно слово не разобрано.

светопреставление нельзя смотреть, как на спектакль из партера. Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем. На кого мы опираемся? Родичев напомнил ему старого полководца, когда напоминал о городах и земствах: надо опираться на массы.

О войсках. Предрассудок — табу. Между тем армией ведь пользуются для политики, и в среде ее есть движение, к нам примыкающее. Пункты: 1) выборгское воззвание принять. Это не значит, чтобы мы исполнили à la lettre.

2) О легальности нечего заботиться. Это вздор.

3) Этот месяц затратить на то, чтобы энергично вступить в сношения с левыми организациями.

Чудновский. Присоединяется вполне к Гредескулу и Тесленко. Защита левых партий. Они — наши друзья, а не враги.

Шингарев. Доводит до абсурда идею легальности путем ряда примеров. Выборгское воззвание распространено в миллионах экземпляров. Мы скорее запоем отречение от старого мира, нежели отречемся от выборгского воззвания. Надо соглашаться с левыми и из центра выяснить условия соглашения и возможность объединенных действий.

Наши союзники на выборах [и] при легальности не входят в партию.

Хвостов. Мы — партия практической политики. Оценивают теперь не настоящий момент, а будущее. Я не знаю, что будет. Может быть, революция приходит к концу. Предлагает исходить из неопределенности. Лучше подождать и не противоречить прошлому партии, но и выборгское воззвание вошло в прошлое партии, хотя это и жаль. Надо партию беречь.

Корнилов. Согласен с Гредескулом и Тесленко. Указал только на оговорку в сношениях с левыми против мнения Чудновского.

Ромм. Согласен тоже. Вопрос о легальности очень нам мешал.

Аджемов. Должны послать директивы о соглашениях налево.

Струве. Вопрос о легальности сложен; можно отсутствием легальности погубить многое, лишив себя легального пути. Отстаивает точку зрения Чубинского и очень сочувствует характеристике Ещина. Благодарен Тесленко за указание на то, что неплатеж податей логически связан с вооруженным восстанием и светопреставлением.

Татаринов. Мы выразили те требования, которые могут вывести страну из ее положения. Но масса за этими требованиями не пойдет. Пропасть между приговорами и готовностью активно бо-

роться. Пусть нам левые покажут реальную возможность революционных путей, и мы на них пойдем. Чтобы крестьяне были готовы к выступлению — это оптимизм невероятный.

Протокол заседания ЦК 27 августа 1906 г. [1]).

Отчет Муханова. Придется подписать обязательство на бумаге. Свидание со Столыпиным [было] назначено после переговоров с Арб. и Кнол. 26/VIII в 5 ч. вечера. Разговор начался очень любезно комплиментами взаимными.

М у х [а н о в]. Дир[ектор] д[епартамен]та общ[их дел[мне сказал, что ответ будет дан лично.

М [и н и с т] р. Да — это от партии — как она себя назвала?

[М у х а н о в]. Да, от партии народной свободы, которое [она] себе присвоила.

[С т о л ы п и н]. Что такое делегаты?

[М у х а н о в]. Объяснение — че[лове]к 500 номинально, фактически 300—400.

[С т о л ы п и н]. Да, но по закону — союзы только профессио-н[альные], а ваша партия до сих пор не легализована.

М у х а н о в. (Объяснения).

[С т о л ы п и н]. В уставе не указаны ц е л и общ[ест]ва. Цель — распр[остранение] к.-д. идей, но ведь такую цель м[огут] выставить и с.-р. У вас есть крайние люди. Вы могли бы собрать ваше собрание просто как собрание, с заявкой градоначальнику. Собрание партии не м[ожет] б[ыть] делегатским — это д[олжны] б[ыть[просто члены партии.

М у х а н о в. Объясняет, что такого съезда градоначальник не допустит, да и нельзя найти места, разве на Цариц[ыном] лугу. (Критика Павла Долгорукова и рассказ о московских приключениях).

[С т о л ы п и н]. У вас программа съезда не указана; если сапожники — я знаю, что они будут делать.

(М у х а н о в читает заметку о докладах.)

[С т о л ы п и н]. C'est très vague. Вы обращаетесь с правительством, как с Иванушкой-дурачком.

М у х а н о в. Если нельзя — откажите.

[С т о л ы п и н]. Да, но вы хотите, чтобы мы разрешили — ведь это слабость, а мы — сильная власть, а у вас бог знает что (Саратов, Астрахань), разговоры о выборгском воззвании [будут].

[М у х а н о в]. Конечно, разговор о нем м[ожет] возникнуть, но угодно ли вам разрешить съезд? Я уполномочен сегодня брать на

[1]) Воспроизводится по черновику протокола, написанному карандашом.

свою ответственность всякие ограничения: принять, напр[имер], закрытое собрание.

[С т о л ы п и н]. Мы — сильная власть — не м[ожем] допустить скандала. Мы не можем итти на введение войск, на закрытие собрания в столице.

М у х [а н о в]. Войск не требуется, мы люди мирные, на баррикады не ходим.

[С т о л ы п и н]. Да, но вы в Москве с полицмейстера фотогр[афии] снимали и глумились над ним.

М у х а н о в. Отповедь и рассказывает, как он принимал полицмейстера в Чернигове.

[С т о л ы п и н]. Нет, этого допустить мы не можем. Нужна гарантия. Вы должны пройти через регистрацию по всей России, а пока вы не общество.

Партия правового порядка получила отказ.

М у х а н о в возражает и приводит в пример «Русских людей».

Вы хотите нас лишить возможности участвовать в выборах, если будет Дума.

Ответ С т о л ы п и н а. Обвинение в революционных замыслах — особенно провинц[иальных] отделов. У нас есть лица, настроенные революционно и распростр[аняющие] выборг[ское] воззвание.

М у х [а н о в] об этом не хочет говорить, но рисует ему последствия стеснения к.-д. в форме борьбы двух крайних сторон.

С т о л ы п и н. Ваши предположения преждевременны.

М у х а н о в высказывает, что он просто хочет устранить нас из Петербурга. Заключение вразумительно сентиментальное.

На это С т о л ы п и н вновь требует гарантий от Муханова.

М у х а н о в указывает, как невыгодно прав[ительст]ву нас толкать влево.

[С т о л ы п и н]. Нет, мы этого в столице допустить не можем.

М у х а н о в говорит, что если до завтра не будет ответа, то он считает, что получил от Столыпина отказ. Так и скажу корреспондентам, а с ъ е з д б у д е т. Я лично тоже должен уехать.

С т о л ы п и н просит подождать до среды. Во вторник Совет министров. В среду утром [пришлет] извещение, когда притти за ответом, и будет предложена письменная подписка. Считает Милюкова, Гессена и Муханова за порядочных людей. Думает, что Муханов не подпишет того условия, которое ему будет предложено.

Р е з ю м е: 1) Столыпин не признает партии подлежащей регистрации.

2) До какого же предела могут итти уступки о программе съезда?

Дополнительное объяснение Муханову С т о л ы п и н ы м, почему он считает нашу партию революционной — выборг[ское] воззвание.

Ответ М у х а н о в а, что выборг[ское] воззвание есть революц[ионный] ответ на революц[ионные] действия прав[ительст]ва.

О дилемме, которую нам ставит Столыпин.

Организация съезда в Стокгольме. Необходимость конспирации.

1) Съезд придется отложить до октября, по крайней мере.

Гессену.

2) Аналогия двух моментов неверна, тогда было поправение, теперь полевение.

Решено созвать во вторник, в 11 часов утра, заседание пленарное Ц. К.

Вопрос о приеме английской депутации.

1) Надлежит ли признать, что мы должны принять руководящее участие?

2) О расходе.

3) О времени приезда.

Постановления Ц. К. 29 и 30 августа 1906 г.

29/VIII 1906 г.

1) Оставить при сношениях со Столыпиным полномочия Муханова в полной силе, причем если в предложенной ему к подписи бумаге будет что-либо совершенно неожиданное и на первый взгляд приемлемое [?], то он может отсрочить свой ответ и указать на необходимость спросить мнение Ц. К. Что касается обстановки съезда, то допускаются все уступки, даже и устранение корреспондентов, даже и присутствие полиции в закрытом заседании съезда.

2) Вопрос об отложении съезда решен определенно: он должен будет собраться 8 сентября.

3) Вопрос об английском визите. Отложить.

30/VIII 1906 г.

Телеграмма Муханову.

1) Министр вн. дел не признал возможным разрешить съезд. Тов. министра Макаров.

2) Доклад о легализации и отказе в съезде поручено составить Корнилову.

3) Съезд оставить 8 сентября.

Протокол Ц. К. 5 сентября 1906 г.

1) Доклад Муханова о съезде. Повторение рассказа 27/VIII.

2) Доклад Протопопова. Финляндцы напоминали того адвоката, который уже получил гонорар. К властям обращаться не советовали. Собрание ваше будет частное. Будет новый закон. Впрочем, это вас не касается, так как и новый закон иностранных не касается. Телеграммы. Поехал в Стокгольм. Видел представителей разных партий. Все одинаково дали заметить, что им собрание будет неприятно. Мы — государство маленькое и проч. Властей трогать не советовали. Физическое неудобство — недостаток мест в пароходах. В Гельсингфорсе на обратном пути сообщили сведения благоприятные.

Заключения Протопопова, в конце концов, здесь уже стали пессимистическими ввиду сведений, напечатанных в «Товарище».

О съезде.

1) Единогласно решили вопрос, что изменять теперь состав съезда нельзя.

2) Местом сбора остается Петербург.

3) Следует ли указать теперь же дальнейший маршрут и возможные перемены (Гельсингфорс — Стокгольм). Не следует указывать.

Якушкин. Просит обсудить вопрос о поведении перед следователем по поводу выборгского воззвания.

О легализации.

Доклад Набокова. Вопрос об обжаловании решен в том смысле, что отложить до конца срока 2-х недель.

Доклад Колюбакина.

Напоминает тактику, принятую в Териоках и в Москве в августе.

1) Выборгское воззвание было распространено в массе экземпляров при большом содействии населения.

2) У противников воззвания нет доказательства, что оно не принято. Ответственность ложится на нас. Уклонение будет моральной смертью партии. На выборах ее вытолкают. Совершенно будет иное, если партия будет проводить прежнюю точку зрения. Репрессии будут, но и без того будут. Компромиссы с правительством невозможны.

Нам и важно не отношение правительства, а отношение к нам населения. У нас нет престижа среди населения. Он будет благодаря репрессиям.

Напоминает тактику, предложенную Шаховским 4/VIII 1906. Вся наша деятельность только при выборах (она блестяща), а во всех других случаях позорное бездействие. Думу не поддержали. Удобными моментами не воспользовались. Разброд, раскол, отпадение 3 элемента на местах. Пока настроение такое, что мы можем еще все это схватить благодаря разгрому крайних партий, но можно только работой.

О легализации.

1) Местным отделам пока не давать указаний об отдельной легализации по 17 ст.

2) О положении дела дать циркуляр.

Милюков. Две задачи: 1) заставить правительство созвать Думу, 2) избирательная кампания. Теперь, по его мнению, если мы займемся первой задачей, то упустим вторую и таким образом сыграем на-руку правительству. От этой постановки вопроса зависит и наше отношение к выборгскому манифесту.

Остановиться на пассивном сопротивлении теперь нельзя — оно непременно перейдет в активное. В городском населении и организовать пассивное сопротивление невозможно. Мы должны от всего этого отказаться и заняться выборами. Но при этом мы должны сказать, что принцип пассивного сопротивления мы очень уважаем, и теперь олько держаться его не можем.

Указать, что роспуск Думы нас освобождает от признания основных законов. Отсюда возвращение к учредительным функциям Думы.

Записки Н. М. Романова.

В XXI томе «Красного архива» была напечатана записка Н. М. Романова о его встречах с Л. Н. Толстым в Крыму осенью 1901 г. Публикуемые ниже пять записок его относятся к событиям более позднего периода, а именно к 1914—1916 гг. Время составления этих записок (кроме первой и третьей) относится к концу 1916 г. и послефевральским дням 1917 г. В основу второй записки легли, очевидно, поденные записи 27 июля — 17 октября 1914 г., форму которых автор хотя и сохранил при их дальнейшей обработке, но местами ввел в текст указания на события, имевшие место значительно позже. Такова, например, запись от 29 августа 1914 г. с упоминанием о смерти преображенца Холодовского осенью 1916 г. Таково же, далее, замечание о письмах его к М. Ф. Романовой: «Многое, что я предвидел, оправдалось *впоследствии*, *но в то время* радужных надежд мало кто верил моим предупреждениям, чтоб не сказать, предсказаниям». Позднейшая обработка этих поденных записей виденного и пережитого на фронте наложила известный отпечаток на изложение многих событий, непосредственная оценка которых, под воздействием новых фактов, впоследствии подверглась изменениям. Поэтому приходится ставить под некоторое сомнение и «предсказания» автора (например, сентябрьское 1914 г. о том, что Николай II возьмет на себя верховное командование, когда «нас побьют да мы отступим, тогда можно будет попробовать») и искренность некоторых его характеристик событий и персонажей эпохи империалистической войны и разложения монархии.

Записки располагаются здесь в хронологическом порядке. Первая содержит рассказ о посещении автором Николая II и его жены в начале февраля 1914 г.; здесь представляют интерес высказывания Николая II о Коковцове, Кассо, в. к. Марии Павловне, И. И. Воронцове-Дашкове и др. Бо́льшую ценность имеет второй документ, содержащий поденную запись пребывания Н. М. Романова на фронте с 27 июля по 17 октября 1914 г. в качестве «состоящего при штабе главнокомандующего юго-западным фронтом для поручений». «Поручения» состояли главным образом в объезде фронтовых частей для передачи благодарностей за «боевую работу» от имени царя или главнокомандующего, а также для «подтягивания» начальства тыловых учреждений. Автора держали в стороне от более активного участия в военных операциях, но он имел возможность непосредственного соприкосновения с верхушечной частью командного состава, начиная с самого главнокомандующего в. к. Николая Николаевича. Это дает значительный интерес его записям встреч, а также картин боевой обстановки фронта. Перед читателем проходят фигуры известных генералов эпохи империалистической

войны — Иванова, Алексеева, Рузского, Янушкевича, Данилова, Эверта и мн. других. Большинство виденных автором генералов характеризуется им как «случайные карьеристы, любители наград и отличий, но вовсе не типы боевых генералов». Сам верховный главнокомандующий Николай Николаевич — «бесцветен... при отсутствии мозговых тканей для вдохновения». «Противная компания» его — Янушкевич, Данилов, Ронжин, Кондзеровский, составляющие «мозг» действующей армии, совершенно неспособны руководить операциями в огромном масштабе развернувшегося на тысячи верст фронта войны. Наряду с плохим снабжением и дезорганизацией в тылу на фронте — генеральские интриги, взаимоподсиживание, отсутствие четкого стратегического плана, бездарное руководство, ведущее к огромным потерям. Все эти явления, в достоверности которых не приходится сомневаться, автор наблюдал на пространстве от Киева до Варшавы уже в первые два месяца войны. «Вся эта военщина», — уверяет он, — ему была «глубоко противна, и зачатки непримиримого социализма все растут и растут, а когда подумаешь о том, что делается у берегов Невы, в Царском селе — Распутины, Маклаковы, Щегловитовы, всякие немцы и плеяда русских, им сочувствующих, то на душе становится жутко» (6/IX). Явно недостаточная подготовленность России к войне (отсутствие снарядов обнаружилось уже ранней осенью 1914 г.), разрыв между «обществом» и властью, германофильство царицы заставляют автора весьма пессимистически оценивать перспективы войны. «Она поведет, — полагает он, — к тому, что во всех странах произойдут громадные перевороты: мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдется без крупных волнений и беспорядков»...

Будущий лидер великокняжеской фронды стоял на позиции империалистической программы «войны до победного конца», во имя чего, как это видно из далее печатаемых записок его, он готов был даже, в согласии с вождями буржуазной общественности, пожертвовать судьбой возглавлявших династию лиц.

Третий из печатаемых ниже документов идеологически связан с предыдущим. Он содержит историю кратковременного управления военным министерством ген. А. А. Поливанова, назначенного царем, под напором шовинистической агитации либеральной буржуазии, после галицийских неудач и отставки Сухомлинова. Между прочим, записка начинается характерной тирадой о значении царствования Николая II, дающего «обильный материал для будущего историка: на что была обречена Россия при режиме самодержавия даже после знаменитого акта 17 октября 1905 г.». Записка проникнута горячим сочувствием к судьбе Поливанова, лишенного царем возможности организовать победоносное окончание войны.

Ряд любопытных моментов эпохи окончательного разложения романовской монархии отражен в четвертом из печатаемых здесь документов. Это записи об убийстве Распутина, сделанные 18—19 декабря 1916 г. со слов непосредственного участника убийства — Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон. В них содержится ряд неизвестных до сих пор подробностей организации убийства Распутина, имевшей своей главной целью предотвращение надвигавшейся революции. Еще больший интерес представляют дальнейшие записи — именно тех дней, когда Н. М. Романову, как инициатору обращения группы

вел. князей к царю с просьбой о смягчении участи в. к. Дмитрия Павловича и лидеру династической оппозиции, было предложено от имени царя оставить Петроград и поселиться в имении Грушевке. Негодование Н. М. Романова против царя и царицы вылилось в яркой реплике: «Александра Федоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?» и в отзыве о царе как о «подлой душонке». По пути в «ссылку» Н. М. Романов виделся в Киеве с членом Госуд. думы В. В. Шульгиным и будущим министром Врем. правительства Терещенко, уверившими опального вел. князя в близости конца николаевского режима. По приезде в Грушевку настроение автора записок переходит даже в сожаление о том, что Дмитрий Павлович и Юсупов «не докончили начатого истребления».

Наконец, последняя записка носит характерный заголовок: «Как все они предали его», т. е. Николая II. Это патриотический памфлет, направленный против алчной феодально-дворянской клики, которая окружала последних царя и царицу плотной стеной в благополучные годы и которая мгновенно рассыпалась в дни февральской катастрофы, не сделав ни шагу для защиты своего владыки. Здесь дело было, разумеется, не в отсутствии личного престижа последнего царя и неумении его установить сердечную связь с ближайшими своими высокопоставленными «верноподданными».

В целом записки дают значительный материал для уяснения некоторых сторон событий, непосредственно предшествовавших Февральской революции. Автор этих записок делал попытки активно вмешаться в ход политических событий после отречения Николая II. Он состоял в переписке с Керенским, Львовым и др. членами Временного правительства и был посредником между правительством и великими князьями в коллективной организации ими их лукаво сформулированных отказов от «прав на российский престол». Октябрьская победа пролетариата быстро и навсегда устранила с политической арены и буржуазных союзников автора печатаемых записок и его самого вместе с другими представителями романовской династии.

1914 г. [1])

В воскресенье, 2-го февраля, я получил от государя депешу: «Приезжай к нам завтракать во вторник». В назначенное время, 4-го числа, я был на месте, а так как у его величества был доклад министра иностранных дел Сазонова, то меня позвали к Александре Федоровне. Она была здорова и в духе. Встретила меня словами: «Dieu sait, quand je t'ai vu la dernière fois», [2]) а я шутливо ответил: «Au moins 10 ans de cela». [3])

Кажется, действительно, я ее не видел с прошлого года, т. е. с 6-го мая 1913 года, до их отъезда на Волгу на романовские торжества. Сей раз ее величество была замечательно приветлива и разговорчива, расспрашивала обо всем, т. е. о бале у графини Клейнмихель, о бале

[1]) Особый отдел Моск. Центр. Ист. Архива. — Заголовки здесь и далее подлинника.

[2]) «Бог знает, когда я тебя видела последний раз!»

[3]) «Не менее 10 лет назад».

у Е. В. Шуваловой, о французах, гостящих у Марии Павловны [1]), о моих исторических работах и т. п.

Так как государь долго не являлся к завтраку, а уже вошли все дочери и маленький наследник, то она предложила мне начать закусывать. Наконец, в 1 ч. 15 мин. вошел государь, и я ему подал фигурку извозчика от Фаберже из разных камней, изящно сделанную. «Благодарю вас, Николай Михайлович», — промолвил государь, а я дополнил: «Видя, что я нахожусь в полуопале, а теперь позван к вам, то будьте милостивы принять от меня эту взятку».

Его величество расхохотался, и мы сели завтракать. Никого кроме детей не было. Сразу пошел оживленный разговор. Государь меня спрашивает: «А что вы скажете, Николай Михайлович, на мой последний coup d'état?» (намекая на увольнение Коковцова [2]), последовавшее в пятницу 31-го января). Я быстро ответил по французски: «Cette fois, sire, vous avez surpassè le charmeur de Tilsit»[3]), что, видимо, понравилось Николаю Александровичу. Затем речь пошла о французах, гостящих у Марии Павловны, и о ней самой. Удивляются ее бестактности и мании величия и приводили различные примеры в доказательство. Зная, что 19-го марта должен состояться 100-летний юбилей лейб-драгун, которых шефом состоит Мария Павловна, государь с усмешкой добавил, что не может еще догадаться, чего она пожелает к этому дню. Александра Федоровна при этом заметила, что она будет отсутствовать, чтобы не помешать Марии Павловне быть на параде и занимать первое место. Тогда я вдруг брякнул: «А знаете что, ваше величество, дайте ей на юбилей драгун титул вдовствующей императрицы!» Общий хохот всех дочерей царя и царицы был ответом на мое замечание.

После этого речь зашла о последних книжках кн. Барятинского и Михайлова о тождестве сибирского старца Федора Кузьмича с Александром I. Я воспользовался случаем разъяснить в сотый раз всю нелепость этой легенды, а также стремление известной [части?] нашей публики к возведению старца в лоно святых. Рассказывал о нападках на меня, что разрушаю высокосимпатичную легенду, прославляющую жизнь благословенного монарха, которая пошла бы только на пользу и на популярность царствующей династии. Затем заговорили о Кассо [4]) и его кандидатуре в Историческое общество. Государь защищал его от нападков за Денисовскую историю и очень расхваливал этого человека.

Вскоре после завтрака мы вдвоем с государем удалились в его ка-

---

[1]) Мария Павловна, вдова в. к. Владимира Александровича.

[2]) Коковцов, В. Н., председатель Совета министров и министр финансов, уволен от этих должностей 30/I 1914 г.

[3]) «На этот раз, государь, вы превзошли тильзитского обольстителя».

[4]) Кассо, Л. А., министр нар. просв. с 26/IX 1910 г. по 26/XI 1914 г.

бинет, где я ему сделал подробный доклад о текущих делах по Историческому и Географическому обществу. Засим его величество меня спросил, нашел ли я ему кандидата на Кавказ в случае кончины графа Воронцова-Дашкова [1]). Я сказал, что для места командующего войсками наиболее подходящий генерал Мышлаевский [2]), но будет ли он так же хорош, как царский наместник, это еще вопрос. Дело в том, что на предыдущей беседе на эту тему я высказывался за уничтожение наместничества на Кавказе, а государь был противоположного мнения.

Беседа наша затянулась, шел четвертый час, и в окно я видел вереницу экипажей, везущих нового французского посла Палеолога [3]) и чинов посольства; я начал вставать и откланиваться. Вставая, государь еще спросил: «А что поделывает князь Юрий Трубецкой?» [4]) Я ответил, что «очень в духе после сдачи конвоя». На это государь заметил: «Да, но и конвой теперь, наконец, вздохнул свободно с его уходом!» Прощаясь, государь меня обнял, что случалось редко — значит, одобрил мое поведение.

1914 г. Конец июля — август [5]).

Война была нам объявлена Германией 19-го июля, а 27-го я тронулся с Брюммером, Трубецким и Корфом в Киев, а оттуда в штаб юго-западной армии, так как назначен по собственному желанию в распоряжение ген.-ад. Иванова [6]). Выбрал именно его, как лучшего из худших.

Не только в Петрограде, но и всюду по России настроение великолепное, общий подъем духа, уверенность в победе; война с немцами популярна, и это — одна из причин таких восторженных чувств не только общества, но и народных масс. Надолго ли хватит такое настроение, это другой вопрос. Повидимому, во Франции и Англии такого общего подъема духа нет налицо, но и там война популярна, хотя французы чувствуют, что на сей раз они играют ва-банк. Как и надо было ожидать, немцы, нарушив нейтралитет Бельгии, всеми силами нагрянули на Францию. Их главнокомандующий ген. Жоффр — величина еще неизвестная, но, говорят, он воли железной, а это залог дальнейшего успеха. Вероятно, чтобы облегчить [7]) натиск германских

[1]) Воронцов-Дашков, И. И., гр. (1837—1916), наместник на Кавказе, главноком. войсками Кавказского военного округа.

[2]) Мышлаевский, А. З., помощник по военной части наместника на Кавказе; в 1914 г. уволен в отставку, в 1915 г. назначен в распоряжение военного министра.

[3]) Палеолог, Морис, французский посол в Петрограде (1914—1917).

[4]) Трубецкой, Г. И., кн., ком. собств. е. в. конвоя в 1906—1913 гг.

[5]) Заголовок неточен. Следует: «Октябрь».

[6]) Иванов, Н. И. (1851—1919), ген.-ад., с 19/VII 1914 г. по 15/III 1916 г. главком. армиями юго-зап. фронта.

[7]) Так в подлиннике.

войск на французов, мы увлекаемся быстрым наступлением в Восточной Пруссии!

Если это делается с подготовкой, то хорошо, если же без оной, а просто на-ура, то возможны всякие неприятные случайности. Личность Ренненкамфа лично не внушает никакого доверия; Жилинский, хотя умен, но кабинетный работник, теоретик, без искры вдохновения и принадлежит к разряду неудачников; Самсонов по нраву симпатичен, но человек увлекающийся. Все это вместе взятое дает мало шансов на прочный успех. Первые мои впечатления в Киеве не особенно важные. Федор Трепов [1]) и его двор — антипатичны: в городе ничего не подготовлено, изобилие всяких властей, враждующих между собою; госпитали плохо оборудованы, и уже теперь чувствуется недостаток марли. «Красный крест» и военные медицинские власти тоже не ладят. Остановился я в отеле «Континенталь», где масса всякого проезжего люда и столько же сплетен. Прочел удивительный манифест к полякам, скорее воззвание, за подписью вел. кн. Николая Николаевича, а не государя, что меня озадачило, потому вряд ли все обещанное — чистосердечно, а, вероятно, исторгнуто у царя насильно, иначе он сам подписал бы такого рода документ. Поляки пока в диком восторге. Удивляюсь их наивности.

31/VII выезжал в моторе, чтобы явиться ген. Иванову, штаб которого в Бердичеве. Путь туда по хорошему шоссе (174 версты) совершили быстро. Первая встреча с начальством радушная. Н. И. Иванов — русский мужичок, простой, недоверчивый, но приветливый, очень набожный, добрый старик, но кунктатор во всех своих действиях; по душе вполне русский, любим солдатами и офицерами, но гениальности ни малейшей. М. В. Алексеев, профессор Николаевской академии генерального штаба, бывший командир XIII корпуса (в Смоленске), — прекрасный работник, но, кажется, без широкого горизонта. Встретил также командующего 3-й армией Рузского: с лисьим выражением лица, в очках, но болезненный и нервный — в этот день, когда он куда-то собирался переезжать, получив какие-то директивы, мало его удовлетворявшие. Обменялись приветствиями, и только. Поздно вечером вернулся обратно, получив приказание явиться в Ровно, новое место для штаба армии, куда я прибыл в моторе 4/VIII.

Штаб Иванова расположен в одной из казарм. Николай Иудович мне болтал, что скоро пошлет в первую командировку, что меня очень обрадовало, но, куда и к кому, не сказал. Здесь же впервые

---

[1]) Трепов, Ф. Ф., ген.-ад., пом. принца А. П. Ольденбургского по санит. части (июль—декабрь 1914 г.); киевский, волынский и подольский генерал-губернатор.

я с ним условился относительно наших дальнейших отношений. Я обещал ему ни во что не вмешиваться, а взамен этого получил разрешение столоваться отдельно. Это меня как нельзя больше устраивало во всех отношениях. Лишь одно лицо в его штабе меня неприятно поразило — это хлыщ и вральман фл.-ад. кн. Анатолий Барятинский, к сожалению, его фаворит и доверенный человек. Сблизились они между собою еще при совместной службе в Киеве.

7/VIII отправился с Никитой Трубецким в Проскуров (очевидно [1]) Василий и повар). Оттуда долго скитался по скверным дорогам в поисках штаба 8-й армии Брусилова, которого, наконец, нашел в верстах 18-ти от австрийской границы в местечке Фельшин. Этот генерал, которого знавал, еще служа на Кавказе, произвел ободряющее впечатление. Маленький состав штаба, решимость действовать энергично, «не жалеть патронов и снарядов», что сказал передать главнокомандующему, ясность речи, отсутствие всякой позы и уверенность в своих войсках.

Передав ему приказания ген.-ад. Иванова, вернулся в Проскуров, где осмотрел лазареты, нуждающиеся во многом. Затем направился в Жмеринку, где повидался с проф. Заболотным, специально командированным для борьбы с холерой, которая появилась вдоль течения Буга, унося порядочно жертв — до 30% заболевающих, но, по мнению профессора, при энергичных мерах она скоро прекратится. Всюду посетил госпиталя, раздавая кресты и медали раненым, которых пока немного, а затем был еще в Виннице и ее окрестностях с теми же поручениями. В числе раненых попадаются уже австрийцы, которые все наперечет ругают вовсю Вильгельма, как зачинщика войны, которой никто из населения Австрии не желал. 11/VIII вернулся в Ровно. Иванов остался доволен первым опытом моей посылки. Никогда не испытывая влечения к военной, строевой службе, я радовался, что хоть чем-либо могу быть полезным в такую годину.

12/VIII прибыл из Барановичей рано утром верховный [2]) и потребовал меня первого в свое отделение, в вагон. Был изысканно любезен, приветлив, но не сообщил о цели приезда, а я не расспрашивал; так как одновременно с ним появился в Ровно и епископ Евлогий с иконой Почаевской божьей матери, то был на площади молебен и общее прикладывание к святыне. Сей Евлогий, которого я встречал в первых трех Госуд. думах, порядочный фокусник и иерарх новейшей школы, где все средства оправдывают цель. Он уже теперь предвкушал [удовольствие] обращать галичан в православие, что так не-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Николай Николаевич, вел. кн., верх. главнокомандующий всеми вооруженными силами России (июль 1914 г. — август 1915 г.).

удачно, чтобы не сказать преступно, практиковали впоследствии во Львове и окрестностях. Но, конечно, и Николай Николаевич и Иванов нянчились еще больше с ним, чем с чудотворной иконой. В свите великого князя заметил его дурачка брата Петра [1]), француза и англичанина — Лагиш [2]) и Вильямс [3]), светл. кн. Голицына, начальника штаба Янушкевича, ген.-квартирмейстера Данилова (черного) и массу адъютантов.

Ни Янушкевич, ни Данилов не произвели на меня хорошее впечатление; один любезен, всесторонен и сует свой нос во все, при врожденной вкрадчивости; другой сосредоточен, говорит мало, вид имеет смышленый, но блуждающие злые глаза и вся фигура олицетворяют непогрешимого высшего чина генерального штаба.

Сам верховный так же бесцветен, как и всегда, но осанка и походка, а также голос, словом, вся манера себя держать, вселяют «решпект» и повиновение, при отсутствии мозговых тканей для вдохновения. Не верю я в эти способности. Каюсь, если ошибусь.

Оказывается, вся верховная поездка сводилась к переменам в личном составе. А именно, 4-ю армию барона Зальца получает привезенный в поезде верховного ген. Эверт; Антона Егоровича обличают в нерешительности и физической слабости, что легко возможно; отрешили от командования корпусом ген. Романенко (с назначением, как и Зальца, в Военный совет), а также дивизионных генералов Безрадецкого, де-Витт, Жигалина, последнего просто за трусость. Для меня выяснился тоже факт нападения австрийцев на Люблин (т. е. на армию Зальца) и желание ген.-ад. Иванова стремительно атаковать врага в районах Томашева, Брод и Львова.

Из комических сцен были свидетелями общего лобызания наших представителей генерального штаба Янушкевича, Данилова, Ронжина и Кондзеровского с вновь назначенным Эвертом. Противная компания! А при Николае Николаевиче нет ни одного даровитого советника, а лишь группа случайных людей и даже выскочек режима Сухомлинова. Все это приходится молча думать и упорно молчать, но не скрою, что Марии Федоровне [4]) сообщил свои опасения за будущее. Ей пишу регулярно каждую неделю, но не по почте, а со своими людьми.

Жизнь в Ровно приняла весьма однообразный характер. Ежедневно посещал госпиталя и раненых, которые стали прибывать массами с

[1]) Петр Николаевич, вел. кн., ген.-ад., сост. при ставке верх. главнокомандующего.

[2]) Лагиш де, франц. военный атташе; сост. при ставке верх. главнокомандующего до мая 1916 г.

[3]) Вильямс, Г., бриг. генерал, нач. английской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

[4]) Мария Федоровна, вдовств. императрица.

последних боев и наполнили скоро все лазареты. Много ужасных поранений, особенно между австрийцами.

Бедные австрийцы лежат вместе с нашими героями и удивляются добродушию наших солдатиков. Настоящих немцев, как французы уже успели их прозвать — бошей (boches), еще не удалось встретить, но и их придется, возможно, скоро лицезреть.

Шныряют разные гастролеры по «Красному кресту», вроде М. Стаховича [1]), принца Ольденбургского [2]), местных помещиков Исакова и Андро, но более катаются, как угорелые, в автомобилях, чем приносят пользу! А наладить дело с госпиталями давно пора. Неурядица идет полная, раненые прибывают, а во всем недостатки — в марле, в белье, даже в медикаментах. На-днях в Бродах, по словам члена Госуд. думы Демидова [3]), творилось что-то невообразимое. На том пункте, где прибывали раненые, нехватало воды, не только для варки пищи, но и питьевой; люди не ели по 3 дня, у многих ничего не перевязали. Думскому отряду на 100 кроватей, при 2-х врачах и 2-х сестрах, пришлось иметь дело с 6 000 ранеными.

Конечно, большинство поехало дальше, не получив медицинской помощи. Из этих шести тысяч четыре прибыли в Ровно, большая часть которых была плохо перевязана, а вследствие этого у многих появились признаки заражения крови. Вот она — эта медицинская помощь!

Ведь Москва и Киев не за горами, а уже в начале войны обнаруживаются те же недостатки, как и в японскую кампанию.

То, чему я был свидетелем на вокзале Луково и лично осмотрел в имеющихся здесь госпиталях, представляло ужасающую картину. Все дома этого городишки переполнены ранеными — нашими и австрийцами: на вокзале суматоха, путаница целый день, всякие власти распоряжаются без толку и еще увеличивают общую неурядицу. Здесь стоят поезда с пленными, не находя выхода: одновременно прибывают воинские поезда с частями III Кавказского корпуса ген. Ирмана, которые немедленно идут дальше и не задерживаются; часть раненых находится здесь же на вокзале, — из помещения 1-го и 2-го класса сделана временная приемная — не то лазарет, не то приемный покой; врачи и сестры работают целые сутки, и их деятельность заслуживает только похвалы.

Насколько деятельна младшая братия, настолько же из рук вон плохи всякие уполномоченные, т. е. те же Стаховичи и А. П. Ольденбургский, представители «Красного креста», все критикующие и ни-

---

[1]) Стахович, М. А., член Госуд. совета.

[2]) Александр Петрович, принц Ольденбургский, ген.-ад., главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью во время мировой войны.

[3]) Демидов, И. П., член IV Госуд. думы от Тамб. губ., кадет.

чего не создающие кроме розни и вражды с медицинским ведомством.

Что касается военных действий, то я не вижу еще осязательных успехов. Да, наступают, но как-то порывами, б е з в с я к о й с в я з и, большинство генералов забывают общую цель, а думают лишь о личных лаврах. Рузский и Брусилов идут наперегонки, чтобы занять Львов: отсюда их сдерживают, желая заманить австрийцев в ловушку, но тщетно. Между тем эти австрийцы, заняв слабые пункты, где возможны прорывы, нажимают большими силами на Люблин (от 7 до 9 корпусов), где начальство принял Эверт над нашими войсками. Нет солидарности между штабами нашими — юго-западного фронта — и верховным: Янушкевич и Данилов вмешиваются во все, и нашим приходится считаться с требованиями из Барановичей, идущими вразрез с их планами. Это только цветочки, а плоды такой ужасной системы еще впереди.

Все свободное время посвящаю госпиталям, где стараюсь именем главнокомандующего навести порядок. Громадный процент тяжело раненых, особенно тяжкие головные раны с обнаженными мозгами: эти несчастные — без сознания, но живут, что видно из движения рук и ног, которые как-то особенно поддерживают.

Смотреть на это тяжело. Мой спутник, егерь Василий Куприянов, вчера не выдержал и брякнул: «Просто тошно от чужих страданий». И он прав вполне. И это только начало кровопускания — оно продлится еще целые месяцы и годы, — в этом я глубоко убежден. Узнал, что за два дня ген. Эверт уволил пять генералов, прислав Иванову такого рода телеграмму: «Уволил таких-то, но куда их девать?» Депеша не лишена известного юмора, но лишь бы был толк.

19/VIII уже в третий раз посетил наш штаб верховный, но остался только 1½ часа и отбыл куда-то дальше. Николай Николаевич взволнован и нервен, так как получены дурные сведения из Франции, а наши на северо-западном фронте или зарвались или напутали: второй день нет сведений о второй армии Самсонова; вероятно, случилась какая-то катастрофа.

Несмотря на пресловутое воззвание Николая Николаевича к полякам, польские «сокола» постоянно жарят по нашим войскам, да еще разрывными пулями: мне показывали целые пачки таких патронов, не то «дум-дум», не то охотничьи с воском внутри, — словом, страшно разрушающего свойства. Вот тебе и Гаагская конференция! Почем мы знаем, что австрийцы обещали ляхам, возможно что-либо повкуснее набора витиеватых слов воззвания!

В штабе говорят, что погибли генералы Самсонов, Клюев, Мартос и Пестич, значит, большая часть 2-й армии, XVII и XV корпуса и, ве-

роятно, 3-я гвардейская дивизия. Видимо, постигла у Мазурских озер крупная неудача наши войска, которые, вероятно, попали в западню, ловко скрытую германцами.

По ночам находят на меня бессонницы, потому мысль работает и не дает покою, а именно: к чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут ее конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всех странах произойдут громадные перевороты: мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдется без крупных волнений и беспорядков, когда самые страсти улягутся, а вероятий на это предположение много, особенно, если правительство будет бессмысленно льнуть направо, в сторону произвола и реакции.

20/VIII вечером штаб и я пробрались в Луково. Предчувствуя, что по части провизии здесь не разгуляешься и пользуясь суетой устройства нового местопребывания штаба, я отправился на моторе с Василием в Седлец, в 27-ми верстах от Луково. Кроме 5 верст, прекрасное шоссе по приветливой местности, лесисто-песчаной, с ручейками и рощами по сторонам дороги. Siedliz оказался чистым и хорошеньким городком, где мы накупили колбасы всех сортов, томатов, слив, груш, сардинок и открыток для писем: попали в базарный день, и городок казался оживленным. К завтраку вернуясь в Луково. Здесь неожиданный сюрприз.

На вокзале, где разместился штаб и находился мой салон, я застал 2 батальона 82-го пехотного Дагестанского полка, коего я числюсь шефом, едущих из Грозного к нам в армию. Пришлось здороваться с нижними чинами, сказать им прочувственное слово, познакомиться с офицерами, словом, произвести такого рода церемониал, который я не любил и в мирное время, а в военное время эти шефства скорее обременительны и смешны. Пользы для дела никакой. Люди произвели хорошее впечатление, офицерский состав очень разношерстный, но, вероятно, и этот полк окажется не хуже славных кавказских частей вообще, которые все предназначались на убой на западном фронте, так как Турция пока не объявила нам войны, что скоро неминуемо должно произойти несмотря на все ее мирные заверения.

В Лукове расположились 4 запасных полевых и один полевой лазареты. Все они могли бы быть лучше обставлены, но многого недоставало — самого необходимого, хотя врачи неоднократно заявляли кому следует о недостающем.

Раненых была масса всех частей и округов, переполнение большое, эвакуации никакой, словом вавилонское столпотворение, и это в начале военных действий!

В полевом лазарете неожиданно наткнулся на своего бывшего подчиненного Ник. Андр. Карабашева, ныне командира 188-го Карского полка, раненого в ногу в боях под Люблином 14/VIII довольно тяжело. Радость встречи была искренняя, так как мы дружно служили вместе, когда он был полковым адъютантом Мингрельского полка и позже командовал в полку первой ротой. Со слов Карабашева, по санитарной части всюду царил большой беспорядок, и люди по несколько дней оставались без перевязки; в Люблине ничего не оборудовано, а это — ближайший пункт к происходившим боям. Вероятно, на-днях лично придется в этом убедиться, так как ген.-ад. Иванов осведомлен о творящемся и намекал, что намерен скоро меня туда командировать.

Получено в штабе известие о занятии войсками Брусилова и Рузского Галича и Львова, — другими словами, большая часть Галиции уже в наших руках. Эта операция была исполнена быстро и умело; части однородные, почти все Киевского военного округа, частью Одесского, друг друга знающие, и генералы оказались скорее на высоте своей задачи, начиная с обоих командующих армиями и подчиненными им корпусными командирами — Леша, Экка, Радко-Дмитриева, Щербачева, Цурикова и т. д. На другом фронте это единение пока отсутствует. Двух корпусных, как неподходящих, сменили: I-го — Артамонова и XVI — Гейсмана, которого заменил Клембовский. Вообще такого рода убой начальных лиц идет вовсю, и Зальце будет менее обидно; хорошо ли это или скверно, судить не берусь.

Разместились мы в вагонах на сей раз вместе со штабом главнокомандующего, где имеются некоторые выгоды, но большие неудобства.

С места принятый мною почин ни во что не вмешиваться уже дает хорошие результаты, так как оба начальника, Иванов и Алексеев, ценят мое поведение, сами многое мне сообщают, и даже начинаются откровенности, особенно Иванов, когда вторгательство лиц ставки слишком дает себя чувствовать. Например, сегодня 22/VIII получена телеграмма верховного, скверно составленная, с упоминаниями о боге отце (не часто ли, как бы господь не обиделся!), а в заключении о награждении Рузского и Брусилова орденами св. Георгия: первого с места двумя, а второго — 4-й степени. Правда, Вильгельм, вспоминая милости «Unser Gott», пожаловал два «железных креста» кронпринцу, так отчего не дать пару «георгиев» Рузскому! Наши раненые, офицеры и нижние чины, очевидцы последних боев, говорят, что пока идут наудачу, без всякой разведки, кавалерия не на высоте задачи, зато хвалят все наперечет действия артиллерии (пока снарядов много, надолго ли?); пехоту же гонят вслепую, как стадо баранов: удастся — хорошо, иначе терпят совсем ненужные потери.

Примеры: 20/VIII прямо из вагонов высаживают где-то впереди Люблина апшеронцев, говоря им, что очень нуждаются в поддержке, и вот, по личной инициативе командира этого полка, завязывается удачный бой: откуда-то является казачья конная батарея, которая огнем молодцами поддерживает апшеронцев, опять по личной инициативе командира батареи. Результаты схватки: много пленных и мало потерь. Другое: 21/VIII те же апшеронцы, без предварительной разведки, натыкаются на замаскированные пулеметы, и половина полка уложена даром без малейшего результата. Хорошо еще, что здесь наши пока имели дело только с одними австрийцами, а были бы немцы, то они бы проучили еще не так. Итак, первая боевая эпопея апшеронцев сводится к следующему: десять дней ехали из Владикавказа, попали прямо в бой без подготовки, и сразу полполка не существует, а массу раненых повезли всех в Пинск.

Так, по моему разумению, воевать нельзя: получатся лишь ужасные результаты! В те же числа, 20 и 21/VIII, был грозный бой у первой гвардейской бригады. Здесь произошло другое. Семеновцы здорово потрепали преображенцев, в чем сознавались раненые обоих полков. Хорошо, что еще во-время заметили ошибку, и после обоюдно уже потрепали австрийцев, взяли знамя, все при поддержке второй гвардейской бригады. Порядочно пострадали 1 и 2 батальоны преображенцев. Со слов полк. Карабашева (которого полк 47 дивизии из Саратова) могу сообщить следующие подробности. Он свидетельствует, что Зальца был безупречен, но что все обстоятельства сложились против него: почти не было кавалерии, разведки никак[illegible] войска Московского округа очень неподготовлены и робки, а силы австрийцев — превосходившие в количестве наших. Зальцу сменили 10/VIII, но перемены от появления Эверта никакой. Те же непорядки, и войска предоставлены исключительно на личную инициативу начальников. Так, ему, Карабашеву, пришлось 4 дня отбиваться от наседавших австрийцев со своим полком (Карским), 2 батальонами асландузцев и башкадыклярцев; несколько раз положение было критическое, люди не ели и почти не спали трое суток, но геройство русского солдата и бодрый дух одержали верх. Начальник дивизии ген. Болотов находился позади в 67-ми верстах от позиции, сообщение было телефонное, но и оно прервалось, а помощи никакой. 14/VIII днем Карабашев был ранен осколком гранаты и вынесен полковым адъютантом, которого убили вслед за этим. Все три полка понесли громадные потери, особенно в офицерах. Полковник заверяет, что не будь геройства офицеров и нижних чинов, могла случиться катастрофа. Это же мне вчера подтвердил ген.-ад. Иванов, что «два дня было из рук вон плохо», так как австрийцы напирали вовсю с превосходными силами.

У нас на-днях смещен еще один корпусный командир, генерал Зуев, а его XXV корпус получил Рагоза, но Зуев не пропадет, он снова выплывет, имея связи в ставке. Подробностей о катастрофе Самсонова почти никаких, но около 20 тысяч наших попались в плен, а остальные уничтожены, целиком лейб-гвардии Кексгольмский полк; много генералов в плену (Клюев, Пестич, артиллеристы и т. д.). Наш Иванов все мечтает завлечь австрийцев в ловушку; III-й армии приказано обойти их с тылу, но вряд ли новый герой Рузский исполнит эту задачу, так как неохотно подчиняется приказаниям дедушки. Внимательно обходя пленных австрийцев, я убедился, что все это больше люди ландштурма, так что особенно гордиться такого рода пленными нечего. Пока они только загромождают поезда и вокзалы. Относительно польского населения не надо верить нашим газетам, оно в большинстве настроено враждебно. Почти ежедневно Иванов на ухо мне сообщает, гуляя по вокзалу Лукова, что их банды и всякие шайки «соколов» шныряют в местности между Холмом, Люблином и границей, что они, зная отлично места, указывают австрийцам дороги, тропы и наши расположения; другие действуют сообща с врагами, тревожа русские войска где только возможно. Манифест или воззвание Николая Николаевича остается большим пуфом и, кроме некоторых помещиков из польской знати, всерьез не принимается. Ляхи чутки и догадываются о фальши этого воззвания. Конечно, трудно на бумаге в кратких словах передать все мои наблюдения, но что для меня у ж е в п о л н е я с н о определилось, это то, что власть верховная только мешает и путает, вторгаясь в распоряжения нашего спокойного вождя.

Полученные пока уже блестящие результаты были бы достигнуты гораздо раньше и были бы более осязательны, если бы не было этого систематического вмешательства ставки, говорю ставки, так как мне еще не вполне ясно, кто там главный воротила. У нас же пока полная спевка между Ивановым и Алексеевым, хотя последний, как бывший профессор академии, проявляет известную самоуверенность и даже упрямство, но зато работоспособен и выдержан. С ним неразлучен его бывший товарищ по 64-му пехотному Казанскому полку, отставной генерал Борисов [1]), грязный, немытый и мало доступный. Не понимаю, какую он играет роль: не то советника, не то друга начальника штаба, но они оба всегда появляются вместе на прогулках по вокзалу. Николай Иудович Иванов — большой оригинал, встает в 5 час. утра, шляется сам всюду, ворчит, кое-кого подтягивает и прогуливается все больше один, или с адъютантом Кринским, или ординарцем князем М. Куракиным (знакомыми ему по Киеву).

[1]) Борисов, В. Е., ген.-майор, советник по опер. части ген. М. В. Алексеева как в 1914 г., так и позже.

В Ровно Иванов наткнулся на часового, курящего около сена на посту, разругался и приказал виновному и всему караулу всыпать по 10 розог каждому. Другой раз что-то напутали санитары: Иванов всех их поставил перед собой на колени и прочитал строгую мораль, потом закричал «встать» — тем дело и кончилось.

Почти не выхожу из госпиталей, посещал ежедневно полковника Карабашева; смотрю на упражнения ловкого авиатора Шпицберга, летающего под вечер и делающего весьма ловкие эволюции в воздухе, но в общем в Лукове прескучно. Опять заходил ко мне Н. И. Иванов поделиться новостями, которые мало утешительны. Он недоволен действиями ген. Яковлева (XVII корпус), которого пощипали австрийцы благодаря беспечности московских войск; зарвался Горбатовский (XIX корпус) и подвел соседа Литвинова (VIII корпус). Послал в обход какую-то резервную дивизию, которая, наткнувшись на неприятеля, разбежалась. Пять батарей вследствие этого попали в руки австрийцев. Происходило это еще 15/VIII, но начальство долго скрывало эту потерю и только теперь решилось донести о случившемся. «И все ради трофей», как выразился Иванов. Чужие лавры не дают покоя некоторым генералам.

Оказывается, что Рузский совсем заупрямился и не желает исполнить обходного движения, находя его опасным. Не после ли двух Георгиев!? Эту задачу Иванов думает поручить другому, так как чувствует, что Рузского негласно поддерживает ставка! Вообще приходится наблюдать странные порядки. Если с таковыми мы в конце-концов и одолеем врага, то только благодаря духу русского солдата и всего нашего народа, а не ради способностей наших удивительных генералов, обязанных своей карьерой не талантам, а протекциям и интригам.

25/VIII чудный солнечный день, которым воспользовался, чтобы вторично съездить в Седлец. Прошло 5 000 австрийских пленных и в первый раз между ними штук 40 настоящих пруссаков из ландвера, действующего вместе с австрийцами. Морды скверные, самодовольные, жирные и грубые. Жаловались мне, что их сутки не кормили, а я им сухо ответил: «Это неудивительно, едущие с вами австрийцы вежливы и все накормлены, а вы грубите и поделом вам». Уходя, слышал их злобное бормотание. Ну их!

У наших врагов изобилуют бронированные автомобили, которые всюду пробираются даже без дорог и со своими пулеметами действуют губительно. А у нас, очевидно, таковых еще не имеется! У Рузского было удачное дело, взято 18 орудий, так как он, наконец, решился действовать, под угрозой быть отрешенным, но, очевидно, опоздал, и обходное движение вряд ли будет удачно. Встретил галичан из пленных; на мой вопрос, как им живется, они ответили: «Нам жилось очень

недурно, надо еще посмотреть, как будет с вами». Не верю я тяготению галичан к России — все это дутое политиканство наших славянофилов.

Чем дальше, тем делается интереснее по массе новых впечатлений. 28/VIII неожиданно утром Иванов призвал меня к себе и поручил немедленно съездить в Люблин, чтобы там наладить дело эвакуации, осмотреть раненых, наградить их медалями и крестами, благодарить за службу войска IV, V и IX корпусов, по мере возможности, за время ожесточенных боев. Поручение довольно сложное, но очень лестное и доверительное.

Забыл упомянуть, что, ввиду цензурных строгостей и систематической перлюстрации всякой корреспонденции, я завел следующий порядок, который действовал за все время моего пребывания в штабе юго-западной армии. Еженедельно из Петрограда выезжал кто-либо из моих людей, привозя с собой письма и провизию для повара, и с ним же я направлял все мои письма как в Петроград, так и за границу. Последние передавались во французское посольство и следовали с курьером (la valise) в Париж. Регулярно каждую неделю писал подробно о всем виденном Марии Федоровне, причем не скрывая ничего, говоря всю правду, даже неприятную, что не раз приводило в большое смущение вдовствующую императрицу. Многое, что я предвидел, оправдалось впоследствии, но в то время радужных надежд мало кто верил моим предупреждениям, чтобы не сказать предсказаниям. Кроме как к Марии Федоровне, писал М. Н. Молодовскому, управляющему моими делами, Фредерику Массону и иногда Сазонову [1]), Ганото [2]) и Саитову [3]).

Итак, 28/VIII в $1^1/_2$ ч. с экстренным поездом я выехал в Люблин. Сопровождали меня, кроме двух адъютантов, кн. Трубецкого и барона Корфа, судейский генерал Батог для облегчения возложенного поручения. На пути на час времени остановились в Ивангороде, где Батог осмотрел один лазарет, а в шесть вечера я прибыл в Люблин. Тотчас же поехал явиться генералам Эверту (4-я арм.) и Лечицкому (9-я). Оба приняли меня сначала холодно, но, узнав, в чем состоит мое поручение, разом изменились в обращении, даже растаяли, дав мне все необходимые сведения для поездки, но предупредив, что дорога, почти вся, в отчаянном состоянии. Когда являлся, Эверт был один, но заставил меня ждать в передней, где я встретил ген. И. И. Попова, ген.-квартирмейстера, — бывшего моего адъютанта штаба гренад. дивизии, который мне дал подробный маршрут для отыскания частей войск 4-й армии и снабдил вторым мотором. Эверт, в общем, сделал скорее

[1]) Сазонов, С. Д., министр иностр. дел (1910—1916).
[2]) Ганото, Габриель (1853), франц. полит. деятель; историк.
[3]) Саитов, В. И., библиограф и историк литературы.

хорошее впечатление. Умен, хотя немного рисуется сибиряком и знатоком штабного дела, вежлив, но нервничает, что сразу заметно при разговоре с ним и что я мог наблюдать и позже. Справлялся у меня об отношениях нашего штаба со ставкой, хотел, видимо, выведать, чтобы держать нос по ветру, но я не попался на эту ловушку. Прямо от него заехал к Лечицкому, которого застал обедающим с чинами своего штаба. Он посадил меня рядом, прося закусить, но я отказался и прямо приступил к делу. Узнав, в чем загадка моего неожиданного появления, просиял и из сурового стал мягким, хотя говорил мало, а когда ему передал поклон от одного врача из Ровно, с которым он жил во время японской кампании, то совсем разошелся и дал отличную аттестацию вверенным частям его армии, которые вели себя выше всех похвал в последних жестоких боях.

29/VIII с 6½ час. утра начал осмотр люблинских учреждений. Посетил: питательный и эвакуационные пункты; оба — ниже всякой критики, но набитые нашими ранеными, в самой плачевной обстановке. За прибылью и убылью, число раненых в сутки достигает пяти тысяч человек. Затем посетил 155, 156 и 157 запасные госпиталя, Евгениевскую общину, Курский земский, Черниговский, Московско-Александровский лазареты, Крестовоздвиженский госпиталь и Польский городской, а остальные оставил на другое время. Все, что сделано на частные средства, а также в ведении «Красного креста», оборудовано хорошо, а военные лазареты куда слабее и очень многого недостает. А что сказать о том, что происходило на люблинском вокзале с вечера 28-го и все 29-е число! Весь вокзал и вся окружающая местность были переполнены ранеными, нашими и частью австрийскими, и они лежали где попало, плохо перевязанные и полуголодные, при всеобщем хаосе, где всякий распоряжался и вкривь и вкось. Здесь пришлось превысить власть и, при сотрудничестве ген. Батога, уполномоченного «Красного креста» Голубева и графини Ел. Вл. Шуваловой, навести порядок, на что потребовались целые сутки. Слава богу, что стали прибывать поезда для раненых, всех сортов, но хорошо организованные, пока только тыловые: остальные, вероятно, еще не дошли до назначения. В одном из них видел трех ротных офицеров 186 Асланд. п., бывших 5 дней в плену у австрийцев. Они хвалили их обращение, но когда наши войска нагрянули, то этих офицеров австрияки обобрали и раздели догола, сняв с них даже рубахи, чулки и подштанники. В другом поезде наткнулся на разных гвардейских офицеров: много павловцев, финляндцев, сына Рухлова, семеновца Брика и преображенца командира 14-й роты Холодовского 1 (убит осенью 1916 г.). Все, несмотря на боли от ран, бодры духом.

Операция, задуманная ген. Алексеевым, как будто удалась, не-

смотря на упорное сопротивление врага: австрийская армия в полном отступлении, всюду бежит, преследуемая нашими войсками до Сана и Карпат. Таково мое впечатление.

30/VIII. Сегодня подвезло. Из тыла нежданно-негаданно попал прямо в авангард. Поехали в 6 час. утра в моторах «au petit bonheur» я с Трубецким и Василием, в другом автомобиле — кн. Сергей А. Долгорукий с юным Безобразовым (братом Кутузовой), чтобы добраться до частей 4-й армии и передать им благодарность главнокомандующего. В этот день сделали около 200 верст, добравшись до Янова, где находился штаб гвардии, и — обратно в Люблин. Дороги невозможные, и моторы выдержали экзамен в первый раз блистательно, хотя часто такие экскурсии вряд ли возможны. По пути, не доезжая деревни Тарнавки, проезжали поле сражения, где дрались назад тому два дня. Всюду масса трупов немцев и австрийцев, а также много наших, лежащих третьи сутки непогребенными. К счастью для нас, дул сильный ветер; смрад и вонь ужасные, я держал все время у носа платок, остальные спутники слезали с моторов, осматривая вблизи покойников, а Трубецкой и Л..... [1]) усиленно фотографировали. Все трупы лежали в тех позах, как застала их смерть. В немецких артиллерийских окопах разрушение громадное; кроме перебитых орудий и зарядных ящиков, валялись тела всей артиллерийской прислуги, страшно изуродованные. Это — действие наших орудий. Зрелище в общем отвратительное. Доехав до деревни Кценов, где находился 4-й подвижной лазарет, осмотрел его подробно. Там находилось до 140 раненых австрийцев и немцев, которых должны эвакуировать сегодня же в Люблин. Воображаю, какие страдания эти несчастные люди будут переносить при перевозке по ужасной дороге! Наглядно видишь все прелести войны! Следующая деревня, Осада Выгоцкая, представляла вид пепелища и полного разрушения. Начиная от села Баторжа начались наши обозы, тянувшиеся длинной вереницей, затем парки, войска, запрудившие всю песчаную дорогу.

Таким образом мы обогнали много полков, шедших вперемежку на места назначения. Вот появились ростовцы (сильно пострадавшие за 2 недели), затем несвижцы, самурцы, штаб ген. Мрозовского [2]), с начальником штаба Соколовым, с которым вступил в краткую беседу. Части шли довольно бодро, но кавказцы более в порядке, чем московские гренадеры.

У деревень Бяла и Кавенгин — новая картина. Две деревни, объятые пламенем; плач и стоны женщин и детей; немцы, уходя, все по-

[1]) Неразборчиво.

[2]) Мрозовский, И. И., ген.-от-арт., ком. гренад. корпуса; с осени 1915 г. до Февр. революции ком. войсками Моск. воен. округа.

дожгли, не пожалев и костела, от которого остался лишь фундамент; на кладбище горели и кресты над могилами, зрелище потрясающее.

Пройдя деревни, наткнулись на взорванный мост, исправляемый гвардейскими саперами. Остановились и закусили. Потеряли 1½ часа. Затем въехали в г. Янов. На площади бивуак варшавских улан и гродненцев. Беседы с командиром Маннергеймом и Головиным. Полковник фл.-ад. Молоствов (умерший от рожи в 1915 г.), кн. Эристов, Бибиков, артиллеристы 3-х конных батарей, полковник Панченко, генерал Потоцкий. Все они нас окружили, сообщали впечатления, удивлялись моему появлению, а Трубецкой фотографировал. При нас Маннергейм громким голосом закричал: «3-й эскадрон к коням» и передал какое-то устное приказание эскадронному командиру ротм. Бибикову. Эскадрон мигом на рысях удалился. Тогда я не подозревал, что этому эскадрону попало здорово в лесу от австрийской засады, а Бибиков был убит часа два после описанной сцены. С площади отправился на бивуак семеновцев, где передал благодарность командиру Эттеру и полковому адъютанту Соллогубу. Хотелось пробраться еще 6 верст дальше до деревни Модлиборжища, дорога оказалась еще хуже пройденной, а кроме того все начальство отсоветовало туда ехать, так как не имелось точных сведений, что там происходит.

Проехав версту или две, пришлось с грустью повернуть. Здесь другой эпизод. Наткнулись на караул преображенцев. Вдруг подбегает к мотору солдат и — в объятия Василия. Оказался его брат Александр, жизнерадостный и веселый (ровно три месяца спустя, 30/XI, он был убит, и Ал. Куприянова не стало). За все это время слышна канонада, но наши ли орудия пукают или неприятельские, сказать не берусь. Вся обстановка боевая, и жаль было расставаться с гвардейскими бивуаками. Перевидал всякое начальство, но командира гвард. корпуса Безобразова так и не дождался.

В 3 часа дня тронулись в обратный путь. Опять наткнулись на новые вереницы войсковых частей, которые я все благодарил на походе: вся 2-я гвард. артиллерийская бригада ген. Сиверса, лейб-гренадеры, павловцы, обозы улан и гусар, весь Екатеринославский гренадерский полк, обозы дагестанцев и т. д. От последних узнал, что 27/VIII дагестанцы сильно пострадали: из 40 офицеров осталось в строю 15, командир Лесневский ранен в ногу. Все та же песенка. Желание отличиться и жажда наград у высшего начальства. То, что произошло с дагестанцами, уже было раньше с апшеронцами, павловцами (Некрасов!), преображенцами. Массовые потери без какого-либо практического результата. Реляционные победы, столь любимые штабными крысами и многими генералами, управляющими действиями вверенных им войск на громадном расстоянии от линий огня! Насколько впечат-

ления от солдат и офицеров великолепны, настолько же мало утешительного от начальственного персонала! Случайные карьеристы, любители наград и отличий, но вовсе не типы боевых генералов. Это больше относится до гвардии, но грехи уже старые [1]). Так, вся обстановка, в которой я застал гвардейский отряд, более напоминала картинки красносельских тактических увеселений, чем боевой характер. Гастролеры военных прогулок на «авось» и бравады о легкой победе над врагом. Едва ли с такими господами нам скоро осилить германцев, где все строго взвешено и учитано [2]), а игра на «авось» — недопустима вообще для подчиненных кайзера. — Далее на обратном пути посетил 7 и 8 подвижные лазареты, переполненные ранеными; а доехав до Тарновки, видел, как, наконец, собирали тела убитых и зарывали в братские могилы.

Вернулись в Люблин в одиннадцатом часу вечера, здорово устали и уснули богатырским сном. На другой день с особым удовольствием вымылись в ванне уютной гостиницы «Виктория». — Получил известие от ген.-ад. Иванова, что он со штабом перебрался в Холм, предпочитая это место, чем Люблин, где больше соблазна для чинов его штаба. Дедушка остается верным себе.

Пока мне дана «carte blanche» ездить по армиям, проверять военно-санитарную часть и следить за правильной эвакуацией, надо пользоваться вовсю. Судебный генерал Батог мне помогает очень добросовестно, и с ним работает мой другой адъютант — молчаливый барон Корф. 2/IX отправился в Красностав и Замостье, в 5-ю армию (Плеве). До Томашова не добрался ради [3]) дороги. Местность красивая, холмистая, много хвойных лесов, содержатся в порядке, чувствуется благотворное влияние Запада. Красностав разрушен и нашими и австрийцами; мост взорван, развалины гимназии и лучших еврейских домов бросаются в глаза; по всей местности заметны следы боев до Травника, где были жестокие схватки. Замостье совсем цело. Австрияки пощадили майорат гр. Маврикия Замойского, у которого громадные усадьбы и здесь и в Галиции. Но все систематично загрязнено австрияками, пробывшими здесь целых 3 недели (корпус генерала Шемуа). Свирепствует дезинтерия вовсю — и очень злокачественная. Вонь и грязище возмутительные. Центр заразы — казармы 66-го Бутырского пехотного полка, где лежат больные австрияки: то же происходит и в Томашове. Нужны самые энергичные меры, часть которых я немедленно принял на свою ответственность. Отсутствие чистого белья — а это главное для лечения несчастных зараженных. Послал срочные телеграммы

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Так в подлиннике.

Белорецкому в Брест и Забелину [1]) в Киев. Все обошел лично и, что видел, никогда не забуду. Это не к чести медицинского персонала австрийцев. Ругал их как мог и пригрозил суровыми карами. Пока зараза перешла на деревни на поселян, наших солдат заболело мало. Все казармы заполнены австрийцами, которые испражняются на ходу, идя в ретираду. Если бы сам этого не видел, то не поверил бы. Заходил к ген. Плеве и Миллеру и все им подробно доложил, но они заняты другим, а все же генерал Кияновский должен немедленно принять меры. Жалел, что не застал в штабе моего друга князя Н. Н. Енгалычева, который куда-то уехал.

В штабе 4-й армии сообщили, что со дня на день ждут принца Ольденбургского, который должен объединить действия «Красного креста» и военного ведомства. Гагринский герой иногда полезен, но опасен, так как берется разом за все и может еще более напутать своими быстрыми решениями. Иванов и Алексеев его не долюбливают и мало ценят. Старик Плеве все тот же, полуслепой, на вид невозмутимый, строгий с подчиненными и безусловно умный, даже дельный, но нелюбим ни штабом, ни войсками. Вспоминаю невольно на Бородинских торжествах его смешную фигуру, командовавшего парадом на большом коне, вызывавшего тогда общий хохот [2]). А на меня лично, откровенно говоря, Плеве сделал в Замостье хорошее впечатление. Толков, все сразу понимает и не болтает попустому. Он сообщил, что верховный на место Жилинского берет Рузского главнокомандующим северо-западным фронтом. Едва ли это целесообразно. Рузский хорошо изучил австрийский фронт, его знают войска Киевского округа и любят: с немцами дело другое, и мнится мне, что опять игра на «авось». Мол, модный герой, покоритель Львова и Галиции, два георгия уже на шее, удастся — скажут: «Какая находчивость!» — не удастся, скажут: «Вот и герой Рузский не мог справиться». У Николая Николаевича слабая душонка, и он падок на увлечение чужими успехами.

Завтра 5/IX решил ехать в Холм через Травник; хотелось пробраться до Львова.

Поездка была интересная. Холм красиво расположен — и только. Тут 3 госпиталя, из которых только один в образцовом порядке. Иванов еще в Бресте, но на-днях окончательно переберется сюда. Часть его штаба уже здесь. То чувство свободы, которое я испытывал втечение этих 10 дней, при виде и осмотре Холма сильно пошатнулось, так как ясно, что моя командировка должна иметь предел и придется снова жить при штабе без определенного дела.

---

[1]) Забелин, А. Ф., ген.-от-инф., начальник снабжения южного фронта.

[2]) Так в подлиннике.

Из Холма поехали в Травник, где два подвижных лазарета, очутившиеся в тылу и развернувшиеся только 30/VIII. Оба из Казани и расположены в палатках, которые им выданы казанским интендантством. Нашли время, когда помещать раненых в шатрах, именно, когда стало холодно и сыро! Приказал немедленно всех не тяжело раненых эвакуировать в Холм и Люблин. Вернувшись усталым в Люблин, где теперь все уже приведено в порядок, решил на-днях окончательно вернуться в штаб армии.

Настроение стало неважное под впечатлением всего того, что творится. Вся эта «военщина» мне глубоко противна, и зачатки непримиримого социализма все растут и растут, а когда подумаешь о том, что делается у берегов Невы, в Царском селе — Распутины, Маклаковы, Щегловитовы, всякие немцы и плеяда русских, им сочувствующих, — то на душе становится жутко.

Имел продолжительную беседу с генералом Джунковским [1]), приехавшим в Люблин для осмотра города на случай высочайшего посещения. У обоих сорвалась одновременно одна и та же фраза: «Ничего не увидит, а главное — войск». Джунковский будет противиться царскому появлению здесь, хотя говорит, что ему в Царском не сидится, что тоже понятно. Очевидно, выбор Николая Николаевича верховным главнокомандующим признается уже неудачным, а самому взять бразды сложного управления армиями признается еще несвоевременным. Вот когда побьют, да мы отступим, тогда можно будет попробовать! Едва-ли я очень далек от истины. Поживем — увидим.

Сведения, привезенные Джунковским с северо-западного фронта, мало утешительны. Рузский уже прибыл в Белосток и не может справиться с творящейся неурядицей; спайки не только между корпусами, но и между дивизиями никакой; разные влияния, борьба за власть, упадок престижа начальственных лиц — все это переделать и привести в порядок после самсоновского погрома нелегко. Ренненкампф сидит в Оранах, поспешно отступив из пределов Восточной Пруссии, — то было скорее бегство, чем правильное отступление. А немцы все прут да прут. Они уже верстах в 30 от Ковно, а Вильковишки, Кальвария, Сувалки, Городище — все в их руках.

Утром 8/IX с поездом отбыл из Люблина и перекочевал в Холм. Видел Иванова. Он озабочен и есть отчего. Следовало бы наступать, войска полны отваги и желания действовать, но... н е т снарядов! Осталось по 25 на орудие, а нужно 1 000 на пушку. И это уже обнаружилось в начале сентября после двух месяцев войны! Дедушка взволно-

[1]) Джунковский, В. Ф., ген.-м. свиты е. в., тов. мин. внутр. дел и ком. корпуса жанд. в 1913—1915 гг.

ванно говорит: «Послал телеграммы верховному, Сухомлинову и К. Караваеву. Все отвечают одинаково: «Распоряжения сделаны». Ну, и понимай как хочешь. Творится что-то неладное».

Иванов прав, и его волнение понятно. Каково положение главнокомандующего: при полных успехах на его фронте, неведение о количестве могущих быть доставленными снарядов, когда он ясно отдает себе отчет, что наступать необходимо, а тут такой сюрприз! Ведь если действительно надувают или скрывают истину, какова ответственность, если прикажут все-таки наступать, а батарейные командиры все наперечет жалуются на недостаток снарядов!

Беседовал также с М. В. Алексеевым; он на-днях только был в Барановичах и поражен царящей там неурядицей, растерянностью и унынием. Оба, и Николай Николаевич и Янушкевич, растерялись от неудач северо-западного фронта и не знают, что предпринять. Хотя звезда Рузского еще ярко блещет, но очевидно, что ему трудно будет справиться с обстановкой и привести быстро все в порядок. Алексеев убежден, что Николаю Николаевичу не по силам руководить сложным делом верховного командования при наличных его сотрудниках. Во время разговора пришло известие, что верховный приезжает вечером и везет с собой Рузского для военного совещания, которое состоится в поезде его высочества. Хотя церемониал таких приездов мне уже известен и я видал таковые в Ровно и в Лукове, но на сей раз ясно, что все произойдет при более торжественной обстановке. Так и вышло. Как только поезд величественно остановился у станции, выскочил Янушкевич, и немедленно были введены в вагон Иванов и Алексеев.

Генералы удалились на совещание без присутствия верховного, а я был вызван к нему в отделение его вагона. Тут пришлось мне просидеть довольно долго и слушать поучительные тирады совсем неуравновешенного человека. Николай Николаевич говорил без конца, корчился, жестикулировал ногами и руками, стуча кулаком по столу и раскуривая сигару; лицо его было злое, исковерканное постоянными гримасами, словом — зрелище было далеко не привлекательное. Говоря о Жилинском, он вне себя от гнева, ругал, что предаст его верховному военному суду; затем постоянно звонил дежурного ординарца, а так как тот не всегда являлся немедленно, гуляя на платформе станции, то, когда он вошел в вагон, на него посыпалась площадная руготня, но такая, что вряд-ли и прислугу приходится так ругать. Дежурным был кавалергард кн. Голицын, муж одной из Карловых. Не зная, куда деваться от стыда, я съежился на противоположной стороне вагона.

Наконец ругательства прекратились, и добродушная улыбка озарила черты лица Николая Николаевича. Желая, видимо, загладить

дурное на меня впечатление от описываемой сцены, он стал подробно меня расспрашивать о моих поездках и впечатлениях. Видно было, что многое, о чем я сообщил, ему совсем неизвестно, но он слушал внимательно и был весьма милостив. Вдруг тот же Голицын приносит депешу. Это было известие о взятии Ярослава 5-й армией и III Кавказским корпусом Ирмана. Восторг был неописанный. Затребовали из совещания Янушкевича. Началось повальное лобызание, причем я облобызался с высоч. братом Петром Николаевичем (по ошибке), но вероятно, если бы в вагоне было какое-либо животное, оно удостоилось бы наверное тоже поцелуя.

Я хотел воспользоваться телячьим восторгом и удалиться, но повелительное «сиди» приковало меня к стулу. Затем Николай Николаевич нервно, с дрожанием руки, начал писать телеграммы царю в Царское и супруге своей в Киев. «Петюша, — крикнул он, — отнеси депеши к Янушкевичу и, если он их одобряет, чтобы немедленно отправил». Я опять сделал жест, чтобы удалиться, но новое «сиди» последовало немедленно, и пришлось подчиниться. Наконец, после новой сигары и рюмки желтого шартреза, еще крепкого пожатия руки, он меня отпустил. Уф! Хотя и в почестях, но тяжело.

Вырвавшись на чистый воздух, я стал ходить по платформе, так как заседание генералов все еще продолжалось, и наблюдать за лицами, окружающими верховного. Невозмутимый англичанин Вильямс шествовал подруку со светл. кн. Голицыным; француз Лагиш (Lagiche) интимно беседовал с поваром его высочества, оказавшимся в военной форме; Ронжин говорил с нашими штабными, из прочих заметил всегда веселого адъютанта Коцебу, глупейшего кн. Менгдена, симпатичного гр. Д. Граббе, генерала Крупенского, всех не упомнишь.

После продолжительного времени заседание окончилось, наши вышли из вагона, и послышался голос Янушкевича: «Поезд сейчас отходит, ваше высочество. Верховный желает с вами проститься». Здесь произошла неожиданная сцена. «Твой главнокомандующий ген.-ад. Иванов отозвался о тебе с такой похвалой, что я донесу об этом государю, а теперь от души благодарю тебя за полезную службу. Прошу так же продолжать». И опять... лобызания. Я был тронут, но не до слез.

О результате заседания, конечно, я не справлялся, но дело шло о согласовании действий армий нашего фронта с фронтом Рузского. Если столковались, то хорошо, если нет — плохо. По принятой мной системе, я никогда не расспрашивал, а ждал, что или Иванов или Алексеев сами соблаговолят сообщить что-либо интересное. Это дало желанные результаты. Взятие Ярослава важно, так как Перемышль будет блокирован, но особенных благ все же ожидать нельзя, пока не наладится

дело в северо-западном фронте. Иванов мне объявил, что, вероятно, скоро пошлет меня во Львов, чтобы осмотреть там госпитали, где много недочетов.

10/IX начали упорно ходить слухи о возможности вторжения десятка германских корпусов в наши пределы, на линии Ченстохов — Сандомир, т. е. во фланг наших, так успешно сражавшихся под Ярославом. Опять мое начальство в тревожном настроении, и есть отчего, так как только на-днях 4-я армия Эверта направлена целиком в распоряжение ген.-ад. Рузского. Это неожиданное наступление, вероятно, коснется и меня, так как командировка во Львов становится сомнительной, а возможно попасть и в другие места. Новые войска все прибывают на оба фронта, а потери всюду у нас большие. Поезда наполнены ранеными, в некоторых местах загромождение. Так, в Киеве поезда стоят по несколько часов без всякого надзора и выгрузки. Сегодня появился принц А. П. Ольденбургский, примчавшийся из Львова, где пробыл только несколько часов, накричал на всех, но ничего не успел наладить. У нас оставался лишь $^1/_2$ часа и гайда дальше. Никогда он не успокоится. Генералы наших армий Лечицкий, Плеве, Радко-Дмитриев и Брусилов увлекаются преследованием австрийцев и уже недалеко от Кракова, где паника от появления наших войск. Меня волнует факт натиска немцев и, куда именно они ударят, аллах ведает; волнуюсь по рикошету, так как вижу беспокойство начальства. Из всех мест, где я пока был, Холм — наименее приятная стоянка. Живу на вокзале, где вонь и постоянная грязь, при изобилии мух, действуют на нервы. Одно развлечение — ездить в моторе по окрестностям, где всюду чудные дороги и живописная местность. Можно делать дальние экскурсии в Влодаву или в Красностав — воздух отличный, и при езде в моторе дышится хорошо и заметно известное приволье. Усердно посещаю лазареты и стараюсь ободрять раненых, но на душе тяжело.

13/IX вечером снова прикатил верховный. И, о ужас! потребовал снова к себе в отделение, где пришлось просидеть с ним и его братом Петром более 3-х часов, пока шло совещание генералов, на котором, «чтобы не мешать», верховный не присутствует. Не понимаю такого метода. Вместо того, чтобы слушать, а подчас и руководить совещанием. Ему потом делает подробный доклад Янушкевич, и он принимает только тогда решение. Значит, его решения не беспристрастные, а всегда под влиянием Янушкевича или, вернее, черного Данилова, который играет первую скрипку. Так как сегодня заседание затянулось, то, очевидно, идут контры между нашими генералами и двумя мудрецами ставки, потому они заседают вчетвером. Около полуночи Янушкевич попросил Николая Николаевича зайти на совещание. Видя искаженное лицо и нервные жесты у кузена, я задал ходу и лег

спать. А они заседали до 2-х часов ночи, когда поезд отошел обратно в Барановичи.

О том, что происходило на совещании, стало известно на другой день, 14/IX. При выходе из вагона у Алексеева сорвалась такая истина: «Какие бездарности окружают вел. князя!» Это передал мне его ординарец гр. Капнист. Обе бездарности, т. е. Янушкевич и Данилов, изволили вчера серчать и обижаться; они настаивали на немедленной отдаче немцам Варшавы без выстрела и выравнении фронта; наши раскипятились и стали упорно доказывать, что такое отступление было бы преступным. В конце концов остановились на следующем решении: оставить заслон у Львова, другой у Перемышля, куда вызван ген. Селиванов, а все остальные войска повернуть фронтом на линии Ивангород — Сандомир, чтобы быть готовыми встретить возможное наступление немцев в эту сторону. Алексеев одержал нравственную победу, но замечу одно — при такой чудовищной войне нашли кому поручить судьбы русских воинов.

Настроен я пессимистически, так как трения и колебания в действиях верховного стали чересчур наглядными. Все делается под впечатлением минуты: твердой воли ни на грош, определенного плана, очевидно, тоже не имеется. Одно очевидно, что постоянное вмешательство ставки в действия моего начальства только вредит делу. У Иванова и Алексеева заметна спокойная, деловитая работа, есть известная определенность в их распоряжениях, войска им верят, и на их стороне результаты первых успехов. В юго-западной армии существует спайка лиц штаба и спевка с корпусными командирами, чувствуется одно целое — именно то, чего не было у Жилинского, а теперь еще не заметно у Рузского. Немцы это отлично знают и скоро используют, постараясь разбить каждую из больших армий отдельно. Они уже сожгли г. Андреев, монастырь, взорвали станцию, мост, очевидно, положили несколько десятков мирных жителей — наши отошли без сопротивления. Перемена фронта 4, 5 и 9-й армий в полном ходу. Мне, например, известно, что 4-я армия Эверта только 19/IX достигнет назначения, пройдя вся через Ивангород. Ряд рискованных предприятий. Насколько немцы проявляют инициативу, которая постепенно переходит от нас к ним, настолько у нас целая серия ordre, contre-ordre et desordre. Вот те мысли, которые невольно приходят в голову и развивают беспомощную грусть.

17/IX пришлось долго беседовать с М. В. Алексеевым. Он смотрит на дело мудро и бодро. Надеется, что нам прибавят корпусов пять из северо-западного фронта и, после нового сосредоточения наших сил, будет возможно перейти в наступление, если Иванову дадут «carte blanche» действовать самостоятельно. Насколько Алексеев вообще опти-

мист и верит в себя и в наши войска, настолько дедушка с каждым днем смотрит на дело чернее. Между ними тоже трения нередки, но Иванов ценит работоспособность Алексеева, хотя ворчит на Борисова и на его вредное влияние на Алексеева, а главное зло Иванов видит в Данилове и Янушкевиче, вмешательства которых не переносит, и впадает в отчаяние. Вот мои наблюдения: верны они или нет, право, не знаю, а пишу, как разумею — будущее покажет. На-днях писал имп. Марии Федоровне о моих опасениях за будущее, что надо уже теперь зорко следить за возможностью разных родственных немецких влияний, которые только увеличатся при продолжении войны и дойдут до максимума в последний период, пред окончанием борьбы. Сделал целую графику, где отметил влияния: гессенские, прусские, мекленбургские, ольденбургские и т. д., причем вреднее всех я признаю гессенские на Александру Федоровну, которая в душе осталась немкой, была против войны до последней минуты и всячески старалась оттянуть момент разрыва. Мне это известно от Сазонова, которому пришлось действовать энергично против ее настроения в момент мобилизации. Все это надо своевременно учесть.

19/IX ездил снова в Красностав и Травник для осмотра лазаретов. Остались только тифозные, дезинтерики, но есть еще и с оспой. Порядок посредственный, но содержатся госпиталя сравнительно чисто. Получил тревожные сведения о болезни брата Сергея [1]).

У него острый суставной ревматизм; говорят, сильно страдает. Досадно, что болезнь его приняла затяжной характер, так как теперь его деятельность была бы полезна ввиду неурядиц со снарядами. Видно, чины Главного артиллерийского управления не на шутку растерялись, не зная, как помочь беде. Если у нас через дней десять разыграются бои, то на эту операцию снарядов еще хватит, но дальше «нима». Скандал будет крупнейший. Бессонницы Иванова теперь для меня понятны. Он вчера еще меня уверял, что в некоторых дружинах ополчения нехватает ружей, и придется раздавать или берданки или австрийские. Это уже прямо преступно, потому что статистические данные о количестве солдат должны быть известны при мобилизации. Как сам артиллерист [2]), Иванову известна та борьба, которую вел до войны брат Сергей с Сухомлиновым и с Главным штабом по вопросу снарядов, и Николай Иудович прямо-таки во всем винит высших чинов штаба. Одно ясно, что виновных много, но где они обретаются,

---

[1]) Сергей Михайлович (1869—1918), ген.-ад., ген.-от-арт., ген.-инспектор всей артиллерии (1905—1914), полевой ген.-инспектор артиллерии при верх. главнокомандующем в 1915—1917 гг.

[2]) Так в подлиннике.

в стенах ли Главного штаба или Главного артиллерийского управления, не знаю, но до них следует добраться.

А немцы все прут и прут, и надо ждать скорого крупного шока. Вероятно, они хотят прорвать линию Кельцы — Радом — Ивангород, чтобы разделить наши армии. Если это им удастся, то дело дрянь; если нет, мы попрем на них вовсю и будем теснить до пределов Германии, и далее — стоп. В данную минуту мы вошли повсюду с ними в соприкосновение, и авангардные бои уже идут. Из Варшавы в Холм поезда стали что-то редко приходить, потому что везут наши войска безостановочно по линии Люблин — Ивангород.

На-днях получил нежданно-негаданно письмо от князя Вл. Орлова[1]), с которым не состою в переписке. Тон письма весьма любезный, с большими похвалами по моему адресу и с просьбой ему ответить на заданные им вопросы. Ввиду моей подозрительности в настоящие времена, думается, что э т о п р о б а свыше узнать правду окольным путем. Ответил осторожно, но просил князя Орлова обратить внимание государя о награждении меньшой братии. Ведь право же нельзя давать белые кресты только командующим армиями и корпусным командирам да кавалеристам отрядов Ренненкампфа! О солдатиках я уже раньше рискнул написать государю прямо, ходатайствуя давать по 32 креста хоть на пехотный полк, 12 или 16 — на кавалерийский и на батареи, но пока без результата. Между тем скоро масса нижних чинов падет в боях, не получив даже утешения после понесенных ими трудов и лишений. Удивляюсь, что Николай Николаевич не подумал об этом, а если подумал, то, верно, забыл, а между тем я ему дважды при свиданиях ясно намекал на эту прореху. Вообще это пренебрежение к солдату, на котором лежит вся тяжесть этой ужасной войны, меня поражает и постоянно возмущает. Если участь раненых печальна после всего того, что я лично видел в Лукове и в Люблине, то и о здоровых заботятся недостаточно.

23/IX последовало приглашение Иванова в Брест для свидания с его величеством. До этого было предположено царское посещение Холма. Что здесь произошло!! Полиция местная засуетилась, всюду появились целые стаи попов и монахинь; началась общая чистка города и это — при проливном дожде: все это длилось более суток. Прогнали и упрятали неизвестно где всех ополченцев с вокзала и из чудного града Холма! А их скопилось за это время несколько тысяч. Вся эта орда шаталась здесь последнюю неделю, с весьма сомнительной выправкой, в разнообразных костюмах и без проблеска какой-либо дисциплины.

---

[1]) Орлов, В. Н., кн., ген.-лейт., начальник военно-походной канцелярии е. в. (1906—1915).

Но... по мановению ока, все исчезло. Происходило это событие 21 и 22/IX, а царский въезд был оглашен на 23/IX. Прикатили разнообразные субъекты, подчиненные всемогущего Воейкова [1]), чтобы окончательно наладить полировку всего и вся к означенному сроку. И мой скромный вагон был переведен с третьего на пятый путь. Но, увы, все было впустую.

24-го утром убедились, что приезд был отменен. Выиграли от суматохи одни ополченцы, получившие новые шинели, фуражки, сапоги и вернувшиеся с геройским видом обратно к нам в Холм. Попы и монахини разбежались и разъехались по дорогам в повозках, а городовые и жандармы убили полсотни собак за неимением лучшей добычи. Иванов в 3 часа укатил в Брест и взял с собой только адъютанта Кринского, врача Кобзаренко и любимца — Хлестакова в лице флигель-адъютанта князя Анатолия Барятинского. Ген. Алексеева не пригласили в Брест, вероятно, чтобы его величество не мог с ним побеседовать и сравнить его с чарующим всех и каждого Янушкевичем.

Зато Барятинский сиял от радости, желая попасть в генералы с вензелями, что, впрочем, ему и удалось. Его сопровождал его легендарный шоффер из Монако. Он себя не отделяет от барина и говорит всегда «nous». Тому дней десять он появился здесь, вернувшись из Львова, и, как утонченный вральман, отпустил мне такую тираду: «Vous savez, monseigneur, la grande nouvelle? La princesse (т. е. супруга Барятинского) est arrivée à Lamberg, très gaie et pimpante, mais comme toujours sans le sou (без гроша), et pendant ce temps le prince et moi nous avons rigolé avec les mamselles autrichiennes. Le prince, entre autres, s'est fait contusionner, et ma foi, il l'a échappé belle» [2]).

Думая, что я нахожусь в Монтекарло, я ему брякнул в ответ: «Rien ne va plus! Tout va!» А его патрон князь Анатолий за 2 месяца успел отказаться от 130 пехотного полка, который получил по высочайшему приказу, взял у Рузского вакантную бригаду 58 дивизии в корпусе Радко Дмитриева и с ним натворил чудеса храбрости; потом, когда получил за это дело золотое оружие, а любезный Радко его прикомандировал к своему штабу, то доблестный князь отказался, цинично заявив, что в штабе главнокомандующего, вероятно, в данный момент будет интереснее. Сказано-сделано. Tel chauffeur — tel patron! [3]).

---

[1]) Воейков, В. Н., ген.-м. свиты е. в., дворцовый комендант.

[2]) «Вы знаете, ваше высочество, большую новость? Княгиня приехала в Ламберг, очень веселая и нарядная, но, как всегда, без гроша, а мы с князем в то время веселились с австрийскими девчонками. Князь, между прочим, получил контузию, и ей-ей, он легко отделался».

[3]) «Каков шоффер, таков и хозяин».

Вместо царя прикатил в Холм с экстренным поездом генерал-адъютант Федор Трепов, который, видя те безобразия, которые творятся с ранеными и их эвакуацией, и имея инструкцию очистить места для будущих увечных, совсем растерялся. Оказывается, он один из помощников принца А. П. Ольденбургского. Но разница между ними та, что принц хотя суетится и кричит, но все же наводит хоть какие-нибудь порядки, а сей господин с важной осанкой и глазами блудного плута ничего не смыслит в этом ответственном деле, но надеется самоуверенно отличиться на новом поприще при крупном окладе жалования. Вряд ли он долго поработает с принцем, так как тот скоро его раскусит, но и Трепов не пропадет, а получит что-либо другое по его карьерным вкусам.

26/IX отпустил князя Трубецкого на несколько недель в Питер, а 27/IX я получил такого рода предписание от своего начальства: «Предлагаю вашему императорскому высочеству отбыть в район 4-й армии, приняв на себя ознакомление с постановкой дела по устройству войсками 4-й армии переправ через реку Вислу, а затем объехать войска 4, 5, 2 и 9-й армий для передачи им высочайшей благодарности за прошлую боевую работу и благословение на будущее. Ген-адъют. Иванов». Что подчеркнуто, написано рукой Иванова, а первая часть Алексеевым. Поручение очень лестное, но довольно сложное, и вряд ли удастся все в точности исполнить, так как немцы помешают.

В тот же день в 3 часа пополудни выехал в Люблин. Туда добрался очень скоро, а оттуда пришлось тащиться с воинским поездом и чинами XIX корпуса Горбатовского (5-я армия Плеве) вплоть до Ивангорода. Генерал Горбатовский — старый кавказец и отличившийся в японскую войну, сделал на меня ободряющее впечатление; рассказывал про все трудности переходов до Люблина и досадовал на неудачу экспедиции на Краков, когда все, казалось, сулило успех. Ночевал в Ивангороде и 28/IX в 8 час. утра поехал на розыски штаба 4-й армии Эверта. Оказалось, что он находится близ Курова. По шоссе встретил массу войск 5-й армии, сделавших уже более 200 верст на путях из Синявы и Ярослава. Пришлось всюду останавливаться, выходить из мотора и благодарить этих славных воинов, а именно 39 пехотный Томский полк, 65 лейб-Московский, 67 пехотный Тарутинский, 68 лейб-Бородинский, 25 Смоленский, 26 Могилевский, вся 17 и 38 артиллерийские бригады (вид чудесный, хотя лошади немного сели на ноги). Из пехотных частей особенно поразил бравый вид могилевцев и смоленцев. Доехал до Курова, польского городка; там царил невообразимый хаос, так как все было загромождено обозами, и пробраться между

ними было нелегко. Наконец, после 10 ч. добрался до какого-то замка, где остановился Эверт со штабом. Попали во время обедни, — совершенной в походной церкви, — потому что было воскресенье. Эверта нашел озабоченным и в очень дурном расположении духа. Когда я ему сказал, что отсюда хочу проехать в Ново-Александрию, чтобы присутствовать на переправе войск, он вспылил, сказав: «Очень прошу вас туда не ехать. Что за ухарство! Вы ничего не увидите, будете только мешать и даром можете попасть под обстрел орудий по вашему автомобилю». Затем несколько раз повторил ту же фразу: «Вчера могла легко повториться самсоновская катастрофа. Вот что было: немцы атаковали гренад. корпус Мрозовского по ту сторону Вислы у Н. Александрии; киевцы обратились в бегство, так как полполка — запасные и ополченцы; ростовцы и екатеринославцы держались кое-как, но тоже были вынуждены отступить на нашу сторону Вислы. Тем временем шли славные, но упорные бои южнее у XVI корпуса Клембовского, и если бы эти части дрогнули, что, слава богу, не случилось, было бы полное поражение двух корпусов. Повторяю, это была бы новая самсоновская катастрофа». Видя такое настроение у Эверта и не желая его задерживать болтовней, я откланялся, он меня ласково проводил до подъезда дома, где привели несколько новых немецких пленных со вчерашнего боя, взятых полками XVI корпуса.

Опять через Куров пустились в обратный путь. На всем протяжении была слышна сильная канонада по направлению к Ново-Александрии, дымки отлетавших снарядов отчетливо виднелись на небе; к полудню пальба уменьшилась и меня страшно тянуло свернуть на Н. Александрию, но, не желая делать что-либо наперекор указаний начальства, я приказал ехать на Ивангород. Вернулся около 2 час. пополудни, очень кстати. Подвозили массу раненых с другой стороны крепости, именно с Козениц самурцев и ширванцев (21 п. див.), и я все время присутствовал в госпитале № 119 при их приемке. По указаниям раненых офицеров, тут же многим страдальцам навесил георгиевские кресты. Много тяжело раненых, но большинство в руки, когда высовывались из окопов. Врачи и санитары работали усердно, но недостаток рук уже сказывался. Затем поехали представиться коменданту крепости, Алексею Владимировичу Шварцу. Сразу сделал отличное впечатление. Виден опытный, спокойный начальник, знающий свое дело, распорядительный, заботливый и толковый. Сказал мне: «Поезжайте немедленно через Гарволин в Варшаву и Скерневицы, пока немцы не прорвут этой линии, а затем милости просим, возвращайтесь ко мне». У Шварца встретился с бравым ген. Ирманом, порт-артурским генералом-героем. Славный, боевой старик! Оба, и Шварц и Ирман, жалуются на нерешительность Эверта, а также на

медлительность Плеве, так как пылают желанием энергично наступать. Оказалось, что поезд, на котором я приехал из Люблина, был последним, так как сейчас после моего приезда путь повредили между Н. Александрией и Голомбом снарядами. Вот вам и эвакуация, предположенная Треповым на Люблин! Придется везти раненых на Луков и Брест. А утром, пока я был у Эверта в Курове, здесь в Ивангороде был сей Трепов, не сделав ни одного толкового распоряжения.

Вечером я отбыл в Варшаву, где меня ожидали сюрпризы. Меня поразило, что 29/IX утром я оказался в Варшаве не на Венском, а на Калишском вокзале. Немцы заняли вчера Прушков, т. е. последнюю станцию на венском пути. Выгрузив свой мотор, поехал странствовать по Варшаве в поисках командующего 11-й армией Шейдемана. Никто не мог дать мне сведения о нахождении его штаба. Наудачу поехали в Лазенки, к казармам уланского полка. По городу заметно некоторое волнение несмотря на ранний час — $7^1/_2$ час. утра. Вот и доехали до офицерского собрания улан. «Тут штаб армии»? — «Так точно здесь, но ночью убрались, не могим знать куда». Одни говорят, что штаб увезли в Ново-Минск, другие, что на Брестский вокзал. Ввиду раннего времени решил прокатиться по Варшаве. Заезжал в гостиницу «Бристоль», где никто ничего не знал; оттуда проехали осмотреть чудный новый мост через Вислу. По мосту проходил 120 пехотный Серпуховский полк, он — IV корпуса (значит, 11-я армия еще усилена). Офицеры, улыбаясь мне, сказали: «Попробуйте проехать на Брестский вокзал, там наверное узнаете, где генерал». Отправились на этот вокзал. Там столпотворение вавилонское. Публика загромоздила все входы и выходы: лица испуганные, какое-то повальное бегство лиц обоего пола, где преобладают фуражки чиновников. У вокзала целая вереница военных автомобилей. Следовательно, вне сомнения, штаб находится здесь. На дебаркадере народу еще больше. Давка невообразимая: все галдят и куда-то мечутся; другие сидят или лежат; здесь и бабы, и дети, с узлами, свертками, чемоданами, и масса хмурых лиц. На другом конце виднеется что-то красное. Это лестница, обитая красным ковром, и около пара часовых. Вагон генерала Шейдемана. Вхожу и сразу натыкаюсь на какого-то генерала, который, не зная меня, говорит: «Что это вы так не во-время здесь появились? Вы разве не видите, что происходит?» Я назвался, тогда он попросил зайти к нему в отделение. «Извините за беспорядок, я ночью перебрался сюда, так как в уланских казармах было не безопасно для моего штаба. Казармы могли подвергнуться обстрелу». На это я ответил, что только что вернулся оттуда и что там совершенно тихо и спокойно, вынимаю предписание главнокомандующего и даю генералу прочесть. «Виноват, это невозможно, все мои части в разброде, и я не могу вам

точно дать необходимые сведения, где именно находятся полки; все у меня в полном хаосе передвижения». Попросил взглянуть на карту, по которой мне объяснил, где именно вчера происходил бой. «У Блонэ дрались целые сутки I корпус (Душкевича) и XI Сибирский корпус (Сычевский) с превосходными силами немцев весьма неудачно; Душкевич говорит по телефону, что дрогнули пехотные полки 24 дивизии, а Сычевский это отрицает, словом, у них какие-то нелады. Кроме того 1-я стрелковая бригада дралась без артиллерии целый день у Пясечно. Скерневицы, вероятно, заняты германцами, вам туда не попасть, и предупредите ген.-ад. Иванова, что вообще я считаю оборону Варшавы крайне затруднительной». Шейдеман до того нервничал и волновался, что я, видя, что от него толку не добьешься, что поручения Иванова нет возможности исполнить, простился с расстроенным генералом и решил, не теряя ни минуты, с первым поездом поехать в Ивангород через Седлец и Луков. Быстрые решения, приведенные в исполнение, лучше всяких колебаний. Кроме того мне подвезло, мой вагон прицепили к уходящему в Седлец поезду, а оттуда дали даже экстренный, который меня и привез обратно в Ивангород. Выехав из Варшавы в 11 час. утра, в 7 час. вечера я был в объятиях Шварца. В Варшаве пробыл от 6 час. утра до 11 — всего пять часов, и не верил своим глазам, тому, чему был невольным свидетелем. Собственно говоря, я попал в столицу Польши именно в момент первой паники; затем все быстро успокоилось до следующих катастроф, и нигде, говорят, так весело не жилось, как именно в Варшаве в октябре и ноябре 1914 г. Но я лично более туда не попадал, о чем и не приходится жалеть. — На обратном пути экстренный поезд остановился на ½ часа на ст. Леопольдово (18 верст от Ивангорода), где расположился штаб 5-й армии Плеве. Повидал Плеве и Миллера и вынес о них обоих отличное впечатление, так как оба проникнуты твердым убеждением наступать, берегя [1]) все переправы, и уверяли, что потеснят немцев, заставя их отойти. Они мне объяснили, что, ввиду их плана, уже приказано XVII корпусу (Яковлева) поддержать Ирмана у Ивангорода самым энергичным образом, XIX корпус (Горбатовского) должен поддержать XXIII корпус (Данилова) у Гарволина, а также II корпус (Чурина) у переправы Гура-Кальвария. V корпус (Литвинова) только завтра, 30/IX, подойдет сюда. Что смущало обоих генералов — это противоречивые приказания свыше, а именно, 26/IX корпуса Данилова и Чурина были подчинены Плеве, а с 29/IX оба перешли под начальство Шейдемана. Как должна отозваться эта перемена лиц на общую планомерность действий?[2]) И справится-ли растерянный Шейдеман с семью корпусами, которые ему

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.

даны для обороны Варшавы? Вот с этими впечатлениями я вечером, по приезде в Ивангород, отправился к Шварцу. Он внимательно слушал мой рассказ, покачал головой и сказал, что эти ближайшие дни должны решить, на чью сторону перейдет успех. 29/IX полкам 21 и 35 дивизий удалось потеснить немцев в районе Козениц (13 верст от Ивангорода) и, что важно, занять эту деревню, где, повидимому, немцы прочно засели. А у Козениц переправа через Вислу, и нам необходимо выбить оттуда врага. Затем Шварц проводил меня до вокзала: шла оглушительная канонада всюду, и мы прошли с ½ версты послушать завывание гранат и посмотреть зрелище блуждающих огней от выстрелов; доходили также ясные звуки стрельбы пачками. Ввиду близости штаба 5-й армии Шварц советовал покончить с данным поручением и поторопиться передать благодарность войскам Плеве, пока они в ближайшем районе. Когда я уже ложился спать, Шварц прислал своего начальника штаба, полковника N, чтобы передать, что усиленная пальба из орудий немцев указывает на возможность штурма на рассвете. Заснул под приятные звуки грохота пушек, а утром проснулся в Леопольдове, куда меня на рассвете доставили поездом. Плеве мне сообщил, что 3-й армии приказано снять блокаду Перемышля и отойти на правый берег Сана. Получено приказание подчинить 2-ю армию Шейдемана и 5-ю (Плеве) Рузскому. Плеве и Миллер расстроены переходить под другое начальство, хотя рады узнать, что Рузскому велено во что бы то ни стало отогнать немцев от Варшавы. От Иванова получил телеграмму, что поручение Шейдеману отпадает и что мне больше в Варшаву ехать незачем. Слава богу.

30/IX целый день адская канонада у Козениц. Слышны ясно залпы с фортов Ивангорода. Бой идет по всему течению Вислы. К сожалению, по нелепому приказанию Шейдемана, уничтожена переправа у Гуры-Кальварии, которую только что с трудом наши саперы привели в исправность. Опять придется ее восстановлять.

1/X выдался очень утомительный день, так как с непривычки пришлось быть на коне с 8 час. утра до 6 час. вечера. Уф! Устал порядочно, но все же пишу, что могу. Проездил более 50 верст с адъютантом Корфом и егерем Василием, доехав почти до знаменитой переправы к Козеницам, а оттуда обратно в Леопольдово. По пути благодарил самые разнородные части, от московских гренадер до оренбургских казаков включительно. Потерял голос. Недалеко от переправы встретил массу раненых, все кавказских частей, которых отправляли в лазареты Гарволина по отчаянным дорогам. В этот день особенно пострадали самурцы и ширванцы; у первых осталось всего 1000 штыков и 20 офицеров, у вторых 600 нижних чинов и 9 офицеров, и переправу все же отстояли. Говорят, немцы подвозят новые подкрепления, но и у нас ре-

шили поддержать Ирмана не только 3 и 35 дивизиями XVII корпуса, но и всем гренад. корпусом Мрозовского. На последних мало надежды. Видел сегодня перновцев и несвижцев, которые мало внушают доверия. Заметна распущенность и идут очень медленно, точно нехотя. Они расположились на отдыхе верстах в 20-ти от переправы. Завтра на заре собираюсь в третий раз в Ивангород, хочу попробовать добраться до Люблина, чтобы помыться и заехать в Холм к Иванову и спросить разрешения остаться у Шварца в Ивангороде. Но мне подвезло, так как неожиданно Иванов лично появился 2/X в Ивангороде, и мне все удалось наладить на словах. Зато сегодня 2/X пришлось опять поработать много в госпиталях.

Итак с утра 2/X обошел два санитарных поезда, переполненных ранеными, заходя в каждый вагон отдельно, и благодарил от имени царя серых героев. Накопление раненых громадное, куда больше, чем за августовские бои в Люблине, а беспорядка и всяких недостатков еще гораздо больше. Отсутствуют все уполномоченные «Красного креста», нет ни Трепова, ни Ольденбургского. Эвакуация может итти только по одному пути — на Луков, а на Люблин и на Варшаву поезда еще не ходят, так как обстреливаются немцами по Висле.

Такого скопления раненых я еще не видал, а врачебного персонала положительно нехватает. С 9 до 12 час утра провел безотлучно в двух госпиталях. Почти все раненые — 21 и 52 пехотных дивизий, оберегающих переправу у Козениц. Все трудности преодолеваются войсками III кавказского корпуса Ирмана и вылазками Ивангородского гарнизона, производимыми с таким пылом второочередными частями благодаря личному руководству Шварца. Потери почти исключительно из этих полков. Командир XVII корпуса, добродушный и нерешительный Яковлев, не умеет поддержать доблестные кавказские войска, на которых лежала задача удержать Козеницкую переправу, и его дивизии 3 и 35 почти бездействуют без необходимого надзора свыше.

После завтрака днем поехал в госпитали 114-й и 115-й, что у Вислы недалеко от железнодорожного моста на Радом. Здесь попались и раненые немецкие офицеры, кровные пруссаки, взятые удалыми кавказцами в плен. Узнав, кто я, один из них меня почтительно спросил: «Dann sind sie der eigene Onkel unserer Kronprincessin?»[1]) Ответил ему: «Ja wohl».[2]) Все три начали жаловаться на помещение, прося перевести в другое место. Я им ответил, чтобы стыдились жаловаться, когда обращение с ними ласковое, а они с нашими ранеными не церемонятся. Тогда они умолкли, после моего «Pfui, schande». Только успел пере-

[1]) «Так вы дядя нашей кронпринцессы?»
[2]) «Да!»

ехать из 115-го в 114-й госпиталь, как с грохотом разорвалась граната как раз на том месте, где 5 минут до этого я мирно беседовал со старшим врачом. (Бог спас; на другой день осмотрел сделанную снарядом воронку. К счастью, никого не задело.) Мой егерь, стоявший у подъезда 115-го лазарета, при выходе оттуда мне заявил, что только что видел мчавшегося в автомобиле ген-ад. Иванова. Мне верить не хотелось, но я поехал, на всякий случай, к коменданту, и оказалось известие верным. Оказывается, он ездил в Люблин, куда вызывал на совещание Лечицкого и Эверта, а ввиду прекращения железнодорожного сообщения с Ивангородом, приехал оттуда в моторе. Встретился с ним на лестнице у Шварца и был поражен его озабоченным видом.

Пришлось просидеть 3 битых часа в цитадели, пока там был главнокомандующий. Он разрешил мне присутствовать при его разговорах с Шварцем и Ирманом. Было интересно и поучительно слушать, хотя устал здорово от посещенных лазаретов. На мой вопрос: «Что это такое, ваше высокопревосходительство, у вас отняли 2 и 5 армии? Меня это ужасно покоробило. Неужели это совершившийся факт?» — «Да, к сожалению, это так решили верховные советники при посещении меня 28/IX в Холме (седьмое посещение!), да это еще не все: хотят отнять и отдельные корпуса; приказал немедленно снять блокаду Перемышля и покинуть Ярослав. Все это, как выразился черный Данилов, чтобы согласно рецептов стратегии выровнять весь фронт сев.-западных и юго-западных армий в одну линию, как на больших маневрах! А вот вы увидите, потом снова прикажут или Брусилову или Радко-Дмитриеву занять Ярослав и приступить к новой блокаде Перемышля. Вероятно, я устарел, меня пора убрать!» Все это было сказано в присутствии Ирмана и Шварца, но добавлено: «прошу не выдавать».

Услыхав такую откровенную речь, я более не испускал ни звука, а только слушал. Одно бросается в глаза, верховный и его советники чем дальше, тем больше в лужу. Вовсе не хотят считаться с силами людей, с их духом, с их устойчивостью, с их лишениями, а передвигают войска, как солдатиков на столе. Колоссальные потери тоже вовсе не принимаются в рассчет. Все только отыгрываются на спинах русского воина. Когда Иванов и Алексеев умоляли наступать вовсю, итти на Краков (это было тому ровно месяц), а оттуда двинуться на Силезию, им этого не разрешили, а теперь не знают, какими средствами, какими жертвами выгнать немцев из пределов Польши, где — ясно, что они желают остаться и укрепиться к зиме 1914—1915 года.

У нас теперь под носом проходит вся 5 армия Плеве, и ей не велено поддержать крепости, хоть бригадой, а должны переть на Гарво-

лин и далее. Пишет эти строки профан в военном деле, но убежден, если ошибается, то чувствует, по крайней мере, верно.

3/X с утра поехал в цитадель к Алексею Владимировичу Шварцу. По пути разыгрался комичный инцидент. Пошла неожиданно пальба со всех сторон из орудий и из ружей одновременно: оказалось, что вся кутерьма произошла из-за пролета в небесах немецкого аэроплана, а мы в моторе ошалели, скорчили длинные физиономии, повернули назад к станции, пока не догадались, в чем дело. Со Шварцем поехал на форты № 3 и № 2; поразительно, что можно создать при энергии в 3 месяца, когда до этого ничего не было сделано, а крепость чуть ли не разоружена. Здесь роздал, по указаниям Шварца, несколько крестов отличившимся молодцам. Затем, ввиду приезда Эверта, наша интересная прогулка была прервана, я же снова поехал в госпиталя 114 и 119, куда с позиций прибывают все новые и новые раненые. Вчера пострадали Сальчицы от шрапнелей. Вчера убиты командир 84-го Ширванского пехотного полка Ачкасов и подполковник Ленц, оба молодцы. У дагестанцев нет более штаб-офицеров, и ими командует подполковник Шемахинского полка, которого тоже сегодня ранили. Вообще мало что осталось от славной боевой 21 дивизии. Находясь близко, я ежедневно вижу раненых, прибывающих прямо с позиций, и они делятся со мной свежими впечатлениями. Нижние чины бесподобны по духу и по терпеливости переносить физические страдания; офицеры все же гораздо слабее, и почти все просят меня облегчить им переезд на Кавказ для лечения ран. (Все это офицеры 21 и 52 пехотных дивизий, расположенных в Терской области, Дагестане, Баку и т. д.)

Сегодня, наконец, отозвались на мой клич разные уполномоченные с санитарными поездами; все госпиталя переполнены, и весь иванородский вокзал тоже наводнен несчастными страдальцами. Появились: Трепов, Иваницкий, Антонов и Голубев для личного наблюдения эвакуации раненых. Всю эту компанию пришлось изучить еще раньше в других местах; из них самый дельный, безусловно, Голубев, затем Иваницкий, Антонов нераспорядителен и глуп (член Госуд. думы), а Трепов ниже всякой критики. Мое личное положение бывает даже комичным, и вот почему. Не имея ни власти, ни полномочий, а только свой старый и длинный язык, я им орудую, как могу, чтобы помочь страдальцам, и в результате все эти господа лезут ко мне за советами и часто просят то или другое из их распоряжений взять на мою ответственность. Когда это распоряжение практично и умно, я соглашаюсь, когда—нет, отказываюсь. Самый назойливый это Ф. Ф. Трепов, так как, не ладя и боясь Ольденбургского, он ничего не хочет брать на свою ответственность, а враг идет, а распоряжений нет. Но и с ним в конце-концов удалось сладить, я его старался успокоить и убедить, что тут

на месте надо действовать самолично, а не ждать телеграмм принца Ольденбургского. Tout est bien que finit bien [1]).

Не знаю, что больше надоело, уполномоченные со своими приставаниями или беспрерывный рев орудий. На-днях дело должно решиться в нашу пользу или в их. После появления Иванова и Эверта есть надежда на успех, так как, если XVI и гвардейский корпус подойдут во-время, то у нас будет перевес сил. Кроме того угодник мой Николай чудотворец не дремлет и пока настроен благоприязненно. Я ему больше доверяю, чем немецкому «Unser Gott».

Сегодня 3/X просидел 2½ часа в цитадели с Шварцем и Ирманом, которых слушать и приятно и поучительно. Здесь встретился с интересным статским собеседником, с которым долго болтал, не зная, кто он. Оказался Петров [2]), корреспондент «Русского слова» и бывший священник, который успел объездить все позиции и побывать у Козениц. — Ирман и Шварц просили меня остаться с ними и не покидать Ивангорода, так как оба считают мою скромную деятельность полезной. Немного с ними пошутили о возможности разных опасностей, вплоть до штурма крепости; для таких, как я, существуют два пути отступления: или поездом на Луков или в моторе на Люблин.

4/X с утра прошли со Шварцем пешком на форт «Горчаков», так как на моторе нельзя было туда пробраться из-за прибыли воды на Висле. В самом форте произошла торжественная и трогательная церемония: лично раздавал и привешивал 64 георг. креста нижним чинам 323-го пехотного Юрьевецкого полка (состоящего почти исключительно из костромичей) за их лихую вылазку с 1 на 2 октября. По этому случаю и Шварц и я сказали подобающие речи воинам. Радость удостоенных наградой была велика. Под вечер того же дня в моторах ездили на форты: «Ванновский» и № 5, которые ежедневно состязаются с немцами. Главные их позиции в пяти верстах от крепости в Глевашове, а передовые позиции и траншеи отстоят друг от друга на 1500—2000 шагов. Случайно во время нахождения нашего на фортах обычной пальбы не было (от 6 до 8 час. вечера), но по мосту через Вислу ехали с потушенными фонарями, так как при появлении света сейчас летят «чемоданчики», и к этому мосту (железнодор. на Радом) уже недурно пристрелялись, но пока не разрушили, причинив лишь малый вред. — 5/X шла усиленная канонада с 10 час. утра до 6-ти час. вечера. Немцы вошли в какой-то особенный азарт и даже палили по своим. Кроме того

[1]) «Все хорошо, что хорошо кончается».

[2]) Петров, Г. С., б. свящ., издатель популярных рел.-нравств. брошюр и проповедник, член I Госуд. думы от Петербурга (к.-д.), автор многочисленных шовинистических корреспонденций с фронта в «Русском слове» во время мировой войны.

почти одновременно летали их 3 аэроплана, были брошены 2 бомбы на цитадель, но обе не разорвались; другой валял из пулемета с небес по нашему обозу, причем были ранены два интендантских чиновника, но оба легко. Какие они мерзавцы! Мои генералы, бывшие оба в Порт-Артуре, говорят, что японцы всегда были корректны, щадя «Красный крест», а эти как будто нарочно радуются уничтожить беззащитных. А у нас, очевидно, здесь не имеется ни единого исправного аэроплана, есть летчики, но без аппаратов. Сообщил об этом брату Александру.

Пятая армия сегодня очень удачно перешла Вислу выше Гуры-Кальварии и стала между Пясечно и Вислой, фронтом к ним. Вечером раздавал еще кресты серым героям цитадели. Ночью поехал в Холм с поручением Шварца к ген. Алексееву через Люблин. Прощаясь, Шварц мне сказал: «Не покидайте нас, возвращайтесь скорее назад, мы с вами отлично сжились». Это меня тронуло. — Курьезно официальное сообщение от штаба верховного от 2/X, оно гласит: «На среднем течении Вислы идут отдельные стычки». Что это должно означать? Хороши стычки, когда с 25/IX по 6/X здесь выбыло из строя убитых и раненых 40 тысяч людей! Конечно, о потерях умолчат, но я веду свою статистику при посредстве врачей и санитаров. Например, в одном лазарете № 119 прошло за тот же срок 8 тыс. раненых. 6/X с удовольствием вымылся в знакомой ванне отеля «Виктория».

Масса праздношатающихся офицеров всех родов оружия, много нижних чинов, врачей, бездействующих санитарных поездов, словом, здесь теперь царит невообразимый беспорядок. Здесь же скопились и летчики с аэропланов для практики полетов, а в них такая нужда по всему течению Вислы! В 6 час. вечера прибыл в Холм — сейчас же поехал в наш штаб к Иванову и Алексееву. Иванова нашел бодрее, чем в день его посещения Ивангорода, но ему больно быть свидетелем, как плоды его успехов испаряются благодаря натиску немцев и ошибок ставки. Смотрит на создавшуюся обстановку здраво и даже острит: «Да, жаль будет Бобринского, и его новые штаты могут провалиться. Львов придется отдать, австрийцы уже в 50-ти верстах отсюда: авось Брусилов и справится, если Радко Дмитриев его поддержит со стороны Сана. Все, видите ли-с, мы воюем на авось, так при такой системе или отсутствии вообще таковой все случайности возможны».

А от верховного получаются все грозные телеграммы удержать Львов во что бы то ни стало. Приказания отдавать — одно, а исполнение — другое. 8/X получено приказание верховного всем армиям перейти одновременно в наступление. Наконец-то додумались, а дедушка и Алексеев давно на этом настаивали. Убежден, что при энергичном исполнении этой задачи мы будем иметь заслуженный успех, добьемся очистить Польшу от немцев, но надолго-ли — это другой вопрос.

Вчера 7/X Лечицкий доносил, что нашел где-то около Юзефова удобные переправы через Вислу; если его предположения оправдаются, то он окажет громадную услугу Ивангороду и его защитникам, обороняющим вот уже 12-й день переправу через Козеницы.

В Холме за 48 часов пришлось еще повидать санитарные поезда, привезшие раненых с берегов Сана из 9 армии. Несчастным было из рук вон тяжело: сперва их везли на подводах, затем по узкоколейной ветке от Аннополя до Люблина и т. д. до Холма. В вагонах нигде нет теплушек, между тем сырость отчаянная, так как дожди льют неделю беспрерывно; у раненых и больных вид ужасно утомленный, измученный. Обошел все вагоны, всех благодарил от царского имени и наградил кое-кого, но немного, так как стали скупы на кресты, а мои запасы остались у Шварца. Вечером возвращаюсь в Ивангород к своим друзьям.

Ура! За эти два дня многое изменилось к лучшему благодаря решительным действиям 5 армии Плеве, который, вопреки распоряжений начальства северо-западных армий, продвинулся не на 3, а на 23 версты к р. Пилице, двигаясь параллельно Висле и всюду тесня немцев, которые не выдержали дружного натиска и подались. Сегодня XVI корпус Клембовского должен перейти на левый берег Вислы у Павловицы; завтра подходит гвардейский корпус.

Записывая ежедневно свои впечатления, все же иногда ради усталости кое-что пропустишь. Так, еще 5/X мне удалось повидать, перед выездом из Ивангорода, командира 188 Карского полка Карабашева, сообщившего много интересных подробностей их отступления. На его долю выпала нелегкая задача прикрывать ариергардом отступление XVI корпуса от Казимержа, после неудачи 26/IX у Новой-Александрии с московскими гренадерами. Карабашев выполнил эту задачу блестяще, получив благодарность от Эверта и Клембовского. Теперь, уже оправившись от раны, ему было приказано подойти к крепости и войти в связь с гарнизоном, но пока он приводил в исполнение эту задачу, получилось новое приказание следовать за прочими войсками XVI корпуса на Павловице. Даром промучились, но я успел ему вручить для его карских молодцов и асландузцев 100 крестов, что произвело дикую радость благодаря неожиданности такой милости.

Эти эпизоды характерны, но, конечно, путают планомерный ход и общую связь ежедневного повествования. Итак в ночь с 8 на 9/X немцы покинули все свои передовые позиции, и, очевидно, движение армии Плеве дало благие результаты. Вместе с Шварцем с утра 9/X полетели в моторах на форт Ванновского и разные скрытые батареи, где пришлось благодарить наших молодцов и роздать кресты, а оттуда

на дрезине удалось прокатиться до Горбатки, где подробно осмотрел только что покинутые укрепления неприятеля. В окопах валялись вперемешку каски, саки, ружья, мешки с картофелем, так что следы бегства, и притом поспешного, были налицо. Энергичный и бравый Ирман уже со своими войсками продвинулся вперед Горбатки, нетерпеливо ожидая возможности преследовать столь много ему насолившего неприятеля. Здесь лично мог быть свидетелем, как иногда личная инициатива смелого начальника делает чудеса. Вернувшись около 3-х часов дня после экскурсии на дрезине, в цитадели, к удивлению, застал уже не штаб III Кавказского корпуса Ирмана, а гвардейский, занявший все свободные помещения. Разница была невероятная!

У Ирмана было мало народа, штат небольшой и все при деле. Заметна была для постороннего работа правильная, усердная, и всякий чин штаба имел определенную задачу, которую и исполнял по мере сил. Теперь появился целый рой бездельников, столовавшихся в цитадели у Безобразова за огромным столом. Начальник штаба гр. Ностиц походил на куклу, которая ничем не интересуется и которую никто, начиная с самого Безобразова, ни в грош не ставит. Всем ворочает некий подполковник Доманевский, на вид толковый. Ординарцев всех частей гвардии (особенно кавалергардов) не оберешься. Все это заполняло все ходы, коридоры, балконы и лестницы цитадели. Шварц был принужден перебраться в какой-то чулан, предоставив свой рабочий кабинет любезно Безобразову. Вообще это переселение производило странное впечатление. Сам корпусный командир, т. е. Безобразов, жалуется, что вся его кавалерия находится на северо-западном фронте, что это для него обидно, что гвардию теребят без толку, что потери уже громадные, — особенно в гвардейской стрелковой бригаде, — что необходимо, чтобы Иванов и верховный обратили на это внимание и пощадили цвет русских войск. Слушая Безобразова и его самоуверенные речи, невольно вспоминал скромного, боевого труженика Ирмана с его начальником штаба Кияновским, где было чему поучиться. Сравнение не было в пользу вновь появившихся гостей-гастролеров. А возвращаясь с Горбатки на дрезине в Ивангород, видел много гвардейских полков, направляющихся без связи куда-то. Тут были павловцы, финляндцы, гвардейские саперы — вид у них блестящий. В крепости встретил всю 2 гвардейскую артиллерийскую бригаду, ту самую, которую раньше видел на путях к Янову. Преображенцы и семеновцы расположились в Гневашове, откуда втечение 10-ти дней немцы громили нас снарядами. Во всяком случае, войск вдруг оказалось много, не только в самом Ивангороде, но и в окрестностях. Вчера у Н. Александрии должен был переправиться XXV корпус (Рагоза). Устал и кончаю до завтрашнего дня.

10/X утром снова посетил 119 госпиталь, где при мне привозили вчерашних раненых, всех 323 Юрьевецкого полка, знающих меня в лицо. Это те самые, которым я раздавал кресты 4/X. Пошли распросы, где, когда и как кого ранило. Пострадало и немало новых кавалеров.

Оттуда в цитадель, где с трудом добрался до Шварца благодаря наплыву гвардейских лодырей, занявших все свободные места и проходы. Сообщил мне, что Ирман упорно дерется вчера и сегодня. Очень жалуется на отсутствие кавалерии, которая куда-то исчезла (Кауфмановская уральская дивизия). Яковлев мямлит и благодушествует в Козеницах со своими дивизиями (3 и 35) вместо того, чтобы поддерживать Ирмана. Сегодня, только благодаря энергичному вмешательству Эверта, сей генерал тронулся со своим XVII корпусом вперед. Вернувшись на вокзал в свой вагон, застал полное вавилонское столпотворение. На железнодорожном мосту столпились: все гвардейские обозы, 75 артиллерийская бригада и разные свежие части, попавшие сюда по ошибке, вместо переправы у Павловицы. Все остальное пространство до вокзала было заполнено обозами XVI корпуса Клембовского, которым тоже надо направиться на другую переправу. Ну и порядки же у нас! Разве у немцев возможен такой хаос? Позавтракав, вернулся к Шварцу в цитадель, отпустив Трубецкого и Корфа прокатиться верхами, куда хотят, лишь бы не зарвались далеко. Бои идут сегодня всюду. Немцы выдвинули австрийцев, которые прут вовсю, и с ними дерутся части III Кавказского, Гвардейского и XXV корпусов. Все сражаются по личной инициативе командиров бригад и полков. Пленные австрийцы показывают, что их убедили немцы, что русских у крепости мало и что честь взятия Ивангорода предоставляют им. Вот они и поперли, поверив явному обману своих дорогих союзников. Зато и попало же им сегодня! День удачный для нас. Стратегическое положение наше здесь вполне хорошее. Потерь у нас много. Завтра посещу все госпиталя и буду раздавать кресты, полученные от Иванова вовремя.

Начали работу с утра 11/X, сперва в местном лазарете в цитадели, затем в 115, 114, 119 и Тульской общине «Красного креста». Потери оказались бо́льшими, чем я мог предположить. На сей раз надо отдать должное санитарной части: все приходило во-время, и не было признака непорядков. Результаты вчерашнего дня относительно успешны, так как мы удержали занятые позиции повсюду. Преследовать вряд-ли удастся, как того чаял Ирман, ввиду переброски свежих сил неприятеля взамен отступавших. Сегодня был свидетелем раздирающей сцены в 114 госпитале. Туда привеали мать польку с двумя малютками-девочками 12 и 13 лет; все три ранены осколками шрапнели, разорвавшейся в костеле, куда эти несчастные хотели спрятаться от выстрелов. Узнал о гибели

бывшего подчиненного, командира 205 Шемахинского полка, князя Конст. Ив. Вачнадзе, дважды уже раненого, а 5/X убитого осколком шрапнели. То был очень милый, беспечный и храбрый грузин, приятный собутыльник; я узнал его близко, командуя 16 гренадерским Мингрельским полком. Вачнадзе был у меня заведующим оружием, а затем командовал 16 ротой.

12/X опять целый день посвятил госпиталям, и снова прибыло много новых раненых. Сегодня опять наткнулся на искалеченных детей в 119 лазарете. Между солдатами лежал на койке 6-тилетний мальчик, раненый в плечо осколком гранаты, рядом стоит и плачет отец, потерявший всех прочих детей от огня, а на соседней койке еще две девочки сироты, обе раненые и подобранные тем же мужиком, отцом мальчика. Сегодня было сделано общее наступление шестью корпусами (XVI, XVII, III Кавказского, Гвардейского, XXV и XXIV) и дало благие результаты, так как неприятель не выдержал единовременного напора: где бежал, а где отступил. Прекрасно помогла делу наша крепостная артиллерия, выдвинутая Шварцем вперед, хорошо укрытая, а также и его гаубицы. Пострадала гвардия; более всех семеновцы (700 раненых и убитых нижних чинов и 9 офицеров). Убиты 4 ротных командира и 5 ранены. Затем павловцы и финляндцы. На беду нет прямых поездов на Петроград; пришлось дать экстренные телеграммы о присылке таковых. Иванов прислал еще 200 крестов для раздачи.

14/X. Результат боев сказался: неприятель отступает по всей линии, а наш гвардейский штаб перекочевал вперед в Зволино, на Радомском шоссе. Слава богу, избавились от многочисленных гостей! Более всех рад Шварц. Право, неприлично иметь такой штат при штабе корпуса. Дурак Безобразов этого не понимает, страдая манией величия, и все насмехаются над такими порядками. — Прочел интересную «сводку» от 9/X. Она наглядно показывает ту сцену, которую Вильгельм придавал занятию берегов Вислы и взятию Варшавы, и объясняет их упорство в борьбе. Но меня страшит эта сводка в другом отношении. Ну, хорошо, на этот раз удалось их прогнать, а что если еще раз нагрянут с бо́льшими силами и с лучшей подготовкой, что тогда?! На сей раз наши Ирманы, Плеве, Шварцы отличились, а главное дух войска был выше всех похвал; зато и состав полков п о к а е щ е великолепный, а что будет дальше, не знаю.

Итак, после двадцатидневной осады, Ивангород освобожден окончательно.

17/X. Холмский епископ Анатолий будет служить здесь в соборе благодарственный молебен. Авось удастся и мне немного отдохнуть от ежедневного зрелища госпиталей. Получил премилое письмо от Марии

Федоровны. Беспокоится о сыне Михаиле[1]), справится ли он со своей «дикой дивизией». Прилетел сюда сумасшедший принц Ольденбургский, остался два часа и — ходу дальше; накричал порядком, а порядка навести не может. Справились здесь кое-как и без него. Со мной был милостив и даже изволили острить.

(Окончание следует.)

---

[1]) Михаил Александрович, вел. кн. (1878—1918), ком. Кавказской туземной («дикой») дивизией.

Из записной книжки архивиста.

Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны.

Публикуемая ниже записка, составленная за полгода до начала империалистической войны в русском министерстве иностранных дел и одобренная Сазоновым, содержит любопытный материал о том, как и в каких целях предлагалось и предполагалось использовать католицизм в политических интересах царской России.

Автор записки предлагает усвоить опыт западно-европейских буржуазных стран, а именно — «использование громадной консервативной силы католической церкви для борьбы с все усиливающимися ныне социалистическими и противоправительственными течениями», и при этом с нескрываемой завистью и уважением ссылается на пример Германии, где католическая партия центра помогает правительству вести борьбу с социализмом (та самая партия, которая в наши дни является руководящей в фашистском правительстве Брюнинга), и на пример Италии, где буржуазное антиклерикальное правительство смогло удержаться у власти только в результате «тайного соглашения с католическими организациями». С другой стороны, — в условиях подготовки мировой войны это было чрезвычайно важным обстоятельством, — соглашение с Ватиканом открывало перед царской Россией перспективу «использования международной силы и влияния католической церкви в смысле достижения чисто светских целей мировой политики».

И действительно, несколькими месяцами позднее, в целях противодействия австрийской политике на Балканах — в частности, в землях с преобладающим католическим населением, незадолго до того присоединенных к Сербии, с согласия и даже не без содействия царской России, Сербия заключила конкордат с Ватиканом. Но официально петербургской дипломатии пришлось отрицать какую-бы то ни было свою прикосновенность к этому соглашению. Это неудивительно: путь открытого соглашения с Ватиканом в целях осуществления испытанной программы использования католицизма на службе внутренней и внешней политики царизма возможен был только при коренном и принципиальном изменении царской политики в отношении Ватикана, при условии, если бы удалось договориться с последним по польскому вопросу. Но тут выступала традиционная политика царизма в отношении «инородцев».

В предвоенные годы царизм усилил религиозные притеснения и, в частности, ввел ряд ограничений в области управления делами католической церкви. Это вызвало ряд официальных протестов со стороны курии, которая в 1912 и 1913 гг. представила по этому поводу несколько обширных меморандумов. Уже за несколько лет до этого, по личному распоряжению царя, были приняты меры в связи с тем, как писал позднее министр внутренних дел Маклаков, что наблюдалась «непрекращающаяся деятельность римско-католических священников, направленная к осуществлению поляками национальных политических идеалов». В 1908 г. на докладе витебского губернатора по по-

воду деятельности католического духовенства среди поляков Николай Романов положил резолюцию. «Обращаю серьезнейшее внимание на это скверное и недостойное явление», а в 1912 г. на докладе келецкого губернатора «по поводу деятельности римско-католических священников, играющих среди польского крестьянства роль сильнейшего тормаза в деле закрепления доверия к правительству и сознания преданности России», — царская резолюция лаконически гласила: «Русскому правительству следует помнить это всегда». Эта полицейская мудрость и явилась краеугольным камнем официальной политики царской России. Неудивительно, что министерство внутренних дел, проводя традиционную линию борьбы с «инородцами», не мыслило себе иной темы для переговоров с Ватиканом кроме предварительного и открытого подчинения последнего всем полицейским мерам, направленным против поляков и проводимым во имя утверждения казенного православия и насильственной руссификации. Напрасно руководитель внешней политики указывал, что более широко понятые интересы царской России открывают возможность договориться с Ватиканом и тем самым иметь дело с католицизмом не как с противником, а как с подлинным и исторически-испытанным помощником в борьбе с революцией, как с опытным агентом в борьбе за проведение империалистской политики. Напрасно Сазонов осторожно намекал на то, что Ватикан, получив некоторые формальные предварительные уступки, готов будет отказаться от своего «полонофильства».

Царская полиция ничего этого знать не желала, от всяких разговоров на эту тему (Сазонов предлагал устроить междуведомственное совещание) отказывалась, урегулирование отношений с Ватиканом считала вопросом своей собственной компетенции и, тупо проводя «православную» политику в отношении «инородцев», не замечала, что католицизм за соответствующие компенсации готов стать союзником царизма на всех фронтах его политической деятельности. Получив царскую санкцию, полицейская мудрость одержала победу и на сей раз.

Но победа эта оказалась временной. Уже очень скоро, в условиях борьбы с Германией, царской политике поневоле пришлось изменить — по крайней мере внешним образом — свое отношение к «польскому вопросу» и вместе с тем к католицизму. Но это было сделано и нерешительно и слишком поздно, — т. е. так, как это свойственно всякому режиму, обреченному на гибель.

Публикуемая записка[1]) показывает, что в руководящих кругах царской политики достаточно хорошо понимали, что наряду с официальным православием католицизм может быть хорошо использован в реакционных и империалистских интересах царской России, — и весь вопрос заключался в том, чтобы решить, на каких условиях возможен этот союз двух реакционных сил. Соображения, высказанные в публикуемой записке, были официально отвергнуты потому, что победившая точка зрения министерства внутренних дел хотела бы видеть в католицизме не столько союзника, сколько простого слугу, — роль, которая по существу ничего не меняет в оценке католической церкви, как орудия реакционной политики правящих классов.

А. Е.

Подводя итог сетованиям, выраженным в меморандуме курии, мы не можем не заметить, что сетования эти направлены не столько против строгости законов,

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. иностр. дел, особый полит. отд., № 20. На подлиннике помета: «Одобрено г. министром 4 января 1914 г.» Набранное разрядкой в подлиннике подчеркнуто.

сколько против применения их нашими административными властями в недоброжелательном и даже враждебном для католического духовенства смысле путем принятия, как выражено в меморандуме, «disposition exceptionnelles» и «mesures vexatoires».

Далее в меморандуме отведено известное место обсуждению векового спора о преобладании духовной власти над светской. Подобный спор, чисто теоретического характера, совершенно бесцелен. Очевидно, что церковь будет отстаивать преимущество божеских законов над гражданскими и будет ставить присягу, даваемую папе, выше присяги, приносимой главе государства. Это — факты, с которыми следует считаться и иметь в виду при издании законов, имеющих отношение к церкви, ибо, как замечает меморандум, хотя церковь и государство и не являются однородными державами, но по существу своему и с точки зрения христианской должны находиться между собой в полной гармонии.

Вследствие сего предпочтительно было бы, оставляя упомянутые чисто теоретические вопросы в стороне, остановиться на чисто практической почве и рассмотреть все пункты меморандума в отдельности и постараться найти одинаково выгодное для обеих сторон решение.

Но предварительно приступления к этой работе казалось бы необходимым решить несколько вопросов, имеющих общегосударственное значение и от решения которых в большей степени зависит и решение отдельных вопросов, поставленных в меморандуме.

Первым из этих вопросов является вопрос чисто внутренней политики: положение римской церкви в России и отношение к ней и ее духовенству русского правительства.

По заявлению меморандума, положение это бесправно и отношение правительства явно враждебно и недоброжелательно.

Не касаясь того, насколько обвинения эти справедливы и обоснованы, следует признать, что в наших отношениях к римской церкви мы стоим в настоящее время лицом к лицу с целой категорией вопросов принципиального характера, не получивших до сих пор определенного решения. Отсутствие же подобного решения порождает на практике те недоразумения и затруднения, которые и привели наши отношения к римской церкви к столь резкому обострению. Эта неопределенность и изменчивость нашей политики и составляет главное сетование курии, которая, как показывает опыт других стран, охотнее уживается с более тяжелым положением, но при условии, чтобы оно носило в себе элементы устойчивости и последовательности, а не зависело от личных воззрений меняющихся у власти лиц.

Поэтому первой задачей предстоящего совещания будет установление тех твердых начал, на которых должны, на будущее время, покоиться отношения государства к римской церкви, к ее духовенству в России и к пастве.

Установление определенного направления нашей внутренней политики в этом вопросе является государственной необходимостью.

Как министерство иностранных дел имело уже случай указывать в своей переписке с министерством внутренних дел, использование громадной консервативной силы католической церкви для борьбы с все усиливающимися ныне социалистическими и противоправительственными течениями в народе не может не отвечать самым существенным интересам государства. Примером тому может служить Германия, где в настоящее время католические

организации в Вестфалии и Прирейнской провинции ведут сильную борьбу с организациями социалистическими. Результаты этой борьбы проявляются главным образом на политических выборах, где кандидаты социалисты принуждены уступать место более умеренным и консервативным элементам. Последние же итальянские выборы, где антиклерикальное правительство прибегло к тайному соглашению с католическими организациями, чтобы провести своих кандидатов, еще более ярко иллюстрируют это положение.

Второй вопрос касается области нашей внешней политики, но вытекает из первого. От направления политики внутренней зависит и участь нашего дипломатического представительства при Ватикане.

Позволительно сомневаться, возможно ли будет, в случае даже решения первого вопроса в неблагоприятном для римской церкви смысле, государству, как Россия, где не существует отделения церкви от государства, прервать всякие сношения с курией. История знает целый ряд таких попыток, которые неизбежно приводили к одному и тому же результату, а именно возобновлению этих отношений. Отсутствие дипломатического представительства, как например у Англии, не свидельствует еще, что эти отношения не существуют, а только то, что они происходят другим путем и другими средствами, а именно, при существующей в Англии полной вероисповедной свободе, через посредство епископов и английских духовных учреждений в Риме.

Не подлежит сомнению, что государство при умелом использовании дипломатического представительства может добиться более сильного и действительного воздействия высшей церковной власти на епархиальное начальство и духовенство, чем самостоятельным и непосредственным давлением всей силой гражданского закона. Не исключена и возможность, в случае нахождения на святом престоле крупной политической личности вроде Льва XIII, и использования международной силы и влияния католической церкви в смысле достижения чисто светских целей мировой политики.

С вопросом о дипломатическом представительстве при Ватикане тесно связан третий вопрос, который следовало бы решить на совещании и о котором в меморандуме совершенно не упоминается, а именно — о неоднократно делавшихся курией попытках официальным или официозным путем добиться допущения в Россию папского не то что дипломатического представителя, а хотя бы лица совершенно частного характера, условия пребывания которого и сношения с членами правительства зависели всецело от сего последнего — Ватикан неоднократно жаловался на то обстоятельство, что вся его осведомительная деятельность о русских делах находится в полной зависимости от польских кругов в Риме и от католического духовенства в России, которое почти поголовно принадлежит к этой национальности. В большинстве случаев Ватикану при выборе кандидата на епископскую вакансию приходится считаться или с отзывами упомянутых кругов или русского правительства, источниками, которые в глазах курии не являются достаточно беспристрастными. Этим отсутствием объективного критерия для суждения о годности данного кандидата не только с правительственной, но и с церковной точки зрения и следует объяснить те затруднения, которые постоянно возникают при назначении новых епископов.

Следующий очередной вопрос затрагивает вероисповедные интересы известной части населения империи и вызывает большие недоразумения между нашими властями и католическим духовенством, допускающим смешение национальности с религией. С другой стороны, направление нашей внутренней политики в этом вопросе скорее способствует, нежели препятствует этому смешению. Нежелание допустить существование католического духовенства и паствы русской национальности ведет к самым неожиданным последствиям, как, например, к полонизации русского населения в начальных школах Белоруссии на казенный счет, где католические священники преподают русским людям закон божий на польском языке, основываясь на существующем в этом населении ошибочном представлении о неразрывной связи католической религии с польской национальностью. Этот вопрос должен быть решен, во-первых, путем внутренних мероприятий правительства, а, во-вторых, путем общего соглашения с курией по этим предметам.

Наконец, желательно обсудить вопрос о своевременности изменения некоторых постановлений действующего закона (уст. дух. дел ин. испов., часть 1, том XI, изд. 1896)] об управлении делами римско-католической церкви в империи. Едва ли подлежит сомнению, что многие постановления означенного устава уже устарели и требуют большей согласованности с современными условиями и воззрениями.

Январь 1914 г.

В III (46) томе «Красного Архива» на стр. 29, 9-я строка снизу, напечатано: «из Тонтона» — следует: «Фонтона».

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг. С предисловием Р. Авербух . . . . . 3— 49
Проект захвата Босфора в 1896 г. С предисловием В. Хвостова. 50— 70
Заграничное путешествие М. Н. Муравьева . . . . . 71— 89
Польша и южно-русская контрреволюция. С предисловием Ал. Гуковского. . . . . 90—110
Кадеты в 1905—1906 гг. (Окончание). С предисловием Б. Граве. 111—139
Записки Н. М. Романова . . . . . 140—183

Из записной книжки архивиста

Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны. Сообщил А. Е. . . . . 184—188

С 1 ЯНВАРЯ 1932 ГОДА

ВЫХОДИТ НОВЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА БОЛЬШЕВИЗМ В ТЕХНИКЕ

Орган Института техники и технической политики и Общества техников-марксистов при Комакадемии

Выходит 12 номеров в год

Ответственный редактор ЛЕНГНИК Ф. В.

Редколлегия: Бобинский С. Я., Бурдянский И. М., Кржижановский Г. М., Милонов Ю. К., Роцен И. П., Рубинштейн М. И., Рутгерс Т. Я.

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ:

Непримиримую борьбу со всякими извращениями генеральной линии партии в области техники и технической политики, систематическое внедрение в вопросы техники и технической политики марксистско-ленинской методологии путем:

1) освещения достижений и задач советской техники и центральных проблем нашей технической политики;

2) критического освещения узловых проблем капиталистической техники;

3) марксистско-ленинского освещения вопросов истории техники и истории наших заводов;

4) смотра выходящей технической литературы;

5) смотра работы органов подготовки технических кадров.

Журнал рассчитан на научных работников, хозяйственные кадры и студенчество.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 1 год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

Цена отдельного номера 1 р. 30 к.

Подписка принимается в отделениях, магазинах, киосках и уполномоченными Книгоцентра Огиза, на почте и письмоносцами

КНИГОЦЕНТР
СЕКТОР ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ на с/с ЛЕНИНА, ЭНЦИКЛОПЕДИЙ И ДР. ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ

При всякой перемене адреса НЕМЕДЛЕННО сообщайте об этом в Сектор подписных изданий. В противном случае высылаемые в старый Ваш адрес книги возвращаются обратно и ПЕРЕДАЮТСЯ ДРУГИМ ПОДПИСЧИКАМ. **РАСХОДЫ по возврату книг удерживаются из задатка, а заказы аннулируются.**

Все подписчики, не сообщившие о перемене адреса, **должны сообщить об этом в 2-недельный срок.** При неполучении в указанный срок этих сообщений **заказы этих подписчиков будут считаться аннулированными.**

В извещениях о перемене адреса, а равно во **всяких запросах** по поводу исполнения заказов и в **жалобах** на невысылку книг и т. п. подписчики должны **кратко** излагать содержание своих сообщений и **обязательно указывать:** 1) наименование издания, на которое подписался, 2) № заказа (квитанции), 3) точный адрес, по которому следует высылать книги и 4) в случае перемены адреса указать старый адрес.

Заявления, содержащие эти сведения и четко заполненные, разбираются и исполняются в течение 3-х дней. Заявления, написанные без указаний перечисленных выше данных, а также неразборчиво написанные, не рассматриваются.

Подписчики на все подписные издания, проживающие в гг. Москве и Ленинграде, а также подписчики на с/с Ленина, МСЭ и Т. Э., проживающие в гг. Новосибирске, Тифлисе, Харькове, Киеве и Ростове н/Дону, должны обращаться с заявлениями в соответствующие местные отделения Книгоцентра. Все остальные подписчики адресуют все сообщения и жалобы
Сектору подписных изданий, Москва, центр, ГСП 5, Маросейка, 7.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД

НА ЖУРНАЛ

„ИСТОРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА СССР“

Периодический сборник секции истории пролетариата СССР института истории Коммунистической академии

Сборники ведут разработку материал в по истории рабочего класса и рабочего движения СССР, освещают вопросы происхождения пролетариата, социальный состав его, экономическое положение, историю профессиональных и других рабочих организаций, экономическую и политическую борьбу рабочего класса и процесс формирования его идеологии.

Особое внимание в сборниках будет уделяться истории пролетариата и пролетарских организаций в 1917 г. и в период гражданской войны, истории заводов и фабрик и изучение нового в рабочем классе.

В сборнике будут помещены исследовательские статьи по указанным вопросам, статьи методологического характера, документы и материалы из центральных и местных архивных фондов, критические статьи, рецензии, обзоры журналов и сводки работ по истории пролетариата СССР.

Журнал будет выходить один раз в 3 месяца отдельными сборниками по 15 печ. листов каждый

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

4 сборника 10 руб.

2 сборника 5 руб.

Подписка принимается во всех отделениях Книгоцентра ОГИЗ'а, его уполномочен. и на почте.

Центральная Книжная Государств. Библиотека.
БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО КНИГООБМЕНА.

Цена 2 р. 50 к

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД
НА ЖУРНАЛ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР
ГОД ИЗДАНИЯ 11-й
6 КНИГ В ГОД
(Отв. редакция: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, М. Н. Покровский)

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции, истории фабрик и заводов и гражданской войны.

Особенное внимание в 1932 г. будет посвящено опубликованию материалов по истории Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ КНИГОЦЕНТРА, ЕГО УПОЛНОМОЧЕННЫМИ И ВСЮДУ НА ПОЧТЕ